

Королев Александр Михайлович.

К таежным дебрям Орхона.
Записки сына геолога.

Оглавление

Предисловие	5
Как все начиналось.	7
Сборы геологической экспедиции.	9
Зимняя дорога.....	17
В пути.....	19
Пурга и метель бушевали всю ночь и весь следующий день.	21
Привал из – за непогоды.	25
Странности пути.	27
Пункт назначения и обустройство лагеря.	31
Начало работы экспедиции.	35
Наметки закладки поисковых шурфов.....	37
Трудности работы зимой.....	39
Рекогносцировка местности.....	41
О столице Монголии.....	45
Экскурсия в заповедник.	49
Заповедник удивляет.	51
Не придуманные истории о заповеднике 55	55
Сказочные места.	57
Проказы Шурика.....	59
Неожиданное рядом.....	65
Ночлег в заповеднике.	69
Экскурсия продолжается.....	71
Гора Богда – Ула.	73
Очевидное – невероятное.....	77
Новая экспедиция.....	79
В плену красоты.	83
Привал и новые знакомства.	87
Непреодолимая преграда.....	91
В гостях у председателя аймачного совета.	93
На следующее утро.	95
И снова работа.....	97
Утро в геологическом лагере.	101
Необходимая потребность.	105
Тяжесть работы – радость ее результата.	109
Победа поиска в безымянном логу.....	113
Индивидуальный высокогорный маршрут.....	117
Время бежало неудержимо быстро.	119

Волшебная природа	123
Бесконечная работа.....	127
Встреча путников в глухих безлюдных местах.	131
В долину Змей.	133
К источникам минеральных вод.	135
Встреча с Циренпилоном.	137
Рассказ Циренпилона.....	139
Изучение минеральных источников.....	145
К маршрутам- по заданному водоразделу.	147
К истокам реки Орхона.	153
Вниз по Орхону в резиновой лодке.....	157
Орхон удивляет.	161
Спасение.	167
Встреча с боевым товарищем.	171
Отдых после работы.	175
Маршрут близился к концу.	179
Трогательное расставание боевых друзей.	181

Предисловие

Михаил Гаврилович

Данная книга является попыткой в художественного изложения небольшой части работы моих родителей Михаила Гавриловича и Анастасии Алексеевны Королевых в геологических экспедициях в Монголии. Конечно, мы дети: сестра, брат и я были большей частью при родителях. Время безжалостно, но память вечна! Уже нет отца, его отважных сослуживцев разведчиков монголов, где то затерялась рукопись отца. Да, к сожалению, это мои воспоминания о работе моих родителей; встрече через много лет монголов однополчан моего отца орденоносца Великой Отечественной войны, командира разведвзвода 2-го батальона 70 - й Проскуринской Краснознаменной мотомехбригады, незаурядного инженера – геолога, открывшего только в

Монголии одиннадцати месторождений полезных ископаемых. О Маме - Анастасии Алексеевне можно сказать много добрых и сердечных слов, которая с тремя детьми пережила войну, получив на папу три похоронных извещения. И она не поверила в гибель и дождалась его! В книге я хотел бы показать нелегкий, но благородный труд геологов, экзотику богатейших природных условий обширной Монголии; на примерах мирного труда; дружбу советского и монгольского народов и бескорыстную помощь Советского Союза, оказанную в те годы Монгольской Народной республике. Надеюсь, что книга вызовет большой интерес читателей, как в России так и в Монголии в том числе знавших моих родителей. Памяти родителей и его сослуживцев посвящаю эту книгу.

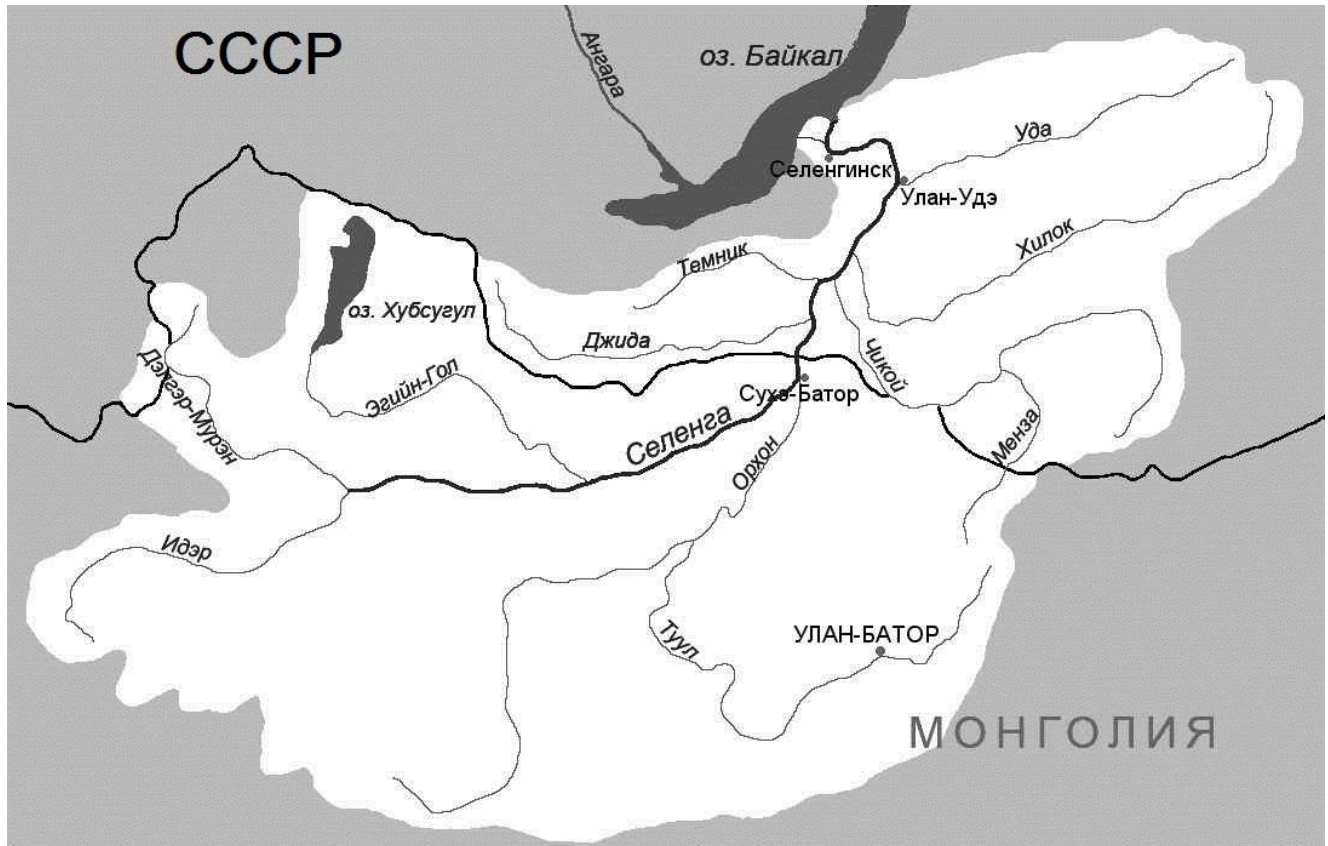
Анастасия Алексеевна

Автор.

Как все начиналось.

В Улан-Баторе - столице Монгольской Народной Республики- группа русских геологов уже второй месяц тщательно по крупицам собирала и изучала разрозненные материалы по бассейну реки Орхона.

Карта Монголии, где легко можно найти бассейн реки Орхон.

В этих местах намечались геологические исследования. Обнаруженные материалы (скорее записки) были весьма ветхими, непрофессиональными, разоб-щенными и, нередко, малодостоверными. К тому же приходилось выискивать их практически с нуля в различных учреждениях столицы. Большая часть материалов была сконцентрирована даже не в хранилищах геологического фонда, а в архивах и даже фондах музея.

Экспедицию возглавлял инженер - геолог Михаил Иванович Орлов. Он был в расцвете своей творческой деятельности, прошел тернистый жизненный путь. В недавнем прошлом был фронтовиком, и имел многолетний опыт работы в геологических экспедициях в суровых горно-таежных условиях дальневосточной Сибири.

Ладони и пальцы его рук, покрытие множеством мелких шрамов разной давности, знавали немало образцов различных горных пород и всевозможных руд. Левая рука была несколько короче, слабее – то был след пулевого ранения в минувшей Отечественной войне.

Михаил Иванович большими шагами отмерял расстояния от одного учреждения города до другого. В быстроте и легкости походки терялась грузность его солидной фигуры.

В учреждениях, склонившись над столом, он часами, не отрываясь, изучал печатные и рукописные труды путешественников и исследователей. Часто задумываясь, он поглаживал лысеющую голову, то и дело попыхивал своим Мефистофелем - трубкой, которую он курил, выпуская через черные усы клубы белого дыма .

Кропотливая работа геолога Михаила Ивановича

Сборы геологической экспедиции.

В кабинете Михаила Ивановича и его коллег обычно было тихо: слышно, как муха пролетит; но иногда бывало и так шумно, что не сразу разберешь, что в нем творится. Так бывало при деловых геологических спорах, по каким-либо интересным, не вполне ясным непрофессионалу, вопросам.

Геологический совет во главе с Михаилом Ивановичем (в центре с усами и галстук).

Так, различными были мнения в отношении причин дугообразного изгиба горных цепей в пределах центральной части Монгольской народной Республики: в западной части территории они вытянуты в северо-западном направлении, в восточной же части - в северо-восточном. Одни коллеги объясняли образование этого изгиба различным направлением горообразующих сил, другие - жесткостью и неэластичностью горных пород, слагающих северные площади Центральной Монголии; ну а третьи - разновозрастным происхождением горных цепей восточной и западной Монголии. Были и такие, кто утверждал, что никаких изгибов нет. По их мнению, на юге центральной Монголии две системы горных цепей

просто имели свои окончания.

В связи с этим, сторонники разновозрастного происхождения горных цепей и связанного с ними магматизма¹, утверждали, что металлоносный пояс, наметившийся в Восточной Монголии, не продолжается в Западную ее часть. Поэтому в Западной Монголии при поисках месторождений полезных ископаемых нельзя руководствоваться поисковыми признаками, характерными для восточной половины. Здесь, по их мнению, магматические проявления, как структурные формы горных цепей другого возраста, не подходили для поисков месторождений редких металлов.

Михаил Иванович не соглашался с высказанными предположениями. Он придерживался противоположных взглядов, и вместе с коллегами старательно изучал найденные материалы. Кропотливый труд давал ожидаемые результаты. При этом он в душе радовался, но внешне оставался равнодушным. Он осторожно защищал положения, противоположные только что высказанным; ставил перед собой, перед своими коллегами ряд неожиданных вопросов и устремлял внимание всех на разрешение их путем тщательного анализа имеющихся материалов.

В результате, наметились некоторые просветы в разрешении выявленных проблем. Материалы последних лет, собранные геологами Центральной Монголии, все же подтверждали предположения Михаила Ивановича и оттесняли все дальше и дальше аргументы других сторон. Однако Михаил Иванович не выказывал торжества, а наоборот - с еще большей кропотливостью устремлял свое внимание и внимание товарищей на поиски новых данных, критиковал основы своих же предположений. И когда не находил контраргументов самому себе, вновь радовался, внешне сохраняя завидное хладнокровие.

В исследования Приорхонья было решено использовать методы, испытанные в аналогичных районах Советского Забайкалья. В декабре приступили к организации зимних поисковых работ. Начальником поискового отряда Михаил Иванович назначил техника-геолога Савина Николая Ильича. Хотя в коллективе – и товарищи, да и сам начальник экспедиции - звали его просто Колей - Николаем.

Возраст Николая уже перевалил за вторую половину третьего десятка. Он был вполне зрелым, серьезным специалистом своего дела, любил занимать командное положение в небольшой группе людей и четко выполнять конкретное задание.

Отдаленность места работы, трудные условия, экзотичность, сопряженная с

¹ Магматиз – процесс возникновения в мантии и земной коре магматических расплавов, последующего их подъема и затвердевания на разных глубинах или извержения на поверхность Земли.

различными приключениями, новинками, возбуждали в нем еще больший интерес, интриговали. По его словам, он был страстным любителем охоты на диких зверей, а также на всевозможную дичь и, в то же время, рыболовом - любителем на удочку и спиннинг.

Формируя отряд, оснащаясь необходимым снаряжением, он не забывал об орудиях рыболовства и охоты. Он обзавелся ружьем двустольной «тулкой» с большим количеством патронов, заряженных различной дробью и даже картечью. Приобрел прекрасный спиннинг с набором всевозможных блесен.

В вечерние часы досуга молодежь изрядно шутила над Николаем,- вооружала его во все приобретенные им доспехи и смеялась до упаду. Он и в этих случаях не терялся, с горделивой осанкой расхаживал по комнате. На нем красовались ружье, патронташ, ягдташ², полевая сумка, рюкзак, охотничий нож с расписной многоцветной рукоятью, болотные сапоги и спиннинг. В этом снаряжении он, конечно, не походил на геолога, но это было как бы между прочим; главное же находилось в центре внимания и всегда было подготовлено все необходимое.

Списки всего снаряжения, инструментов и продуктов неоднократно проверялись и пополнялись Михаилом Ивановичем, завхозом Иваном Абрамовым, поваром - китайцем Фу – Ми – Цо. Кажется, уже все до мелочей было учтено; однако, с каждым разом что-либо вновь оказывалось забытым, не включенным в перечень.

Завхоз Иван Абрамов, уроженец Забайкальской тайги, только что демобилизованный из рядов Советской Армии в чине старшины, придерживался правила «собираешься на месяц - запасайся на год, захватывай всего побольше, в хозяйстве все пригодится». И запасался. А когда Михаил Иванович просматривал списки, вычеркивал лишнее или сокращал количество, Абрамов сдвигал шапку на лоб, морщился, непрерывно вытирал выступавший пот, трепал свой русый чуб и досадливо упрашивал: «Михаил Иванович! Оставьте, пригодится!»

Начальник экспедиции был против излишеств и неумолимо вычеркивал из списков все ненужное, а необходимое сокращал до количеств, обоснованных расчетами, оставляя лишь небольшой резерв.

Повар Фу-Ми-Цо, проверенный в приготовлении пищи в период организации отряда, сам ходил по складам и отбирал необходимые кухонные принадлежности. В кузнице он заказал даже таганы, кочережки, щипчики для углей, противни и т.п.

- Дарга! - обращался он к Михаилу Иванович,- это нада - да (мало). Как

² Ягдташ – нем.Jagdtashe – охотничья сумка..

можно котлет делать, пирожки жарить, если нет глубокий противень?

- Дарга! - Капуста нада - да. Как можно делать пельмени, поза³, пирожки, если нет капустника?

При этом небольшие черные глаза его блестели, выглядывая из косых узких глазниц; лицо выражало как бы удивление, а жестикулирующие руки доказывали крайнюю правоту его доводов.

- Хорошо, хорошо, Миша! - так было принято обращаться в коллективе экспедиции к повару Фу-Ми-Цо⁴, - Возьмем, купим! – утешал его Михаил Иванович, похлопывая по плечу, и заносил в список новые требования. Шофер Доржа, выезжающий с отрядом на постоянную работу, запасся талонами на бензин и масло для получения их на ближайшей базе, подобрал массу мелких запасных частей к новому ГАЗ-63.

- Всяко бывает, - рассуждал он,- и в новом автомобиле выходят из строя отдельные детали. Прерыватель- пустая вещь, а поломается - и дальше не поедешь. Конденсатор тоже вроде пустяк, а выйдет из строя, и будешь «загорать» в степи на морозе...

Он говорил убедительно, его черные узкие глаза на круглом смуглом лице были серьезны и устремлены прямо на Михаила Ивановича, как бы подтверждая правоту его слов.

А Михаил Иванович и не намеревался возражать и, тем более, отказывать ему в запасных деталях, он даже похваливал дальновидность шофера и его заботу.

- Бери, Дорж! Бери! - эти вещи не тяжелые, они не обременят, а могут понадобиться и выручат в тяжелую минуту.

Наконец, все приготовления были закончены. В обширном дворе гаража выстроились пять грузовых автомашин, готовых в дальний путь. Их кузова до-

³ Позы – это национальное блюдо монгольской кухни.

⁴ Хочу сказать слова памяти в адрес этого человека. Что за классный повар был Фу-Ми-Цо – я бы назвал его кроме основной специальности - артистом, жонглером, фокусником, гимнастом, силачом и к тому же очень добрым и сердечным человеком!!! Все мучное пироги, позы, пельмени, лапшу делал на лету, в воздухе! Знал массы рецептов. За все годы своей жизни, мне не приходилось видеть ничего подобного с тех пор! Когда я подходил к нему во время во время готовки, он из «воздуха» - «из никуда» вытаскивал булочку или пирожок и угощал меня или какую либо женщину и тем самым он становился в центре внимания не смотря на то, что имел низкий рост и не обладал особой красотой. А какой он был сильный и гибкий: делал «шпагат» и невероятные вращательные движения ног и рук, но главное магнетизм его был как доброго, умного человека был фантастический, неопиcуемый! Шутя, выкручивал подкову, из кочерги вил цветы! Фу-Ми-Цо был очень религиозным человеком, хотя этого никто не замечал.

верху были загружены снаряжением, а между ящиков и тюков из кошмы сделаны теплые кабины. Ранним утром в первых числах января, когда на востоке лишь начала загораться зорька, у колонны автомашин засуетились неуклюжие фигуры.

В воздухе было безветренно. Термометр показывал тридцать градусов ниже нуля по Цельсию. В январе, для Улан-Батора, это не такая уж низкая температура. Бывали тут морозы до пятидесяти градусов и ниже. Деревья, одетые в узорчатый серебристый иней, стояли неподвижно. Трубы домов и юрт начали «курить», испуская прямые, поднимающиеся вверх струи серого дыма. В такой мороз не так - то легко завести застывшие моторы автомашин, но пар котельной, подаваемый по длинному резиновому шлангу, моментально оживил их. Они один за другим, покашливая, заурчали и окончательно разогревшись, заработали равномерно.

Михаил Иванович сверялся о прибытии личного состава отряда, отдавал последние распоряжения. Ему активно помогал и докладывал обстановку суетившийся Николай. Все были в сборе, кроме Фу – Ми - Цо. Вот уже прошло десять минут после назначенного времени отбытия, а повар все не появлялся.

Ехать без Фу – Ми - Цо было нежелательно, так как приготовление пищи легло бы тяжким бременем на сотрудников отряда. Откладывать выезд по этой причине тоже было нельзя.

Михаил Иванович уже стал нервничать, Николай - еще больше. Рабочие-отъезжающей геологической партии - монголы, китайцы, русские - тоже волновались и нервно курили. Некурящие бегали вокруг автомашин, похлопывая рукавицами. Мороз щипал щеки, нос, проникал в усы и бороды. У Михаила Ивановича длинные пушистые усы посеребрились инеем, но трубка «Мифистопель» выпускала клубы белого дыма.

Наконец, после нудных пятнадцати минут ожидания появился запыхавшийся повар. В руках он держал большой нож и кухонную дощечку.

- Миша! - набросился на него начальник, - где ты был? И что ты, всегда так будешь подводить нас ?

- Э, не ругай, дорогой! Это ножик, мясо рубить надо. Это доска - на стол клади надо. Я был, мой товарищ, взял этот ножик и доска, - оправдывался запыхавшийся Фу-Ми-Цо.

- По местам! Садись! - раздалась команда Михаила Ивановича. Неуклюжие фигуры побежали к автомашинам и скрылись- одни в кабинах, другие- в кошмяных⁵ кибитках-кузовах.

⁵ Имеется ввиду в кибитках обитых кошмой – войлоком.

Убедившись, что все разместились, Михаил Иванович и Николай расселись: один- в кабину головной, другой- в кабину замыкающей автомашины.

Шофера прибавили газу, учащенной заработали моторы и автомашины, скрипя скатами по снегу, плавно, одна за другой, тронулись с места; затем, вытянувшись в цепочку, последовали по накатанной дороге. За стеклами кабин замелькали дома, дымящиеся юрты, телеграфные гудящие столбы, придорожные тумбы. На окраине города главная машина свернула на обочину и плавно остановилась, за нею выстроились и остальные. Михаил Иванович обошел колонну, еще раз удостоверившись в полном порядке и благополучии, сел в кабину, закурил свою неразлучную трубку и приказал следовать дальше. Машины, преодолевая подъем, двигались одна за другой. Снег под колесами скрипел. Ветер шевелил фалды толстых ватных капотов и обдувал смотровые стекла кабин.

Слева расстилалась широченная долина Толы. Чернеющие полосы тальника и ивняка вырисовывали извилистые контуры замершей реки и ее протоков.

Рядом с автомобильной дорогой, тянулись две черные нити железнодорожных рельс, по которым, гремя колесами в сторону Улан-Батора, промчался длинный состав грузового поезда.

Клубы дыма и пара волнисто вытягиваясь вслед уходящему поезду, висели в воздухе и, постепенно рассеиваясь, исчезали.

Справа, на фоне голубого небосвода, вырисовывались овальные контуры холмов и невысокие горные вершины, покрытые снегом. Бесконечное покрывало, отбеленное недавним снегопадом, почти не имело изъяна, лишь изредка на склонах гор чернели небольшие пятна отвесных скал и еще реже серели извилистые верблюжьи тропы. Серой лентой без начала и конца растянулась дорога. Черные точки автомобилей на этой ленте постепенно приближаясь, увеличивались и с жужжанием пролетали, оставляя за собой вихри снежной пыли.

Слева, позади, засветили лучи восходящего солнца, они переливами заигрывали в бриллиантах и хрусталиках снежного покрова. Было тихо и безмолвно. На дороге копошилась стая озябших серых воробьев и нескольких голубей. Это напоминало о близости населенного пункта.

Как только колонна перевалила за холм, показались дымящиеся юрты и несколько домов. Около этого поселка автомашины пересекли полотно железнодорожного пути. У полосатого журавля – шлагбаума стоял стрелочник. За его широким оранжевым кушаком виднелись красный и желтый сигнальные флажки.

Длинный овчинный дэли⁶ свисал на нем до самых пят, из под которых выглядывали крючковатые носы расписных гутул⁷. На голове - монгольская шапка на лисьем меху. Морозу к нему не добраться - никакая стужа не страшна. Он улыбкой встречал и провожал проезжавшие через железную дорогу автомобили и их пассажиров.

За шлагбаумом колонна остановилась. Была объявлена краткая остановка. Пovýлезали все пассажиры и разбрелись по обочинам дороги. Водители стали осматривать свои автомашины: простукивая их, как железнодорожники, припадая к земле, просматривали шасси, открывали капоты, проверяя уровни воды в радиаторах и масло в картерах.

Дорж, управляющий головной машиной, с обнаженной головой расхаживал вокруг своего вездехода. Шапка, прикрепленная лямками, свисала сзади, а черные щетинистые волосы на голове быстро покрылись инеем.

Он осмотрел мотор, закрыл капот, застегнул пуговицы ватного утеплителя двигателя и похлопал по нему, как бы уговаривал автомашину: «пожалуйста, голубушка, вези, вези нас дальше, дорогая»!

Меж тем, ясное небо стало заволакиваться мглой, на западном небосклоне появилась темная туча.

«Э, ветер будет, снег будет! большой снег будет!» - пророчил Дорж.

Действительно, погода изменялось, надвигались пурга. Дорж почему-то стал разговорчивее. Он говорил, что перегоны между населенными пунктами в Монголии большие, трудные. Шоферская работа, особенно зимой, сопряжена не только с большими трудностями, но и с лишениями. Выезды зимой на одной автомашине в далекие рейсы вообще связаны с риском для жизни, особенно для малоопытных шоферов.

«Представьте себе, - продолжал он, - положение одинокого шофера в свирепую пургу и мороз, и если что либо поломается. Хорошо, если в этом случае окажутся проходящие автомашины. А если их не будет? Бывали такие случаи со мною, и не раз! Верно, я был не одинок, со мною в кабине ехали один или два

⁶ Дэли - национальная одежда монголов - хорошо приспособлена к кочевому образу жизни и представляет из себя халат, одинаковый для мужчин и женщин. Дели подпоясывают кушаком из контрастного по цвету материала, длиной иногда до 6-7 метров. Кушак существенно утепляет область поясницы, что при частой верховой езде, при низких температурах воздуха очень важно для защиты от заболеваний радикулитом. Монгольское дэли издавна являлось основной и единственной частью гардероба монголов. И по сей день дэли с удовольствием одевают и в праздники, и в будни. В качестве повседневной одежды дэли в основном одевают люди преклонного возраста, молодежь же предпочитает носить стилизованные дэли. Насчитывается около 400 видов монгольского дэли.

⁷ Гутул - монгольский сапог. Из войлока, с загнутыми носами. Мог бронироваться стальными и бронзовыми пластинами.

человека. С товарищами в этих случаях значительно легче. И недаром в полу над раскаляющейся выхлопной трубой, как видите, пробито отверстие и вставлен теплонаправляющий кожух. Это я сделал для согревания с помощью мотора на ходу и при вынужденном стоянии, конечно если еще исправен мотор. И неспроста в нашей кабине все время тепло. Вот в такой кабине при поломке шасси и неисправном моторе я и мой помощник при пятидесятиградусном морозе в степи просидели почти неделю, при этом сожгли четыреста килограммов бензина и все же остались, живы, сохранили груз и автомашину».

Дорж говорил убедительно, на достаточно чистом русском языке. В полу кабины действительно было отверстие, в которое виднелась раскаленная выхлопная труба мотора. В кабине было так тепло, что Михаил Иванович, слушая, распахнул полушубок, сдвинул шапку на затылок и непрерывно дымя трубкой, пристально просматривал окружающую местность.

Стекла кабины были совершенно чистыми, на них не было ни льда, ни снега. Это обеспечивалось своеобразной конструкцией электропрогрева. К смотровому стеклу с помощью клея были прикреплены вторые стекла. Резиновые прокладки, заложенные по краям, образовывали пространство, в котором были натянуты электронагревательные провода, присоединенные к аккумулятору. Таким образом, теплый воздух между стеклами обогревал их от замерзания. Дверные стекла были разрисованы причудливыми морозными узорами. Двери промерзали.

Михаил Иванович в боковом стекле своей дверцы дыханием поддерживал прозрачный пяточок, а Дорж, почти все время, дверное стекло держал наполовину опущенным.

Темные тучи застилали уже половину небосвода, лишь восток был светлым, но мгла не давала возможности определить местоположение солнца.

Зимняя дорога.

Наконец-то показались белые юрты, в затем и одноэтажные дома поселка Лунг - Сона⁸.

Возле одного большого дома стояли несколько груженных автомашин, к ним-то и пристроились машины геологического отряда.

Над парадным крыльцом дома была вывеска с надписью – «ГУАНЗ», - что по – русски означало – «столовая». В передней прихожей комнаты «Гуанза», толпился народ, шумно разговаривая на различных языках: монгольском, китайском, русском. Одни отряхивались от снежной шли, другие снимали верхнюю меховую одежду и курили. Из столовой, где стояли в ряд несколько столов, пахло приятным, вкусным жареным.

Обеды заказывал Николай. Он, проживавший в городе Улан-Баторе без семьи, на правах холостяка, нередко пользовался услугами столовых и ресторанов, а поэтому неплохо разбирался в качестве местных национальных блюд.

Были заказаны по сто грамм Цаган - архи⁹, лапша, рагу и хушоры. Цаган - архи - водка, мало чем отличающаяся от обычной русской. Из блюд своеобразными были рагу и хушоры. В рагу наряду с костистым бараньим мясом и картофелем была заправлена так называемая «синтява». Это полнотелый, прозрачный, скользкий, отваренный макарон из картофельной муки. Невзрачный вид синтява не вызывал аппетита, зато хушоры были чудесными. Это тонкие, как блины, пресные лепешки, заправленные жирной рубленой бараниной, специями и поджаренные на сковороде в обильном жиру. Хушоры понравились Михаилу Ивановичу. Он, как и другие, закал вторую порцию.

⁸ Лунг-Сон – сейчас это город, который находится в центральной части Монголии.

⁹ Архи - алкогольный напиток, приготавливаемого монголами из кислого кобыльего молока.

В пути.

Сытный обед и набранный запас тепла вызывали дремоту, но предаваться сну могли только пассажиры. Дремали они, избрав как можно более удобное в своем сиденье положение, а шоферы за рулем этого делать не могли. Они выкуривали одну папиросу за другой и зорко следили за дорогой.

Вот по добротному деревянному мосту переехали через замерзшую реку Толу и, газуя, стали взбираться на прибрежные водораздельные высоты. Становилось заметно теплее и теплее, крупными хлопьями начал падать снег, затем снегопад усилился, подул ветер, а к вечеру по снежному покрову потянуло поземкой. Накатанную колею стало заносить снегом; Доржу, шоферу головной автомашины, все труднее ее отслеживать. Значительно облегчали его работу следы, проложенные встречными автомашинами, но их было мало, а к вечеру совсем не стало. Включенные фары освещали путь не более чем на десять метров. Светлые блики фар встречных автомашин просматривались с трудом сквозь белую муть.

Колонна неоднократно останавливалась, Михаил Иванович обходил её, справляясь о состоянии автомашин и о самочувствии людей. Все было в порядке и только один рабочий - монгол жаловался на боли в желудке. Он каждую остановку использовал для отправления естественных надобностей. Хорошо, что у монголов дели широкие и длиннополые. Присаживаясь, они раскидывают полы колпаком. И метели, и морозы им здесь были не помеха.

При одной из остановок в стороне от колонны засверкали несколько огней. Они то появлялись, то исчезали, отклонялись то в одну, то в другую сторону или же останавливались и некоторое время продолжали быть неподвижными. Огни казались чаще спаренными, как тускло горящие фары движущихся вдали автомашин. Иногда огонь одной фары погасал и оставался одинокий огонь, другие продолжали оставаться парными.

Как же такая большая группа автомашин могла оказаться в стороне от дороги? Сбились с пути, заблудившись? Вдруг огни рассыпались в разные стороны и часть из них оказалась в непосредственной близости. Раздался протяжный многоголосый вой.

Волки! - сразу же воскликнул Николай и извлек свою «тулку» - двустволку ружье. В колонне оказалось четыре ружья, зарядили их картечью и залповым огнем дважды выстрелили по блуждающим огням в тот момент, когда они сгруппировались. Огни молниеносно рассыпались и исчезли. На месте остались убитыми два матерых исхудавших волка, а может быть, и больше, но в ночной тьме, в

вихрях бушующей метели едва удалось отыскать и этих.

Сквозь разбушевавшуюся пургу показались едва видимые огни. Сближение с ними происходило крайне медленно, но уверенность путников в близости ночлега все возрастала. Головная автомашина с трудом разрезала своими колесами сугробы снега. Около населенного пункта сугробы оказались более массивными, крепкими, труднопреодолимыми. Некоторые из них удавалось форсировать лишь после нескольких попыток. Дорж в этих случаях, вылезая из кабины, предупреждал шофера задней автомашины. Только потом задним ходом выводил свою машину из сугроба и вновь «таранил» его с разбега.

Наконец, колонна разместилась в просторном дворе - гостинице, уже изрядно занятом другими автомашинами. Комнаты гостиницы дома были переполнены людьми, воздух в них насыщен табачным дымом. В буфете оказался только чай, горячие блюда уже закончились. Для ужина прибывших геологов и рабочих принесли продукты, захваченные из города. Пришлось забыть и об удобствах ночлега. Постоялый двор не имел комнат для гостей, а представлял собой большое помещение с кроватями и даже нарами. К сожалению, все места были заняты. Некоторым нашим спутникам- геологам и рабочим - удалось все же потеснить спящих на нарах, и прилечь вместе с ними, но большинство расположилась на брезенте и кошмах, разостланных полу.

Пурга и метель бушевали всю ночь и весь следующий день.

Пурга и метель бушевали всю ночь и весь следующий день. Выезжать из населенного пункта и тем более продолжать путь было преступно опасно!

Геологическому отряду пришлось задержаться и вместе со всеми постояльцами отсиживаться в ожидании улучшения погоды. Коротали время кто как умел. В имуществе отряда, в одной из автомашин, имелась небольшая библиотечка художественной и технической литературы, но извлечь ее в данный момент было затруднительно, так это было связано с большой разборкой груза. Пришлось ограничиться имеющимися в гостинице журналами и газетами, а также шашками, шахматами и домино. Шоферы, за рулем, отдыхали большей частью находясь в постели, а некоторые из них по возможности копались в моторах автомашин, устраняя неполадки, замеченные в пути.

Михаил Иванович и Николай много просиживали за топографическими картами, изучая детали бассейна реки Орхона и прилегающие районы. В книжках они делали какие-то записи. Значительно больше записывал Михаил Иванович. Он в книжку заносил путевые наблюдения.

Дни были короткими. Работать больше при тусклом свете керосиновой лампы стало не возможно. Глаза, конечно, быстро уставали и поэтому Михаил Иванович, распорядился из машин принести электрический фонарь и радиоприемник. Принесенное электроосвещение вызвало, что то не обычное, не говоря радиотрансляции. Все были очарованы электрическим освещением и радотрасляцией. Монголы с упоением слушали речь диктора и песни – концерты на родном языке. Для большинства постояльцев все увиденное было впервые, в диковинку, на уровне волшебства, а порой чуть ли не вызывало страх! Все геологи – сотрудники партии после электроосвещения и радиотрансляции сразу же были окружены большим вниманием и уважением. Постояльцы усыпали свои спальные места, угощали своей домашней пищей.

В длительных перекурах над картами и документами сотрудники партии обсуждали геологические, технические, организационные вопросы.

Наконец, под вечер второго дня нудного ожидания, метель и пурга стали утихать. Ночью наступала полная тишина и прояснилось небо, синева засверкала массой золотистых звезд.

Беспокойные обитали постоялого двора - гостиницы несколько раз за ночь выходили во двор, оглядывали проясняющееся звездное небо, горизонт и, радуясь, возвращались в постель. Ранним утром, закопошились шоферы, а пассажиры воо-

ружившись лопатами, стали откапывать автомашины из огромных сугробов. Факелами и кострами разогревали застывшие моторы, загустевшее смазочное масло и кипятили воду для заправки радиаторов автомашин. Обширный двор гостиницы в этот момент напоминал муравейник. Всюду горели огни. И вот вдруг кто-то истерически закричал, прося о помощи. Пылала не наша, не геологическая автомашина, около нее бесновался объятый пламенем человек. На его крик сбежались почти все люди и мигом забросали снегом пылающую автомашину и горящего человека. В пожаре у автомашины пострадала лишь электропроводка, а на шофере незначительно обгорела одежда, подпалив брови и ресницы.

«Все хорошо, что хорошо заканчивается» - гласит русская пословица. На этот раз все кончилось, можно сказать, все же сносно, а мог бы смертельно пострадать человек, и могла запылать автомашина, поджечь другие, где бы сгорело скопище техники и многообразный груз. Жутко представить, что получилось бы. Но благодаря мерам, предпринятым Михаилом Ивановичем, этого не произошло.

Вскоре заурчали первые заведенные моторы, к ним присоединялись следующие, усиливая общий гул, в котором незаметно растворялись голоса людей.

Распахнулись широкие ворота. Скрипя замершими скатами, разрушая наметенные снежные сугробы, стали выезжать из двора первые автомашины. К сожалению, маршруты выезжающих автомашин были разными: большинство направлялись в сторону Улан-Батора, а другие двинулись в противоположном направлении. Колонне геологов здесь необходимо было свернуть с основного тракта и следовать в юго-западном направлении. По этой дороге из числа автомашин, стоявших во дворе, не пошла ни одна, поэтому геологам пришлось преодолевать снежные заносы первыми.

Путь пролегал по холмистой степи и по равнине Хугшинской впадины. Всюду лежал снег, но толщина его была неравномерной. Сильный ветер, бушевавший два дня и ночи, смел снег с горных хребтов, с холмов и перебросил в низины и овраги, уложил неравномерным слоем и сугробами. Местами снежный покров достигал одного и даже двух метров. Дорога была полностью заметена и не видна. О наличии ее напоминали выглядывавшие из под снега деревянные перила мостиков, проложенных через ручьи и балки, да сопутствующая бесконечная линия телеграфных столбов.

Мороз крепчал, сковывал снежные сугробы. Образовавшая на них корка выдерживала тяжесть человека.

Головная автомашина, по-прежнему ведомая шофером Доржем, на малых скоростях, как таран, метр за метром пропиливала снежный покров и проклады-

вала путь позади идущим. Уже не однажды она, утопая, буксовала на месте. В этих случаях помогали позади идущие автомашины: с помощью длинного стального буксира от автомобильной лебедки вытаскивали ее назад. Иногда и это не помогало. Тогда на помощь приходили люди с лопатами и пилами. Они разрезали снег на крупные блоки и укладывали их по сторонам. Люди, несмотря на сильный мороз, в работе разогревались, потели. Снег на них таял. Обувь и одежда мокла и туг же замерзала.

Автошины, усиленно работая моторами, урчали, чихали, а колеса местами буксовали, забрасывая далеко назад комья снега и мерзлой земли. Моторы перегревались, закисала вода, вынуждая открывать жалюзи радиаторов и распахивать полы ватных капотов. Свирепый мороз в эти моменты быстро охлаждал радиаторы и замораживал воду в их тонких трубках. Во избежание катастрофы приходилось вновь укрывать моторы, отогревать охлаждающую систему, иногда даже осторожно используя паяльные лампы. А что делать?

Упорная тяжелая борьба людей и техники со стихией, начавшая с раннего утра, не ослабевая, продолжалась без конца и края.

Люди в отчаянии то и дело высматривали что-то в направлении бесконечной линии телеграфных столбов. С расстоянием столбы мельчали, постепенно растворяясь белой дымке. Не было видно никаких признаков жилья, и никаких живых существ. Все утомились, хотели есть и пить. И вот в этот момент кто – то радостно во весь голос закричал: «Машины! Впереди машины!

Взоры всех устремились вдаль, где на белом фоне действительно вырисовывались несколько черных силуэтов. Они медленно приближались и уже в бинокль вполне можно было различить группу грузовых автомашин. Все обрадовались, заработали еще интенсивнее, забыв про голод и жажду. Торопились сблизиться со встречной колонной, зная, что за нею уже проторенная дорога. Да и встречная колонна, конечно, преодолевала те же трудности и так же жаждала увидеть перед собой машины и проторенный путь. Сближение двух колонн, двигавшихся навстречу друг другу, происходило довольно быстро, вскоре ликующие экипажи автомашин встретились с криками «ура». На морозе они неуклюжие в больших шапках, покрывшихся белым инеем похлопав увлажнившимися рукавицами поздоровались. Начались недолгие расспросы: кто они, куда едут и конечно о состоянии дороги.

Хлопнув дверцами кабин, тронулись уже веселее. Михаил Иванович сел на свое место и стал очищать усы от намерзших сосулек, а Дорж, обрадованный легкостью хода машины по накатанной колее дороги, запел веселую песню на

родном языке.

- В песне воспевались широкие просторы степей, ровные в степях дороги и тропы, степное раздолье для скота и зверей, - перевел Дорж Михаилу Ивановичу.

- Да! раздолье. А не воспевается ли в ней буйный разгул природной стихии, мучения людей в степи в непогоду?

- Воспевается и это, только в другой песне, - ответил Дорж. В ней рассказывается о непогоде в степи, как она скучна и тяжела для одинокого пастуха и для его скота.

Грустно, протяжно запел Дорж эту песню. Пел долго, уныло и затем умолк.

- И у нас немало таких песен, - поддержал Доржа Михаил Иванович. Только наши унылые песни больше относятся к прошлым, былым временам, когда еще не было автомашин и в большом почете были кони. В песнях поется о ямщиках, о конях, о колокольчиках.....

- Степь да степь кругом,

- Путь далек лежит,

- А вот в той степи

- Замерзал ямщик.....

запел Михаил Иванович. Оказалась, Дорж хорошо знал эту песню и своим звонким голосом поддержал Михаила Ивановича.

Вслед за унылой песней, полной тоски и печали, запели веселую, звучную, одну, затем другую. Машины двигались не быстро, но, без помех и разных задержек, как было это ранее. В кабине стало тепло, на душе приятно и даже радостно за торжество человека над стихией.

Солнце, временами проглядывавшее из-за облаков, уже спряталось за дымкой. День подходил к концу. Наступали вечерние морозные сумерки. Колонна наших автомашин приближалась к населенному пункту, где среди белых юрт виднелись добротные одно- и даже двухэтажные дома.

- Худжиртэ, - назвал Дорж. Это наш славный курорт с его горячими минеральными водами и лечебными грязями. Здесь заезжего двора нет. Придется остановиться возле юрт и попроситься на ночлег к местным жителям.

Так и сделали. На площадке, раскинутой около юрт, выстроили автомашины для систематического прогрева, чтобы не заморозить автомобильные двигатели. Назначили дежурного шофера, а сами, с помощью Доржа и других монголов отряда, разместились по юртам.

Привал из – за непогоды.

Михаил Иванович, Дорж и Николай оказались вместе, в юрте местного рабочего.

Юрта была просторной, чистой, уютной, теплой. Стены и потолок обтянуты розовой далембой¹⁰. Возле стен стояли две кровати с никелированными спинками. На одной из них, под цветастым ватным одеялом, посапывая, спали два черноволосых смуглых мальчугана. Другая кровать стояла застланной розоватым узорчатым пикейным покрывалом; две подушки на ней были покрыты тюлем.

Из под покрывала виднелась кружевная кайма простыни. На стене красовались двуствольное ружье и охотничий нож в серебряных ножнах.

Кровати были отделены одна от другой невысоким комодом, разрисованным страшными драконами. На комодe стоял радиоприемник, передававший национальную музыку. Тут же тихо тикал будильник. Этажерка возле спинки кровати стояла, наполненная книгами, журналами, газетами. Маленький ученический столик, помещавшийся возле этажерки, был покрыт узорчатой клеёнкой, на которой стояла чернильница и лежала ручка. Над столом, на стене юрты, в рамках под стеклом висели два небольших портрета В.И. Ленина и Сухэ - Батора¹¹.

Хозяин – коренастый, смуглый, скуластый, одетый в дели, облицованный черным материалом, полулежал на цветастом коврикe, разостланном на серой кошме, укрывавшей весь деревянный пол юрты. Он, раскуривая медную монгольскую трубку, слушал национальную монгольскую музыку, передаваемую по радио. На крошечном столике перед ним лежали местная газета и русский журнал «Огонек».

Миниатюрная белая печка с вмазанным котлом размещалась посредине юрты и испускала тепло.

Когда в юрту вошли прибывшие путники, хозяин встал, помог им раздеться, поздоровался, поприветствовал на недостаточно чистом русском языке и, указывая на ковер, разостланный на полу возле миниатюрного столика, попросил пройти и сесть.

Хозяйка копошилась за серой занавеской, но при проявлении гостей вышла, приветливо улыбнулась, раскланялась и вновь удалилась на прежнее место, откуда

¹⁰ Далемба – вид хлопчатобумажной ткани саржевого переплетения.

¹¹ Дамдин Сухэ-Батор -монг. *Дамдины Сүхбаатар*, - руководитель Монгольской народной революции 1921 года, один из основателей Монгольской народно-революционной партии (МНРП). Военный министр революционного правительства, главком монгольских революционных войск.

послышалось позвякивание кухонной посуды и частый стук песта в чугунной ступе.

Гости расположились на коврике вблизи теплой печки и задымили трубками, папиросами. Для выхода дыма хозяин приоткрыл отдушину в центральной части крыши юрты.

Многоваттная электрическая лампочка, щедро испускавшая свет, позволяла заняться и чтением газет и просмотром журналов, но завязавшийся разговор с хозяином занял всех.

И Дорж, и Михаил Иванович, и Николай интересовались состоянием пути к селению Бургусатиун и далее, к верховьям реки Орхона.

- Был обильный снегопад, два дня бушевала метель, - отвечал хозяин. - Все дороги замело снегом. Вот сегодня в Бургусатиун должна была выехать автомашина с товаром для кооператива, а выехала ли она? - он не знал.

О возможностях проезда на автомашинах до определенных участков верховий реки Орхона знал и Дорж. Он сам лично ездил в эти места, но в настоящее время проезд осложнился толстым снежным покровом.

Странности пути.

Хозяин юрты оказался любознательным и словоохотливым. Он заинтересовался целью отряда геологов, направляющихся в верховья реки Орхона.

- Там есть небольшая гора, на ней очень много вот таких раковин, - рассказывал он, показывая образцы глинистых песчаников с отпечатками створок раковин моллюсков. - Наши дамы проповедуют, - продолжал он, - что птицы вили на этой горе свои гнезда и выводили птенцами. Для их пропитания они издали приносили раковины устриц. Птенцы поедали устриц, а раковины в большом количестве накопились на горе.

Михаил Иванович и Николай, увидев образцы с окаменелой фауной, затрепетали от радости.

- Я извиняюсь, как вас звать? - обратился к хозяину Михаил Иванович.

- Называйте меня просто Данран, так обычно обращаются ко мне все.

- Так вот, Данран, для неизученного района, не нанесенного на геологическую карту, ваши образцы являются кладом. Вы, конечно, покажете гору, на которой взяли эти образцы?

- Конечно! - подтвердил Данран.

В этот момент хозяйка юрты в воду, закипевшую в котле, засыпала растолченный зеленый чай. После непродолжительного кипячения, отцедила опару и, разбавив зеленый отвар молоком, прокипятила его еще раз. По юрте распространился приятный аромат, возбуждавший у всех и без того разыгравшийся аппетит.

Николай и Дорж уже открыли свои походные саквояжи и выложили на маленький столик различную снедь. По знаку хозяина стали располагаться на коврике вокруг крошечного столика. Хозяин и Дорж по привычке быстро уселись, сложив ноги калачикам по-турецки, а Михаил Иванович и Николай долго не находили места для ног и, наконец, встав на колени, сели на пятки. Так им показалось более удобно.

Проголодавшиеся путники усиленно принялись за еду и чай. Поддерживал их и Данран, а хозяйка продолжала копошиться за занавеской.

Молчание прервал Михаил Иванович.

- Да, а всё же эти ракушки на гору принесены не птицами, дорогой Данран, - сказал он. На месте этой горы когда-то было море, в котором и жили эти морские организмы. Они умирали и покрывались слоями ила, песком и галькой. Затем через многие тысячелетия море обмелело и, наконец, когда-то на месте морского дна оказалась суша. Теперь, уже в ваших образцах горных пород не раковины, а только

их отпечатки. Сами раковины, состоявшие из извести, растворены водой и вынесены из породы. По этим отпечаткам мы, геологи, определяем виды когда-то существовавших организмов, а по ним и возраст горных пород. Наукой доказано, что в первые длительные периоды существования земли живые организмы на ней отсутствовали, и вначале возникли самые простые, которые на протяжении многих миллионов лет эволюционировали - совершенствовались, развивались, изменялись до современных видов животных и растений...

Разговор за ужином оживился и затянулся далеко за полночь. Только во втором часу ночи в юрте наступила тишина, огонь погас, все заснуло сладким, крепким сном.

В предрассветной дымке весь личный состав геологического отряда и шоферов уже был в автомашинах, на своих местах. Местная автомашина с товарами отправилась в селение Бургусутин еще раньше. Она пробороzdила снежную целину, обеспечив, по крайней мере, возможность не выбирать и не искать дороги, а смело продвигаться. Автомашины, вытянувшись в цепочку одна за другой, поползли, набирая скорость. За стеклами кабин вновь замелькали юрты, домишки, телеграфные столбы. Моторы надрывно урчали, как - бы отбредываясь от яростного лая своры прозябших и оголодавших псов.

Вскоре из поля зрения исчезли дома и юрты. Остались лишь белые степные просторы, и серые силуэты гор, очищенные ветром от снега. Через несколько километров пути справа от дороги показалась широкая ровная долина реки Орхона. Река была закована льдом и замаскирована снегом. Местоположение ее определялось лишь черневшими бровками береговых обрывов.

Слева от дороги, показались высокие горы. Небольшие участки леса на их склонах и скальные обнажения пород скудно чернели на белом снеговом фоне, но постепенно участки лесов стали наблюдаться чаще, а затем они образовали сплошной черный покров; теперь уже на черном фоне отдельные снеговые белые пятна стали наблюдаться редко. Чернел лес и на далеком левом, гористом берегу. Широкая плоская долина была покрыта снежным покрывалом, на котором многочисленные глыбы камней выглядели причудливыми белыми пуховыми вздутиями с многочисленными бриллиантами и бисером огоньков, переливающихся в лучах солнца, взглянувшего из-за горных высот.

- Сейчас мы приближаемся к самому неприятному участку дороги, - предупредил Дорж.

Автомашины, прижимаясь к скалистому берегу, шумно работая моторами, стали подниматься на высоту. Слева, вплотную с дверцами кабины, грозно на-

висли серые скалы, а справа зияла глубоченная пропасть. В бездне ущелья под клубами белого пара блистала полынья, в которую через каменные глыбы с шумом вливались струи воды. В полынье плескались какие-то водоплавающие птицы. С высоты они казались многочисленными небольшими точками - то исчезающими, то вновь появляющимися и плавающими на поверхности воды. Вот непугливая стая их взлетела и, часто хлопая крыльями со свистом пронеслась почти у стекал кабины нашей автомашины. Это были нырки. При сорокаградусном морозе они свободно купались, плавали и летали.

Подъем наконец-то закончился, вскоре машины плавно спустились в долину. Миновали и чудовищный береговой обрыв. На переднем плане циркообразной естественной площадки у правого «борта» долины, столбами серого дыма курились белые юрты и небольшие серые приземистые деревянные домишки небольшого поселка Бургасутуина.

Масса разномастных лохматых собак с яростным лаем встретила колонну на далеких подступах и проводила ее до следующей окраины поселка. Улицы пустовали,людно было лишь у кооператива, где с прибывшей автомашины разгружались товары. С ближайшей горы, кувыряясь в снегу, катались раздумявшиеся дети.

За поселком с колонной повстречались три всадника. Поравнявшись с головной автомашиной, они остановились, поприветствовали сидящих в кабине. О чем-то долго разговаривали с Доржем на монгольском языке; размахивая длинными рукавами овчинных дели, то и дело показывали на тропинку, проложенную ногами их коней.

- Они едут с верховий,- позднее объяснил Дорж Михаилу Ивановичу. - Предупредили, что сворачивать с тропы опасно, так как можно угодить в яму, канаву или же стукнуться о камни, которые теперь заметены снегом.

-Это я и сам знаю,- тут же подметил Дорж. И вновь подтвердил, что этой дорогой он уже не однажды проезжал.

Далее колонна продвигалась по целине глубокого снежного покрова осторожно и медленно. Километров через десять, а это длилось около часа, она остановилась. Михаил Иванович и Николай, раскрыв топографические карты, стали ориентироваться на местности. Завхоз Иван Абрамов присутствовал тут же, прислушиваясь к их совещанию.

После этого началась группировка рабочей силы по объектам, как это было намечено еще в Улан-Баторе.

На одной автомашине Николай с рабочими, по целине снежного покрова,

тихим ходом направились в долину правого притока реки Орхона. На другой автомашине Михаил Иванович с находившимися в ней рабочими – в соседнюю долину. Как бульдозеры, плавно забороздили вездеходы простор снежного моря. Снег уступал дорогу, а автомашины, то погружаясь в ложбины, то взбираясь на бугорки, упорно «плыли» вперед. В отличие от моря, след за автомашинами не исчезал, он оставался на снежно белом фоне уродливыми шрамами.

Пункт назначения и обустройство лагеря.

Дремучий лес хмуро и сурово встретил неожиданных гостей. Лишь на несколько метров удалось вклиниться автомашинам в его гущу, затем пришлось остановиться, выбрать площадку и приступить к организации бивуака.

Значительно труднее давался путь к следующей речной долине, куда последовали Михаил Иванович и Николай на трех автомашинах для организации основного лагеря отряда. Головная автомашина, ведомая Доржем, тихим ходом, но уверенно продвигалась вперед. Шофер же второй автомашины, следовавшей за первой, допустил неосторожность. От проложенной колеи он отклонился не более чем на полметра, и заднее колесо угодило в небольшую яму. Загруженный высокий кузов резко покачнулся и лег на рыхлый снег. Люди, сидевшие внутри, оказались на мягкой снежной постели. Они с хохотом барахтались в снегу, высвобождаясь из объятий кошмы и, встав на ноги, осматривали картину случившейся «катастрофы».

Все были целы и совершенно невредимы. Возникла лишь непредвиденная работа по ликвидации аварии. Следовало не мешкать, так как время короткого зимнего дня бежало неудержимо быстро, и часовая стрелка уже приближалась к двенадцати. Предстояло еще добраться до намеченного пункта, выбрать место для основного лагеря и на этом безлюдном, необжитом месте среди дремучего леса, в снегах, на лютom морозе организовать и горячий обед, и теплый ночлег.

Весь груз из опрокинувшегося кузова общими усилиями перебросили на одну из освободившихся автомашин. Опрокинутую автомашину боковым буксиром тут же поставили на колеса. Повреждений в ней не оказалось, если не считать небольшой помятости крыла и поломки деталей кузова.

- Садись! - раздалась команда Михаила Ивановича. Все быстро разместились по машинам и через час уже были на месте назначения.

Мрачные высокие вековые лиственницы, низкорослая ольха, тальник скучно и неприветливо окружали выбранную под лагерь площадку. Перемерзший посредине ручей однажды уже разливал свои напорные воды, образовавшие широкое ледяное поле, которое ветер частично очистил от снега; лед блестел, как зеркальная гладь.

Естественный каток - бери коньки и катайся, но сотрудники отряда были заняты работой. Выбранную под лагерь площадку они тщательно очистили от снега и затем, под руководством Доржа и других монголов, моментально смонтировали первую юрту, а затем вторую и третью.

Задымили чугунные печи. Повар Фу – Ми - Цо на конфорки печей поставил кастрюли и чайники, а сам тут же копошился за походными столами, перебирая продукты.

Когда в юртах были поставлены походные койки и разостланы спальные мешки, из кухонной юрты уже запахло чем-то особенно вкусным, но довольствоваться даже чаем не пришлось. Из соседней группы прибыла автомашина с известием, что там не могут смонтировать юрту.

Оказалось, что там не было ни одного монгола. Из четырех человек в ней были два китайца и два русских, - никогда не занимавшихся сборкой юрт. Это была первая ошибка в комплектации групп геологических отрядов.

Пришлось срочно выслать помощь и выправить положение, так как мороз в минус 40-50 градусов шутить не любит. Такие ошибки могли иметь смертельный исход. Отважная четверка, меж тем, в сумерках надвигавшейся ночи упорно трудилась над монтажом юрты, но их труд был неподражаемо похож на цирковое выступление ковровых клоунов. Ханы и дверь, поставленные ими, стояли косо, тычины и верхний круг то и дело рушились и одному рабочему уже поцарапал нос.

От души нахохотались прибывшие монголы, так как действия тружеников вызвали неудержимый смех. Не прошло и тридцати минут, как при свете фар в умелых руках приехавших товарищей выросла круглая, белоснежная юрта. В ней засветилась электрическая лампочка, питаемая от аккумуляторной батареи, затрещали пылающие в чугунной печи смолистые сухие дрова, и повеяло приятным жилым уютом.

- Добро пожаловать! - пригласил Дорж рабочих, раскрыв узорчатую дверцу юрты.

И вот, наконец, все собрались в основном лагере геологического отряда. На столе перед каждым клубами густого пара курились сибирские пельмени, привезенные из Улан-Батора замороженными. В каждую кружку было налито по порции спирта.

- За удачу, за успешную работу, товарищи! – произнес тост Михаил Иванович.

Чокнувшись кружками, выпили их содержимое, принялись за ужин. Могут ли быть вкуснее пельмени, чем после утомительного пути, после горячей работы и во вновь построенном жилом помещении, в этом диком уголке тайги, в снегу при лютом морозе?! Содержимое тарелок быстро уничтожалось.

Когда уже изрядно подзакусили, молчание прервал Дорж.

- Здорово же в соседней долине собирали юрту?! - и расхохотался. Его

поддержали очевидцы, а также и все остальные. Затем посмеялись над ребятами, перевернувшимися вместе с автомашиной...

- Ну как? Не чувствуете ли Вы ушибов? - серьезно обратился к ним Михаил Иванович.

- Нет, товарищ начальник. Ведь мы плавно свалились на снег, как на пуховую перину,- ответили они.

После пельменей был подан компот, сваренный из сухофруктов. Разговоры обедающих оживились, а потом кампания постепенно стала редеть. Некоторые взяли за журналы, другие - за книги. Дорж и Николай тут же, в столовой, затеяли сражение за шахматной доской. Нашлись для каждой стороны и болельщики. Некоторые из них при неудачном ходе охали, другие вздыхали или же пытались подсказать, но встречали яростный выговор и восвояси уходили в свою юрту.

После тяжелого трудового дня, сон был сладкий и крепкий.

За продолжительную ночь все прекрасно выспались и до восхода солнца уже были на ногах. В первое утро умывались по-разному - некоторые снегом, другие из кружек поливали друг другу водой. Завхоз Иван Абрамов сразу же принялся за сооружение умывальников в юртах.

Хозяйственные рабочие были заняты благоустройством городка: перед юртами расчистили площадку, заготовили дрова для индивидуального отопления и для кухни, проложили деревянные трапы и установили столбы с освещением между юртами. Кроме этого была проведена радиофикация юрт, которая хорошо смягчала психологический климат в отряде. Это было большим достижением в то далекое время. Одним словом, в жилом городке бал наведен должный порядок.

Начало работы экспедиции.

На третий день Михаил Иванович, Николай и рабочие были готовы для первой однодневной вылазки в таежную глушь. Участники ее одевались в ватные костюмы, а поверх них надели брезентовые противообледенительные комбинезоны для предохранения одежды от намокания при таянье снега, который на морозе сразу бы замерзал.

За последние дни мороз ударил еще сильнее, столбик спирта в термометре опустился до сорока семи градусов ниже нуля. Ветра не было совершенно. Небо заволокло густой молочной мглой. Лес оделся в серебристый белый иней и выглядел неподражаемо, сказочно красивым. Хрустально нежные белые перья на нем блестели бриллиантами, радужными цветами переливались при каждом проблеске солнечных лучей. Тишина и безмолвие, царившие в вековой дремучей тайге, создавали какую-то таинственность и волшебство. Поход отряда в верховье притока Орхона напоминал вторжение в этот сказочный мир, след оставляемый геологическим отрядом в нежном глубоком снеговом покрове выглядел уродливыми пирамидами. Казалось вот-вот появятся призраки таинственной стражи и скрутят смельчакам руки. Но никто не появлялся, тишина и волшебство продолжались. Лишь изредка, как заглушенный ружейный выстрел, раздавался щелчок треснувшего от мороза дерева. Эхо этого щелчка отдавалось в глубине таежных просторов. Затем опять все погружалось в тишину и безмолвие. Утопая в глубоком снегу, перешагивая через многочисленные нагромождения колодин¹² и валежин¹³, геологи углублялись в тайгу все дальше и дальше.

Вот первые следы таежных обитателей, но кому они принадлежали? – распознать было трудно, практически невозможно. Удавалось лишь делать догадки, что следы принадлежали крупному или мелкому зверю.

Николай, при первом же обнаружении следов зверей, занес руку за спину и выхватил свою «тулку». Он переломил ее и заложил в стволы патроны, заряженные картечью. Но обитатели леса все еще не появлялись. Они, видимо, почуяли приближение людей и скрылись, или же находились в лежбищах- берлогах.

Колина настороженность казалась забавно-смешной.

¹² Колодина - толстый ствол упавшего дерева.

¹³ Валежины – дерево, лежащее на земле, поваленное ветром или засохшее

Наметки закладки поисковых шурфов.

Отряд, во главе с Михаилом Ивановичем и Колей, углублялся в лес, через каждые три километра намечая в долине поперечные линии для закладки поисковых шурфов. Толщина снежного покрова в русловой части долины была исключительной, местами она достигала роста человека, и люди, прокладывая тропинку, буквально плавали. Нагромождения же колодника создавали пустоты в снегу, в которые люди проваливались и, хохоча друг над другом, барахтались как в воде. В чаще леса, среди густого кустарника, люди увидели огромный сугроб. К нему со стороны боковых горных склонов сходились многочисленные звериные тропы. Тут-то Николай и решил проявить свои охотничьи способности. Он ссутулился, вытянул шею, как охотничья легавая собака, шапку сдвинул на затылок, наострил уши и, изготовив ружье к стрельбе, осторожно зашагал вперед. Но прямо под его ногами провалился снег, затрещали сучья, и не успел Николай приблизиться к цели, как из-под сугроба гигантскими скачками выпрыгнуло до десятка длинноногих серых косуль. Некоторые едва не смяли охотника, завязшего в снегу. Он еще не разобрался во всем случившемся, а косули уже большими прыжками ускакали далеко по лесистому склону. Оставалось только присвистнуть. Это сделал один из рабочих, а косули скрылась из виду.

Растерявшийся Николай стоял по пояс, в снегу, досадливо всматриваясь вдаль. Товарищи до упаду хохотали.

- Ничего, Николай! Жив остался- и хорошо. А то знаешь, какими свирепыми бывает косули? В порыве гнева они могут затоптать и забодать до смерти,- подтрунивал Михаил Иванович.

Николай понурил голову, притаптывая снег и густой кустарник, молча побрел в козье логово. Око находилось под корнями вывернутого дерева. В нем разместились все люди отряда. Три небольшие отверстия служили входами и одновременно пропускали свет. На полу стояла лежало много сухих листьев и мха, служащих для косуль теплой постелью. Возможно, что это логово когда-то было берлогой изрядного семейства медведей и по какой-то причине заброшено. Теперь же, в зимние стужи, послужило убежищем и для косуль. В этом естественном помещении геологи отдохнули, подзакусили, покурили и направились на водораздел, чтобы перейти в следующую долину, где они должны были встретиться с группой рабочих и указать им места заложения поисковых шурфов.

Трудности работы зимой.

На склоне водораздела снежный покров был значительно тоньше, но подниматься было трудно: - мешал и снег, и многочисленные валуны, и камни, покрытые снегом. Особенно трудно было пробивать целину впереди идущему. Его то и дело сменяли товарищи.

Выше по склону, среди лиственниц, наблюдались высокие стройные желтоствольные сосны, а на гребне водораздела уже преобладал кедр. Зеленая густая хвоя деревьев сдерживала на могучих сучьях больше скопления снега. Сучья, изгибаясь, свисали книзу, порою преграждая путь. Среди хвои чернело множество больших шишек, туго набитых вкусными маслянистыми орешками. Богатый урожай, находящийся в большом удалении от населенных пунктов в труднодоступных условиях, оставался зимой совершенно нетронутым и представлял богатейшую кладовую для кабанов и других животных. По сучьям всюду сновали серые белки с длинными пушистыми хвостами и полосато-серые бурундуки. Они обрушивали крупные комья снега, а иногда и шишки с орехами.

Колина непредвиденная охота увенчалась успехом. Ему удалось добыть около десятка пушистых белок.

Охота на белок обычно ведется мелкокалиберными винтовками. Стреляют только в голову, сохраняя нежную шкурку совершенно невредимой. Из ружья заряженного дробью достичь этого, конечно, невозможно.

Под кедрами нашли свежие следы кабанов, питающихся орехами, но увидеть их не удавалось. Напуганные выстрелами Колиного ружья, они удалились вглубь леса.

Спуск с водораздела происходил значительно быстрее, нежели подъем, и вскоре геологи оказались в следующей долине, где группа рабочих, прислушиваясь к ружейным выстрелам, точно ориентировалась и уже ожидала встречи.

Шурфы в этой долине удалось наметить значительно быстрее, т.к. тропа по ней уже была проложена.

Короткий зимний день клонился к концу, прояснившееся солнце приближалось к западному горизонту. Следовало, не мешкая, возвращаться в лагерь, но Николай, шагавший в головной части цепочки, остановился и застопорил путь. Он вскинул ружье и стал целиться, куда - то вверх. В этот момент с лиственницы находящейся в семидесяти-восемидесяти метрах, с шумом упали два черных кома и исчезли в снегу. На дереве продолжали сидеть еще несколько косачей. Их перья

переливались в лучах предзакатного солнца. Особенно нарядно выглядели два огромных самца, отличавшихся красочностью оперения.

Раздались один за другим два выстрела. Два косача с распластанными крыльями рухнули. Остальные, вспорхнув, покинули лиственницу и исчезли в таежной глуши. На этом, казалось, все и закончилось, но под деревом зашевелился сугроб, затем из-под него показались косачи. Николай уже изготовился к этому случаю и тут же подбил еще двух. Таким образом, отряд геологов возвратился в лагерь с богатыми трофеями. Их ждал горячий вкусный обед, а затем- приятный отдых в тепле и специфическом уюте.

Рекогносцировка местности.

Так, незаметно, прошли два дня в вылазках в тайгу – вылазках, связанных с рекогносцировкой местности для будущей разведывательной геологической поисковой работы. Михаил Иванович уже стал собираться в обратный путь, но Николай упрямил его остаться еще на один день, а сам в предрассветные часы отправился на охоту. Когда начало светать, он уже был глубоко в тайге и сидел в засаде на нижних сучьях ширококронного кедрача. Он терпеливо, почти ни шевелясь, уже второй час просматривал звериную тропу в обоих направлениях, но не было никаких признаков приближения каких-либо зверей. Николай знал, что на тропе могут появиться только кабаны, направляющиеся на утренний выпас за кедровыми шишками, падающими с деревьев. И выжидал – был в засаде.

Жгучий мороз уже пробирался в его теплую овчинную шубу и в вольготные сибирские катанки. По спине начали ползать холодные мурашки, страшно хотелось курить, но ни шевелиться, ни курить в засаде было нельзя. Малейший шорох и, тем более, специфичный острый запах табачного дыма не могли ускользнуть от исключительного звериного слуха и обоняния. Тут уж нужно терпеть. Иначе все затраченное время и все усилия могут пойти насмарку. Ведь недаром говорится: «Охота пуще неволи».

Терпением настоящего охотника и запася Николай. Ему хотелось заглазить свою оплошность при встрече с козюлями в первый день; к тому же, товарищей, находящихся в городе, он жаждал угостить таежным трофеем, добытым собственными руками. Сидя на дереве, он уже предвкушал радость охотника по поводу добытого трофея, похвалу товарищей, а дичь все не появлялась, и даже не было признаков ее приближения.

С гор потянуло ветерком, закачались и зашуршали хвоей вершины деревьев, с верхних сучьев стали падать комья снега, сбивая его нагромождения с нижних ветвей. Вместе со снегом падали и шишки, туго набитые маслянистыми орехами. Николай сообразил, что теперь на свежие упавшие шишки могут прийти кабаны, и набрался терпения.

Предположения оправдались. С наветренной стороны послышалось хрюканье. Затрепетало Колино сердце, насторожился слух, глаза пронзительно уставились в сторону доносившихся звуков.

И вот, наконец, показалось большое стадо длинношерстных полосатых буровато-серых кабанов, выстроившихся в форме клина. Первым шел вожак-великан. Он огромным длинным рылом распахивал снег, выбирал из него

черные кедровые шишки и тут же пожирал. Временами застывал на месте, настороженно прислушивался и пронюхивал воздух. Огромными белыми клыками его, размером с рога молодого козленка, торчали по сторонам лохматой пасти. Дырчатый его пятак шевелился, втягивая в ноздри струи морозного воздуха. Небольшие щетинистые уши, как радиолокаторы, изменяя ориентировку, направлены шевелились. Все стадо кабанов в эти моменты, прекращая как по единому сигналу все свои действия, застывало на месте и также прислушивалось к каждому шороху.

Кабаны наверняка уже выявили бы присутствие человека, но они двигались с наветренной стороны, и запах охотника не доходил до их обоняния. Запах человека уносило ветром в противоположную сторону. До следов, проложенных Колиными ногами, кабаны еще не дошли и без опасения двигались, не подозревая об опасности. Вот они уже на расстоянии ружейного выстрела. Николай изготовился к стрельбе и выбрал себе мишень. Он облюбовал самку, шагающую почти вплотную с вожак. Мясо самцов и, особенно, вожakov - секачей, обычно грубее и менее вкусное, поэтому его выбор пал именно на зрелую увесистую самку.-

Николай, увлекшись своим занятием, забыл про мороз, не обращая внимания на пронизывающую до костей стужу. Он снял теплые меховые рукавицы, обхватил двуствольную «тулку», крепко прижал ее приклад к правому плечу и, подпустив стадо на расстоянии не более двадцати метров, дуплетом выстрелил. Самка, получив заряд под левую лопатку, завизжала, сделала два прыжка по рыхлому снегу и, обливаясь кровью, осталась лежать на месте.

Остальные кабаны захрюкали, заметались из стороны сторону, и стремглав пустились наутек в том же направлении, откуда только что пришли.

Самец – вожак, хрюкая, сделал три круга вокруг умирающей подруги, понюхал снег, облитый кровью, и тоже скрылся, убегая вслед за своим стадом.

Рассвирепевшие кабаны особенно опасны не менее голодных волков. В порыве ярости они большими клыками действуют, как мощнейшим холодным оружием, молниеносно нанося смертельные удары. Поэтому Николай, сидя на дереве, выкурил две папиросы подряд. Только потом, убедившись в полном отсутствии опасности, спрыгнул с дерева, выхватил из-за пояса финский нож и добил свою добычу. Туша оказалась весьма внушительной, длиной около метра, весом более ста килограммов. Вынести ее из леса одному было непосильно, оставлять на месте и идти за подкреплением он не имел желания. Разделывать тушу и выносить по частям ему также не хотелось. Намерения показать трофей целым взяли верх. Николай вырубил две лозы, соорудил волокуши, на которые взвалил тушу кабана, крепко привязал бечевой и с большим трудом поволок вниз по

склону в долину, где работали шурфовики.

Теперь Николай уже не чувствовал холода, наоборот, ему было жарко. Он вспотел, стал через каждые полсотни метров отдыхать. Легче волокуша шла вниз по крутому склону, а когда дорога становилась пологой, ноша оказывалась непосильной. У подножья водораздела Николай окончательно выдохся, вынужден был оставить кабана и идти к шурфовикам¹⁴ за подмогой.

- Вот это да! Это - зверюга! Ай да Николай Ильич! Молодец! – нахваливали Колю шурфовики .

- А клыки то, клыки как турецкие кинжалы, - восхищались товарищи.

Осмотрев трофей, решили, что для удобства переноски тушу все же необходимо разрезать хотя бы на две части.

Так Николай преподнес товарищам внушительный подарок.

Михаил Иванович, по просьбе Коли, часть туши кабана вывез коллегам, находящимся в Улан-Баторе.

¹⁴Шурфовики -рабочие по рытью шурфов. Шурфовка – действие от глагола шурфовать – разведка производится по средством рытья ям шурфов преимущественно осенью и зимой.

О столице Монголии.

Николай со своим отрядом принялся за выполнение полученного задания. Большинство геологов экспедиции, которые находились в Улан-Баторе, продолжали тщательную подготовку к летним полевым работам.

Отрывочные литературные сведения, описания путешественниками единичных маршрутов, позволили геологам создать грубую схематическую карту района, намеченного для исследования. Эта схема приближенно отражала общие черты геологического строения и позволяла впервые гипотетически выделить рационально участки для поиска перспективных месторождений полезных ископаемых, наметить главные поисково - исследовательские маршруты.

Рабочее время геологов было уплотнено и предельно насыщено, но конечно были и часы досуга, которые использовались каждым по своему усмотрению или коллективно. В городе и в его окрестностях было много достопримечательностей, красивых мест, исторических памятников и современных произведений искусств.

Город Улан-Батор, иди как его называли ранее - Урга, расположен в живописнейшем местечке обширной территории республики, где бесподобно-красивый горно-таежный ландшафт северо-запада сменяется всхолмленной, местами гористой степью. К северо-востоку простираются горные цепи Хентея, они покрыты густой лиственничной и кедровой тайгой. Непосредственно около города леса частично вырублены. Горы изрезаны множеством долин и балок, по которым текут шумные, временами многоводные ручьи и горные реки. К югу возвышается огромнейшая гора Богдо - Уда, покрытая смешанным лесом. Эта гора является последним представителем северо-восточного высокогорья. Ее вершина достигает двух тысяч пятисот метров над уровнем моря и возвышается над городом на одну тысячу метров. За пределами же горы простираются бесконечные холмистые степи, где не увидишь ни единого деревца. Они изобилуют травяной растительностью, которая и летом, и зимой *служит* подножным кормом для многомиллионного скота.

Город расположен во впадине, по которой протекает многоводная горная река Тола. В ней водится много рыбы, а в заводях и старицах, даже вблизи города, весной и осенью пасутся многочисленные стаи перелетных водоплавающих птиц. Леса изобилуют разнообразной фауной. Особенно богат ей лесной массив горы Богдо - Ула объявленный государственным заповедником. Красив он весной и ранним летом. Общая площадь этого массива не превышает и двухсот квадратных километров. Благодаря неприкосновенности, в нем сохранилось большое много-

образии видов растительного и животного мира.

Город расположен на правом берегу Тола, и только часть предприятий находится на набережной. Центральная улица его прямолинейно вытянулась параллельно реке. Ее мостовая и тротуары зимой и летом черными лентами блестят, отражая *лучи* солнца.

Длинные ряды молодых деревьев, вдоль мостовой и тротуаров, нежным бархатам зеленеют летом и инеем серебрятся зимой. Эта улица пересекает обширную главную площадь города, посередине которой на гранитном пьедестале возвышается лихой всадник. Это памятник народному герою и основателю народной революционной власти в Монголии – Сухе - Батору.

Площадь окружена величественными зданиями: - Дворца Советов, Драматического театра, Педагогического института, Министерства внутренних дел, клуба имени В.И. Ленина, Народной библиотеки им. В.Л. Ленина, Главного почтамта, гостиницы.

На этой улице сосредоточена деловая часть города. Торговая часть находится на следующей улице, параллельной главной. Там и универсальные магазины, гастрономы и отраслевые магазины и ларьки.

Из центра в южном направлении проложена широкая автострада, которая ведет к городку праздничных развлечений, расположенному на широкой полянке на левом берегу реки Толы. По пути к нему, взор невольно приковывается к обширной площадке, обнесенной высоким забором и несколькими рядами зеленых насаждений. Это городской стадион. Он всегда многолюден. Летом на нем проводятся спортивные состязания, товарищеские встречи, всевозможные тренировки по различным видам спорта, игры. Зимой его арена превращается в замечательный каток, зеркальная гладь которого бороздится многочисленными стальными коньками жизнерадостной молодежи.

Вблизи стадиона, возле быстрой реки Толы, сгруппированы несколько красивых уникальных зданий, построенных в различных стилях. Здесь и обычные деревянные двухэтажные русские дома, крытые жостью с расписными кружевными карнизами и жестяными петухами; причудливые сооружения бывшего монгольского дацана, с пологими черепичными крышами приподнятыми вверх краями, украшенными своеобразными росписями и причудливыми драконами. Наконец, здесь же высятся большие кирпичные и деревянные дома, построенные в современном строгом стиле без каких либо архитектурных излишеств.

В этих домах размещаются несколько музеев. Особенно богат и заслуживает внимания музей с отделами, экспонирующими полезные ископаемые и животный

мир обширной территории Монгольской Народной республики.

В отделе – «Полезные ископаемые» выставлены прекрасные образцы различных ископаемых углей, руд, цветных, редких и черных металлов, минеральных красок и многообразных каменных строительных материалов. Экспозиция богата, но к сожалению отражает далеко не весь перечень известных в республике полезных ископаемых. А ведь страна огромна, обильна, очень слабо изучена. При просмотре геологических образцов рождаются мысли- а сколько богатств еще скрыто в ее недрах?

Особых похвал в музее заслуживает отдел «Животный мир», где многообразные виды зверей и птиц представлены искусно созданными чучелами в весьма красивых и образных позах. Ходишь по залам - и кажется, что являешься свидетелем того, как волк похищает овцу из стада, или видишь, как на опушке леса разгуливают быстроногие козы и величавые грациозные лоси... В углу комнаты, изображающей небольшую поляну, как живые разгуливают токующие - танцующие глухари и тетерева. На ветках деревьев, будто бы с увлечением, выводят свои трели и свисты разнообразные певчие птицы. Трудно передать все искусно созданные в музее сценки естественных условий жизни и поведения зверей и птиц.

Вот пока и все, дорогие гости,- заключил свою вдохновенную речь экскурсовод музея. Его небольшие черные глаза были вопросительно устремлены на группу любознательных и исключительно внимательных посетителей - геологов. Он ждал отзыва, и вполне справедливо. Оказывается, экскурсовод заведовал всем музеем на протяжении многих лет, приложил титанический труд на сбор многочисленных экспонатов и их оформление. В книгу предложений был записан очередной восторженный отзыв, экскурсоводу выражена благодарность.

Много различных горных пород, часть полезных ископаемых и большинство представителей животного мира Монголии можно увидеть в настоящих, естественных условиях, - продолжил любезный экскурсовод, - Для этого вам следует пройти лишь около одного километра и углубиться в заповедник горы Богдоула.

Экскурсия в заповедник.

Рекомендация экскурсовода оказалась весьма действенной. Она вывела из равновесия многих. Особенно страстные пожелания добывать в заповеднике проявили техники-геологи Олег Хайруллин и Володя Андреев, но оказалось, что для его посещения необходимо было заручиться разрешением Совета министров Республики. В ожидании этого разрешения незаметно пролетели десять дней, время уже перевалило на вторую половину мая.

Весна была в полном разгаре. Склоны гор, согреваемые лучами щедрого майского солнца, начали зеленеть, набухали почки деревьев, готовясь лопнуть и выпустить нежные листья.

Вплотную приблизилась пора выезда экспедиции на полевые работы. Но вот получили и разрешение на посещение заповедника. Жаль было оставлять неиспользованной представившуюся возможность, и в ближайшее субботнее утро группу из пяти человек автомашина доставила к подножью горы Багдо-ула. За плечами у каждого висели туго набитые рюкзаки, за поясами - ножи и компасы, в руках - геологические молотки с длинными ручками. Огнестрельного оружия вносить в заповедник не разрешалось.

Во главе группы шагал Михаил Иванович, а с ним рядом его двенадцатилетний сынишка Руслан и дочь Маргарита. Они отпросились из школы на один день. Уж очень заманчив и соблазнителен был поход в заповедник.

Руслан был весьма подвижным, на редкость разговорчивым и любознательным мальчиком. Он с самого утра неугомонно засыпал отца вопросами.

- Папа, а что такое заповедник?

- А почему он так называется?

Отец едва успевал отвечать на один вопрос, как ему задавался второй, третий.....

- Заповедник- это только в Монголии ?

- А у нас в Советском Союзе есть заповедники?

Черные глаза Виктора, полные радостных переживаний, блестели, как отполированные бусинки. Он то и дело забегал вперед и взглядывал в лицо отца, как бы читая на нем ответы на свои вопросы.

Маргарита – рослая, русая, в противоположность младшему брату, молчаливая пятнадцатилетняя девочка, не однажды побывшая со своими родителями в поисковых и геологоразведочных экспедициях, шагала рядом с отцом, прислушиваясь к разговору, но, в то же время, проницательно рассматривала все окру-

жающее. В лыжном костюме, рабочих ботинках, голубой косынке, повязанной «шапочкой», она выглядела мальчиком, но нежные гонкие черты лица, кончики двух кос и волнистые локоны русых волос, выскочившие из – под косынки, выдавали ее. На шутки отца Маргарита, как и вся компания, громко и по-девичьи заразительно хохотала.

Володя и Олег, шагая позади, с не меньшим любопытством прислушивались к бесконечным вопросам Виктора, а так же к серьезным ответам и шуткам Михаила Ивановича. Они были молоды (им только что перевалило на третий десяток), но уже по три года поработали в геологических партиях. Они еще не лишены были детских порывов, стремлений к приключениям, к экзотике; вместе с тем, они были полны желания открыть что-то доселе неизвестное. Их молодой возраст, в сочетании с хорошей физической формой, позволял осиливать длительные и тяжелые маршруты. И с ношей за плечами они шагали легко, временами поправляя вихры непослушных волос, сползавшие на глаза с непокрытых голов.

Заповедник удивляет.

- Михаил Иванович, уже начинается заповедник ? - поинтересовался Олег.

- Вероятно, да! – предводитель отряда не спешил дать ответ.

Оказалось, что заповедник начинается непосредственно от русла реки Толы, а некоторые дома рабочего поселка промышленного комбината и дачи расположены по долинам ручьев и речек, берущих начало на склонах горы Богдо - ула.

Экскурсанты избрали один из логов, примыкающих слева к обширной долине реки Голы, и направились к нему, придерживаясь русла небольшой речки. Вода в речке уже очистилась от весенней мути, и прозрачные струи ее, извиваясь среди нагромождений огромных камней, бурливо перекатывали разноцветный причудливый бисер многозвучных отполированных галек.

Общий шум воды и гальки заглушал разговоры. Геологи оказались вынуждены шагать молча, предавшись созерцанию окружающего мира.

Утюгообразные окончания боковых водоразделов, возвышающиеся по обе стороны лога, стояли непоколебимыми монолитами. Их хребты и склоны, согреваемые теплом весеннего солнца, уже нежно зеленели свежим бархатом разнотравья, а отступив лишь несколько сотен метров от реки Тола, начинался темный, почти совсем без листвы, лес.

В логу, на опушке леса, красовалась великолепная двухэтажная дача, украшенная резными по дереву узорами и росписью масляными красками. Дача еще пустовала, но охранялась; во дворе залаяла огромная собака, и вслед за этим из леса показался мужчина в черном дели с обнаженной седой головой.

- Цайн байну! - поприветствовали его геологи.

- Цайн, Цайн байна- ответил он.

Большим лексиконом монгольских слов экскурсанты не обладали, человек же, повстречавшийся им, не знал русского языка, а поэтому дальнейший разговор перешел на мимику и всевозможные знаки.

После продолжительных упорных стараний, наконец, удалось понять, что перед ними егерь. Он настоятельно требовал:

- Бичик харихте !

Экскурсанты не знали, что такое «бичик» и разводили руками, но, вспомнив о правилах доступа в заповедник, предъявили ему разрешение, полученное от правительства Монгольской Народной республики.

Осмотрев внимательно большую круглую печать и угловой штамп на предъявленном письме, егерь возвратил его, окинул взором каждого из участников экскурсии и, убедившись в отсутствии огнестрельного оружия, знаком показал, что путь в заповедник открыт.

Свежим воздухом, ароматом набухших почек и многоголосыми утренними трелями непуганых птиц встретил заповедник. Пели скворцы, соловьи, малиновки и множество других пернатых; где-то раздавались учащенные стуки дятла; продолжала шуметь и речка.

Михаил Иванович, а за ним Олег и Володя, принялись разбивать молотками гальку и валуны, выбирая их из студеной речной воды.

Галька оказалась крепкой, преимущественно роговиковой и гранитовой.

Ликующий Руслан подбежал к отцу с криком.

- Папа, папа, кварц! - и вручил ему большой слабоокатанный кусок белого камня.

Камень, действительно, оказался интересным, в нем виднелись три небольших черных пятна. Это были вкрапления оловянного камня, а вблизи них - листочки белой слюды и мучнистая масса разрушенного полевого шпата.

- Молодец, сынок! Ты настоящий геолог! - похвалил сына Михаил Иванович. Это ты нашел не просто кварц, а оловянную руду. Вот, смотри- в кварце черные кристаллики оловянного камня, из которого извлекают олово. То самое олово, которым пользуются при пайке.

Дети Михаила Ивановича почти ежегодно бывали с ним в поисковых и геологоразведочных партиях и невольно узнали уже многие горные породы и руды полезных ископаемых. Они хорошо понимали, что в кварце может содержаться много цветных редких элементов; привыкли отыскивать его по белому цвету, высокой твердости и особенной структуре.

Посмотреть находку сбежались все участники похода.

Руслан ликовал и чувствовал себя на седьмом небе. Это было достойно: ведь именно ему первому удалось найти образец оловянной руды. Верно, признаки оловянного оруднения на горе Богдо - ула были известны и ранее, но в данном случае подтвердить это посчастливилось именно Виктору.

К сборищу подбежала и резвая Маргарита, в ее руках красовался букет фиолетовых подснежников и еще каких-то желтых цветов. Пухлые щечки ее горели свежим нежно-розовым румянцем, а серые уголки глаз озорно сверкали.

- Фу, а я таких камешков видела много,- слукавила она в шутку.

Руслан обиделся и, не замечая озорства сестры, стал настаивать:

- А ну, покажи хоть один. Ничего ты не находила!

Маргарита, как и Руслан, знала цену образцам кварца и, конечно, если бы действительно нашла, то обязательно подняла бы его и показала отцу или другим геологам. Она в этом случае не находила кварца, и сказала эти слова лишь для того, чтобы подшутить над Русланом, в чем тут же созналась и поспешила успокоить обиженного брата.

Не придуманные истории о заповеднике

Участники похода вновь разбрелись по логу, продолжая углубляться в чащу леса, но их продвижение вдоль ручья стали усложнять заросли черной смородины, ежевики, а также нагромождения валежника и камней. Приходилось искать подходы, раздвигая кустарники руками, перелезать через полусгнившими колодины, покрытые мхом и лишайником. Набухавшие почки распространяли приятный аромат, насыщая и без того богатый воздух запахами смол, скипидара... Наскучавшая за продолжительную зиму молодежь с жадностью вдыхала этот воздух и, возбужденная его ароматом, с молодецкой резвостью и задором сновала в чаще леса. Молодые люди безгранично восхищались и наслаждались неисчерпаемыми прелестями живой нетронутой природы. Все их радовало, вызывало восторги, восхищение и заразительный веселый звонкий смех.

Вот Маргарита, поймав маленького длинноногого козленка, ласкала, поглаживая его трясущееся тело, сокрытое короткой нежной красноватой шерстью. Черные бусинки глаз козленка растерянно озирались по сторонам в поисках матери, и всюду встречали лишь незнакомые, но ласковые взоры окружающих его людей. Каждый из них считал своим долгом приласкать новорожденного и, поглаживая его шелковистую шерстку, шептать какие либо приятные слова. Козленок же, не понимая ласки, дрожал и порывался освободиться из незнакомых теплых объятий.

Мать козленка, скрываясь вблизи, издавала жалобный своеобразный свист то в одном, то в другом месте. Иногда она появлялась в прогалинах меж зарослей кустарника и, вытянув длинную шею, зорко наблюдала за происходящим. Коза, видимо, не впервые видела людей и поскольку они ей не приносили огорчений, то и не особенно их боялась.

Маргарита, сжалившись, ослабила свои объятия. Козленок, почувствовав это, сделал усилие и неуклюжими скачками на длинных, еще слабеньких, ножках направился к матери. Обрадованная мать-коза, сделав несколько скачков, мгновенно оказалась возле козленка и тут же увлекла его в чащу кустарника.

Сказочные места.

Ручей журчал под нагромождениями глыб роговика и гранита, среди которых каким-то образом росли огромные лиственницы, кустарники. Мох и лишайники образовали толстую мягкую постель, по которой шагать приходилось с большим трудом, иногда погружаясь почти по колено.

С деревьев спугнули несколько огромных глухарей и тетеревов. Расправив широченные крылья и тяжело лавируя между деревьями, они скрылись в темной чаще. Вскоре увидели еще несколько глухарей. Один самец сидел на сучке лиственницы и, веером распустив свой хвост, что-то выщелкивал – пел свою песню. Увлеченный своим занятием, он не слышал приближающихся к нему людей.

До слуха геологов донесся шум водопада, а после непродолжительного пути перед ними, среди вековых лиственниц и строчных сосен, вырос высоченный гранитовый утес. Он стоял непоколебимо, как сторожевая сванская башня, и возвышаясь, достигал почти вершин вековых деревьев. Его отвесную стену, поросшую зеленовато - серым лишайником, украшала узкая стеклянная струя низвергающегося водопада. Падая на нагромождения каменных глыб, вода разбивалась в мелкие брызги, образовывавшие небольшое облако и затем выпадающие из него дождем в небольшой водоем. Вода в водоеме всё время сохраняла один и тот же уровень. Избыток ее просачивался под нагромождения каменных глыб, где бурлил возрождающийся ручей.

При осмотре противоположной стороны скалы оказалось, что она плавно соединяется со склоном горы и принимает на себя поток ручья, стекающего по ложу. Всё было просто и в то же время оригинально, красиво.

Тут невольно возникал вопрос: как же это образовалось? Неужто эта заслуга принадлежит силе и деятельности водного потока маленького ручья?

На этот вопрос геологи нашли достаточно обстоятельный ответ. На отвесной плоскости скалы они обнаружили отполированные участки и штрихи, по которым установили наличие большого геологического разлома. По нему в земной коре произошли перемещения блоков, сопровождающиеся дроблением пород. Далее, на протяжении многих тысячелетий, при последующих воздействиях солнца, ветра, температур, атмосферных осадков и водных потоков разрушались ослабленные участки пород, а более крепкие участки - сохранялись, выступая в виде монолитной гранитной скалы.

Закончив осмотр скалы и водопада, геологи запечатлели его творение на фото пленку.

Проказы Шурика.

Не секрет, что монголы очень доверчивые, а порой, наивные и безхитросные люди. В то время мне папа «подарил» фотоаппарат «Фотокор», с набором кассет, штативом и черной накидкой, как у настоящих фотографов. «Фотокор» был практически на ходу, но у него немного отклеилась «гармошка» соединяющая объектив с видоискателем – матовом стеклом, куда вставлялись фотокассеты. К торцу фотоаппарата вставлялись кассетам с фотопластинами, затвор громко шелкал, что сильно вдохновляло мою детскую душу! Этот дефект фотоаппарата делал фотографии смазанными, но тем не менее во время наводки на объект через матовое стекло объекта съемки отчетливо был виден в перевернутом виде – и все было по настоящему! Я был бесконечно счастлив таким подарком!

Установил на фотоаппарат треногу и накрываясь черной накидкой, фотографировал в партии всех подряд. Все геологи и рабочие партии терпели меня, по-видимому, в связи с тем, что это всех очень забавляло!

И надо же такому случиться, что в геологический отряд на «огонек» приехали трое монголов - кочевников. Это было довольно часто. Папа - Михаил Иванович как начальник экспедиции, был не против таких посещений, да и наш повар Фу-Ми-Цо был хлебосольным.

С поваром Фу-Ми-Цо мы были большие друзья, так как я знал китайский язык и по – видимому, ему это импонировало. Так как во всей партии на родном языке он мог поговорить только со мной хоть и с малышом. В партии были китайские рабочие «шурфовики», но они жили не в лагере, а рядом (в 20 – 30 км) по месту работы, так как разведочные шурфы были далеко.

Откуда я знал китайский язык? Приехав в Монголию, мне еще не было года, мы жили в столице - Улан-Баторе. Во дворе я гулял с местной детворой, где были только ребята китайцы и монголы. Поэтому первый мой родной язык был с монголо - китайским наречием. Мои родители даже думали, что у меня проблемы с речью, так они не могли меня понять, а я их. Хотели даже меня лечить у врачей логопеда и ухо - горло -носа, но помог случай.

Как то Папа взял меня в центральный офис посольства и там переводчик - полиглот обнаружил, что я достаточно хорошо говорю по-китайски и понимаю по-монгольски, но русский язык для меня был чужим.

По сути, и это было не удивительно, на каком же мне надо было общаться языке, где все друзья во дворе были монголы и китайцы?

После двух приездов в СССР в деревню к Папе на Волгу, я быстро ассимилировался – стал говорить и понимать уже по русски, но при этом не забыл «родные языки». Даже помогал папе в партии, где работали «шурфовики» китайские и монгольские рабочие. Папа иногда брал меня в маршрут, где копали шурфы и спрашивал: «...что там говорят дяденьки?» и я как «резидент разведки» выдавал ему все их тайны. Рабочие даже не подозревали, что сын «Дарги» - начальника знает китайский и монгольский языки.

К сожалению, я прервал рассказ о приезжих монголах в геологический лагерь. Увидев меня с фотоаппаратом и убедившись по матовому стеклу в его работе, им очень захотелось сфотографироваться, так это было для них большой редкостью, тем более их подкупал их родной монгольский язык, на котором я мог с ними изъясняться и убедить их исправности фотоаппарата. Мог друг повар Фу-Ми-Цо меня не выдал, только лукаво смотрел, когда приезжих монголов, которые позировали мне как фотографу: взял лошадь за уздцы, или верхом или просили групповой портрет!

Но все в партии к счастью сдерживали улыбку, кроме моей Мама, которая улыбалась и смеялась от души, но монголы как дети были так увлечены позированием, что этого не замечали. После отъезда гостей монголов, все в отряде уже забыли о случившемся, но наши гости еще долго, практически в течении двух месяцев приезжали за фотографиями.

Этот случай был еще более курьезный, чем первый!

Как то в нашем геологическом лагере экспедиции, в юрте – столовой между моим папой начальником экспедиции и очередными гостями монголами произошел странный разговор: - Дарга, они обратились к моему отцу: «... продай нам своего сына»? Папа, конечно, подумал, что они шутят, но они настаивали. – Продай и все. Папа, понимая юмор (но его не было у наших гостей!) спросил, а что это маловато? Но сделал вид, что «завелся» и сказал, что это мало! Посоветовавшись между собой, они добавили - Еще табун верблюдов.

Трапеза в юрте – столовой, наконец, закончилась, они поблагодарили повара Фу-Ми-Цо и Михаила Ивановича и вскоре уехали. Прошло какое то время все забыли о этом. И вот, однажды, как сейчас помню, рано утром, я еще спал в юрте. Мама меня отвела к Фу – Ми – Цо, который начал меня прятать куда то, чуть ли не под кровать! За юртой слышалось бляенье овец и шум стада верблюдов. Я пытался выбежать за стены юрты, но Мама и Фу – Ми - Цо вновь прятали меня под кровать. Я ничего не мог понять и принял это за игру.

Оказывается это монголы «купцы» приехали за мной, по старому договору.

Не даром говорят: «Договор дороже денег!». В лагере слышалась, то сильная ругань, то смех рабочих мужчин, но моим родителям было далеко не до смеха! Монголы были люди слова и выполняли свой договор по условия моего отца, но им было не до смеха.

Только после их долгих уговоров и подарка – двустволки Николая, моему отцу удалось все же уговорить «купцов» увезти отару овец и стадо верблюдов во свояси. Папа, обещал по приезду из партии купить Николаю новую двустволку - ружье. Обещание свое конечно сдержал.

Больше мой отец не с кем и никогда не вели таких переговоров и даже шутку! Мама утерла свои слезы и только когда я сильно напроказничаю, грозилась вызвать монгольских «купцов», что бы они меня забрали.

Так шутили мои родители, но я был тоже «большой шутник». Однажды в лагере партии я с сестрой и братом играли в прядки. Как раз к нам приехал знакомые геологи и монголы с детьми. Мы весело и шумно прятались, а потом друг друга разыскивали. Я был маленький и юркий мальчик и хорошо прятался. Своим убежищем выбрал штабель ящиков с продуктами со сгущенным молоком и сливками, куда уже давно ходил полакомиться и как не странно съел не одну банку своего любимого продукта. Штабель был прикрыт брезентом.

Во время нашей игры в прядки я как раз и залез в один из начатых ящиков со сгущенкой. Свернувшись калачиком я там спрятался и уснул. Моя сестра знала это место и заглянула в штабель под брезент, почему то не заметила меня. Видимо ее подвело зрение. Уже тогда носила очки - у нее была близорукость.

Я свернувшись тихо не издал звука и поэтому сестра меня не заметила. Мне пришлось долго ждать, что бы кто то из друзей, сверстников найдет меня, но почему то этого не произошло и по этому в темноте я так уснул ящике со сгущенкой.

Проснувшись и вылез из своего убежища услышал громкий плач своей Мамы! В это время лагерь был практически пуст, так как все геологи были в маршрутах, а рабочие рытье - копке шурфов. Только были родители приезжих монголов с детьми, повар Фу – Ми – Цо, мои брат, сестра и Мама были в лагере. Все в том числе и гости их дети сломя голову и почему то бегали от юрте к реке взад и в перед. Фу – Ми – Цо вооружившись большим шестом на лодке, что то искал в воде. Я спросил у запыханных ребят в чем дело, что произошло и случилось необыкновенное – при этом все застыли и остановились увидев меня и только Мама не могла остановиться от плача. Оказывается все были в розысках меня, ну а Фу – Ми – Цо искал мой труп даже в реке. Долго пришлось успокаивать мою Маму, но повар сделал какой то лечебного компот, после которого все сразу ус-

покоились и пошли спать. Как потом оказалось, в этом компоте был опий. Фу – Ми – Цо к тому же был еще если не прекрасным врачом, то отличным фельдшером и знал отличные в том числе успокоительные рецепты. Надо заметить, что почти в каждой если не в монгольской, то в каждой китайской семье есть три незаменимых лекарства: это настойки опия, пантов¹⁵ и женьшеня. Первое лекарство применяют как успокоительное, второе при проблемах с головой (психикой), ну а третье от всех болезней!

К счастью все обошлось, о случившемся быстро забыли. Была суббота; геологи вернулись из маршрута. На следующий день Фу – Ми – Цо удивил весь коллектив лагеря, приготовил замечательный завтрак, обед и ужин, а к вечеру в лагерь приехала кинопередвижка, которая показывала хороший фильм – был праздник и поэтому меня родители даже не ругали и поэтому все были в «приподнятом» настроении!

Пользуюсь случаем хочется рассказать еще об одном курьезном случае, который произошел в у нас в геологическом лагере. Все время работы в партии – это была кропотливая работа независимо от того где она не происходила, будь это в поисковых маршрутах, в химической лаборатории, или записной книге или на планшете моего отца. Но тем не менее любознательность и дотошность Шурика по словам моих родителей не знала границ! Это было жарким летом на камеральных¹⁶ работах в лагере. Как то по словам моего брата я пристал к отцу. «Папа а зачем тебе на груди волосики» - обратился назойливый сын Шурик к отцу. Михаил Гаврилович не выдержав такого напора, но сдержался и ласково сказал сыну: «Что бы зимой было не холодно». На этом вопрос сына был как бы исчерпан. Но воскресенье за обедом, который происходил на открытом воздухе под тентом, где многие сидели обнаженными по пояс из – за жары, где в таком же виде были и Фу – Ми – Цо и Михаил Иванович. Обед подходил к концу. Все благодарили повара за вкусно приготовленную пищу, но вдруг вопрос Шурика обескуражил всех присутствующих. Фу – Ми – Цо обратился Шурик: «...Тебе зимой по видимому бывает холодно...???». Все были ошарашены таким вопросом. Маленькие черные глаза повара, обычно очень вертлявые застыли от изумления. «...А почему ты так думаешь» - пытался возразить повар. На это Шурик быстро выложил свои доводы: «Вот у моего Папы на груди есть волосики, а у тебя нет. Поэтому ему зимой не

¹⁵ Настойка из пантов молодых рогов марала, изюбра, пятнистого оленя.

¹⁶ Камеральные работы – один из видов геологических работ итоговых или промежуточных, проводимых в помещении с детальным описанием образцов, шурфов, а также предварительных выводов, в противоположность полевым работам.

холодно». Разразился не обычный смех. Смеялись все геологи, рабочие, мой отец, мама и конечно Фу – Ми – Цо.

Неожиданное рядом.

- А теперь, пожалуй, пора нам подзаправиться – предложил Михаил Иванович.

Молодежь уже давно жаждала сделать привал; в желудках у всех щемило, сосало. Все разом уселись на мягком моховом покрове вокруг плоской каменной глыбы, как около большом круглого стола. Над импровизированным столом низко свисала зеленая колючая крона огромной сосны, разросшейся на просторах крошечной полянки. Кустарник и крона маскировали, а грохот водопада заглушал разговоры и хохот молодежи. Люди на общем фоне оставались незаметными, зато перед ними во всей красе предстала и скала и водопад, и водоем с нависшим над ним небольшим облаком.

С особенным увлечением рассматривал этот вид Михаил Иванович. Казалось, он проникательно изучал каждую деталь и запечатлевал на полотне, а молодежь, разложив продукты на импровизированном столе, уже довольствовалась колбасой, сыром, хлебом. В эмалированных кружках на бесцветном пламени спиртовых кубиков закипал чай, выделяя клубы белого пара. Михаил Иванович в свою кружку бросил несколько сухих ягод прошлогодней черной смородины, собранной с кустов, от чего чай распространял особенно приятный аромат.

Своеобразные природные условия позволили группе любителей пронаблюдать неожиданную сцену, разыгравшуюся непосредственно на их глазах.

Михаил Иванович, всё время внимательно рассматривавший окружающее пространство, указал на противоположный склон лога. Там, по извилистой тропе, медленно продвигался огромный лось. Его длинные ноги делали большие осторожные шаги. Бурая щетинистая грива волнами переливалась на горбатой шее. Большая голова с ветвистыми рогами то и дело вращалась. Большие блестящие глаза озирались по сторонам. Ноздри широко раздувались, всасывая воздух. Вслед за самцом, так же осторожно, следовала безрогая самка. Она отличалась меньшим ростом, была менее стройна и менее красива. Перед ней на длинных, «жиденьких» ножках семенили, лоснящиеся в проблесках лучей солнца, бурые, красивенькие и нежные, две лосенка. Они своей медлительностью, шалостями и ласками мешали матери, но она была невозмутима и только любовалась ими.

Вблизи водопада счастливая семейка, обласканая теплом солнечного дня, остановилась. Лосята, используя остановку, тут же принялись сосать вымя матери, припрыгивая не своих жиденьких ножках, подергивали соски и непрерывно часто шевелили своими крохотными хвостиками. Мать, окунув широкие губы в воду,

пила. При каждом глотке темный комок двигался вверх по пищеводу, расположенному в нижней части шеи, и исчезал в туловище. Самец был озабочен охраной покоя подрастающего поколения, и видимо, что-то почуял. Возможно, запах людей достиг его обоняния, а может быть, он и увидел их среди кустов.

Лось внезапно фыркнул, извергая из огромных ноздрей массу воздуха, насыщенного парами. Лосята тут же бросили сосать и, что есть силы, побежали по той же извилистой тропе, по которой только что прибыли. Самка, а затем и самец последовали за ними. И тут-то произошло неожиданное. С огромной сосны, нависшей над тропею, на одного на убегающих лосят упало что-то тяжелое, светло-серое. Нежная крошка сразу же оказалась на земле под лапами зверя. Стремительно подбежал самец. Он ветвистыми рогами прижал к земле серого хищника. Зверь комом извивался под острыми рогами, издавал какие-то ужасные звуки, затем изловчился, вырвался, сделал молниеносный прыжок на сосну и тут же исчез в ее густой зеленой кроне. Лось долго смотрел в направления удалившегося хищника, затем нежно-нежно стал облизывать безжизненное тело лосенка. Осторожными толчками горбатого носа, он пытался разбудить его от вечного сна и поднять на ноги, но все попытки были тщетными.

К самцу настороженно, озираясь по сторонам, приблизилась и самка вместе с оставшимся в живых лосенком. Она, склонив голову, тщательно обнюхала тело лежавшего детеныша, неожиданно тревожила его легкими толчками и пристально смотрела, как бы ожидая пробуждения. А лосенок лежал, не обнаруживая признаков жизни.

Самка принялась облизывать все его тело, и особенно тщательно облизывала шею, где, видимо, были кровоточащие раны.

К своему близнецу подошел и лосенок, но понюхав, отпрянул и спрятался под животом матери, а она, склонив голову над бездыханным телом, умоляюще пристально смотрела и, казалось, роняла тепле, влажные материнские слезы...

Самец продолжал бдительно сторожить. Он то и дело поворачивал рогатую голову, шевелил ушами, энергично вдыхая воздух своими широкими ноздрями. Глаза его блестели, как объективы оптического прибора.

Необычная сцена так увлекла компанию геологов, что все забыли о чаепитии. Маргарита часто-часто заморгала влажными глазами, по щекам ее стекали слезы.

- Ну, дорогие товарищи! Кажется, нам пока двигаться дальше. - Обратился ко всем Михаил Иванович, и, допив кружку чая, стал собираться в путь.

Семья лосей, обнаружив присутствие людей, тут же скрылась в чаще леса, оставив безжизненного лосенка.

Молодежь не утерпела и побежала осмотреть место происшествия. Лосенок бездыханно лежал, золотистая нежная шерстка его, прилизанная языком родителей, блестела в солнечных лучах пробивавших сквозь зеленую гущу сосновой хвои. Из ран, нанесенных зубами хищника, тонкими струйками вытекала алая кровь, которая, скопившись на земле, уже образовала лужу.

Маргарита нежно погладила черную мордочку лосенка и, еще больше расстроившись, побежала вслед за отцом, удалившимся вверх по склону горы. За ней последовали и другие. Под впечатлением трагической сцены лица всех стали суровыми. Каждый был погружен в тяжелые думы; шагали молча.

Среди соснового леса все чаще и чаще наблюдали тёмно-зелёные, ширококронные кедрачи. На их сучьях еще продолжали висеть прошлогодние большие темно - коричневые шишки, переполненные вкусными маслянистыми орехами. По веткам кадра то и дело скакали пушистые белки и полосато-серые бурундуки. Нередко с сучьев, тяжело взмахивая огромными крыльями, взлетали грузные глухари, тетерева-косачи .....

Под кедрачами, на земле, местами вспаханной кабанами, лежала пожелтевшая хвоя и шелуха; немало валялось тут же нетронутых шишек с перезревшими орехами. Молодежь собрала много шишек и не прочь была присесть, чтобы полущить их и освободиться от лишнего груза.

День меж тем подходил к концу, раскаленный шар солнца, находясь на далеком западном небосклоне, испускал последние, уже холодные лучи. Надвигалась вечерняя прохлада, она усугублялась еще тем, что в теневой части гранитовых утесов продолжали сохраняться значительные накопления снега, распространяющего сырость и холод.

Пора было подумать о ночлеге. Для этого под широченную крону огромного кедрача натаскали сухой хвои, на нее расстелили брезент - и постель была готова. Затем последовал ужин, веселые разговоры, здоровый смех и, наконец, сон.

Ночлег в заповеднике.

Ночь выдалась холодной. Особенно похолодало к утру, и все же молодежь, прижавшись друг к другу, спала непробудно крепко.

Первым проснулся Михаил Иванович, когда уже было светло и на востоке алела превосходная зорька. Он, чтобы согреться, занялся гимнастикой, а затем присел на валежину, обросшую мохом, и закурил неразлучную трубку. Перед ним, не более как в пятидесяти метрах, среди гущи леса, вырисовывалась небольшая полянка. Ее, весьма незначительно наклоненная к северо-востоку поверхность была ровной, почти плоской, не имела ни бугров, ни ямок и казалась изготовленной руками человека специально для игр, или для физкультурных занятий; но, конечно, ничего надобного человек здесь не делал. Это было просто обычным творением природы.

В лесу царила абсолютная тишина и безветрие. Не было слышно даже утренних птичьих трелей. Певчие птицы на этих высотах не гнездились, т.к. условия для них не благоприятствовали. Если они встречались в бесчисленном множестве в нижней зоне горы, то здесь Михаил Иванович увидел лишь зеленовато-серых кедровок, искусно расправлявшихся с лакомыми кедровыми шишками. Вскоре «заработали» проснувшиеся белки и бурундуки. Одни акробатически перепрыгивали с ветки на ветку, другие лакомились шишками; их острые резцы с треском и щелчками раскалывали маслянистые орехи, скорлупа, как брызги воды, разлеталась по сторонам.

Михаил Иванович продолжал сидеть на валежине и каждый раз поворачивался в сторону малейшего шороха и звука.

Вдруг в воздухе зашумело и что-то огромное, темное, плавно спустившись, приземлилось посередине поляны. Оказалось, прилетел косач. Он, медленно вышагивая, сделал круг, внимательно просматривал окраины леса, затем широко раскрыл крылья, веером расправил цветастый хвост, вытянул шею и, припрыгивая, закружился, издавая причудливые звуки. К нему прилетели еще два самца и несколько менее нарядных самок.

Михаил Иванович тихонько подполз к спящей молодежи и осторожно разбудил, чтобы они могли полюбоваться неповторимым концертом.

Раскаленный шар солнца, показавшись из - за горизонта, неудержимо поднимался по небосводу. В его утренних лучах радужно переливалось оперенье танцоров. Особенно многокрасочно выглядели их веерообразные хвосты, а белая грудка и черный ворот придавали самцам особую солидность и важность.

Косачи, увлеченные весельем, казалось, совершенно оглохли. Они не обращали внимания на шум и хохот проснувшейся молодежи, с большим интересом наблюдавшей за этой сценой. Некоторые фрагменты танцев косачей были уморительно смешны, и молодежь хохотала, покатываясь на мягкой хвощевой «постели».

Преставление оборвалось неожиданно: грузно поднялся один из косачей, а за ним улетели и остальные.

Разочарованные зрители, недоумевая, переглянулись друг с другом, и тут же приступили к утреннему туалету. Воды поблизости не оказалось. Для умывания и приготовления чая пришлось использовать снег, сохранившимся у ближайшей гранитовой скалы.

Завтрак был организован быстро, и не более чем через сорок минут люди уже продолжали маршрут.

Экскурсия продолжается.

Подъем на гору становился все круче и каменистей, местами вдруг оказались неприступными высоченные гранитные скалы. Геологи простукивали, осматривали их, выбирали образцы, затем находили обходные пути и вновь поднимались выше. Около одной огромной скалы и обширного поля гранитовых глыб отряд задержался более обычного и обнаружил красивые образцы небольших кристаллов прозрачного горного хрусталя и голубой кристаллик берилла.

Михаил Иванович, рассматривая обнаруженный минерал, напомнил молодежи, что гранитные массивы в окрестностях Улан-Батора с давних времен славятся залежами этих минералов. Особенно примечательны в них, так называемые ургийские топазы и горный хрусталь. Отдельные кристаллы горного хрусталя с прекрасными очертаниями естественных граней, по преданию местных жителей, достигали шестипудового веса и использовались в кустарном изготовлении линз для очков.

Среди гранитовых глыб оказалось множество небольших серых козочек - кабарошек. Они бесподобно искусно лавировали среди камней и утесов, трудно обнаруживались, так как окраска их шерсти полностью соответствовала окружающему фону. Кабарошки в Советском Забайкалье славились целебной секретцией половых желез. Фармацевтическая промышленность использовала их для изготовления лекарств. Руслан и Магорита пытались преследовать нескольких кабарошек, непременно поймать маленьких детенышей и посмотреть, - каковы они? Но их старания не увенчались успехом. Оказалось, даже маленькие кабарошки так искусно преодолевают препятствия, что загонщики оказались бессильными. Парочка преследуемых кабарошек и два их детеныша взобрались на площадку утеса, на которую при всевозможных попытках ни Виктору, ни Рае попасть не удалось. И было видно, как семейка торжествующе провожала своих преследователей.

В продолжение маршрута вековые кедры стали основными представителями леса. Сосна наблюдалась редко. Земля была покрыта старой пожелтевшей и даже почерневшей хвоей. Отдельные влажные участки поросли мхом, лишайникам или же брусничником, на котором местами атели сохранившиеся с прошлого года ягоды. На таких полянках брусничника люди задерживались утолить жажду кислым лакомым соком. При прикосновении ягоды лопались, проливали красный сок, пачкая пальцы и губы.

Но для продолжительных увлечений ягодами геологи не располагали вре-

менем, торопились продвигаться к самой высокой точке горы.

Гора Богда – Ула.

Гора Богда - Ула имеет одну вершину и при обзоре со стороны напоминает гигантский курган, густо поросший зеленью. Серое пятно, замеченное на ее вершине еще при обзоре снизу, оказалось скалой гранитов. Вот к этой скале и поднялся отряд. Около нее была выложена огромная куча разнообразных камней. Эти кучи камней, выложенные на перевалах и на вершинах гор, называют – «Обо».

По рассказам местных жителей, каждый поднимающийся на гору или на перевал, по их поверью, должен захватить камень и положить в эту кучу. Одновременно туда смогут бросить монету и тем самым совершить религиозный обряд. Тогда грехи этому человеку будут прощены, и он будет защищен от всяких недугов. Для избавления же от нечистой силы и от злых духов, человек, посетивший эти места, должен оторвать от своей одежды полоску тряпки и привязать ее к ветке дерева. Поэтому ближайшие к «Обо» деревья пестрели разноцветными лентами, как хо-

ровод разряженных девушек.

С вершины горы Богда – Ула открылась величественная панорама огромной части территории республики. У подножья горы, причудливо маневрируя в просторах широкой долины, местами разделяясь на несколько рукавов, поблескивая бурунами воды, тянулась река Тола. На обширной площади берегов квадратами, многоугольниками и разнообразными причудливыми фигурами группировались кварталы и отдельные здания столицы. Прямолинейные, зигзагообразные улицы и дороги между ними были переполнены людьми, автомашинами, подводами, запряженными лошадьми. Автомашины с километровой высоты казались движущимися коробками, а люди, одетые в цветастые дели- медленно передвигающимися кляксами.

К северу от реки Толы простирались высокие, величественные, покрытые девственными лесами горы хребта Хентея. Интересно, что в этих горах зарождаются многоводные реки двух направлений - восточного и северного. На восточных склонах хребта берут начало реки Онон, Керулен и другие, которые, протекая по обширным просторам Монголии и Советского Забайкалья, присоединяются к Шилке и Аргуни, образующим величественный многоводный Амур, впадающий в Татарский пролив и, в конечном счете, в Тихий океан.

В западных же отрогах хребта зарождаются реки Иуру, Хара, Тола, впадающие в Орхон, который является правым притоком судоходной Селенги, сбрасывающей свои воды в знаменитый омулевый Байкал, из которого через монолиты Шаменового утеса бурно вытекает величавая Ангара. Она присоединяется к обширному бассейну Енисея, который сбрасывает скопившуюся громаду вод в Северный ледовитый океан.

К северу от горы Богдо -Ула, далеко просматривалась бесконечная, всхолмленная, начинающая зеленеть серая степь. На её просторах всюду пестрели стада пасущихся овец, коров, лошадей, верблюдов. Поблизости белели юрты скотоводов и не было видно ни деревьев, ни кустарников.

И трудно сказать,- росли ли когда-либо в этих просторах леса? Вырублены ли они человеком? Или же их здесь вообще не было?

На далеком юге горизонт казался ровным-ровным. Это уже просторы Габийской полупустыни.

Жаль было отрываться от столь красивой необъятной панорамы, но солнце уже приближалось к полуденной точке стояния, а геологам предстоял еще длинный путь. Следовало поторапливаться.

Спускаться с горы, конечно, значительно легче, нежели подниматься на нее,

к тому же дальнейший путь пролегал по южному, более веселому, пригретому солнцем склону, и люди, следуя по нему, продвигались быстро. Лишь бы сбор кедровых шишек «про запас» задержал их на несколько минут.

Шли шумно, спугивая дичь на далеких подступах, и все же удалось увидеть несколько групп пасущихся лосей и оленей. Они разгуливали по лесным дебрям, пощипывая молодые побеги кустарника. Маленькие их детеныши, попрыгивая на тонких длинных ножках, резвились. Заметив людей, лоси с любопытством смотрели и не особенно спешно удалялись в заросли.

На южном склоне горы наблюдалась та же зональность в распределении растительного мира, что и не северном. В верхней зоне горы произрастали исключительно хвойные породы, воздух был насыщен хвойными смолами. В нижней зоне отряд оказался в гуще лиственного леса, где набухшие почки выделяли иной своеобразный запах. На полянках, пригреваемых лучами весеннего солнца пробивалась зеленая травка, цвели голубые и желтовато - белые подснежники.

Множество разнообразных пернатых порхали повсюду и многоголосо выводили весенние трели.

Очевидное – невероятное.

Группа геологов преодолевала густые заросли кустарника. Вдруг в соседнем логу раздался треск, а затем приглушенный удар о дерево. Все насторожились, а Олег и Володя, затаив дыхание, пригнулись к земле; осторожно ступая на сырую, еще шуршащую старую листву, направились в сторону этого лога. Остальные последовали за ними. На гребне водораздела Володя лег на землю и поднял руку. Это был знак, чтобы следовавшие за ним проявляли крайнюю осторожность и соблюдали полную тишину. Все приблизились к Володе и залегли цепочкой, скрываясь за деревьями и кустарником. Перед ними, на расстоянии не более тридцати метров, усердно трудился огромный бурый медведь. Он обхватывал передними лапами гнилую колодину, затем, высоко подняв ее, с силой бросал на другую колодину и тут же, склонившись над разбитыми гнилушками, причмокивая, поедая разбегавшихся муравьев. Когда медведь стоял на четырех лапах и с увлечением лакомился муравьями, он казался небольшим, смиренным, безобидным; но стоило ему встать на задние лапы, как он тут же становился огромным. Его шевелящиеся длинные когти и белые оскаленные зубы уже наводили страх и ужас. В этой позе он казался опасным чудовищем.

Маргарита с дрожью прижалась к отцу, для нее он всегда был нерушимой защитой.

Медведь, увлеченный приятным занятием, долго не замечал зрителей, а потом внезапно затих, поднял черную морду, понюхал воздух и прыгнул в сторону наблюдателей. Видимо, он по запаху почувствовал людей, но не определил их местоположения.

Все мигом оказались на ногах, готовые к бегу, но медведя уже не было. Ломая сучья, он с шумом удалялся вглубь леса. Побледневшие от страха люди недоуменно посмотрели друг на друга и, с облегчением вздохнув, весело захохотали, уличая друг друга в трусости. От неожиданности струхнули, конечно, все, но сознаваться в этом никто не хотел.

Дальше продвигались, проделывая путь в молодых густых зарослях лиственницы, осины, березы; шагать было очень трудно. Для того, чтобы сделать шаг, приходилось пригибаться, раздвигать ветви деревьев и кустарник и, буквально извиваясь, проскальзывать в образовавшуюся брешь. Солнечные лучи сквозь гущу проникали с трудом, а поэтому было сыро, воздух был затхлый и пахло плесенью. Изрядно поободрав одежду, поцарапав лицо и руки, геологи вынуждены были отклониться от взятого направления, подняться по склону и, минуя джунгли,

продолжить спуск с горы по гребню небольшого водораздела. Редколесье в таком месте позволило шагать быстро, и группа геологов незаметно оказалась на степных просторах.

На подходах к заповеднику возле своих нор столбиками сторожили бурые сурки и серые суслики, а высоко в синеве небесного простора плавно парили большекрылые орлы-стервятники, чуть ниже- быстрые соколы. Они, выследив добычу, с быстротою молнии падали на землю, мгновенно хватали ее цепкими когтями, уносили и расправлялись, сидя на скалах.

В заболоченной долине, на окраине заповедника, отдыхали перелетные водоплавающие птицы. Они оказались непугливыми. Геологи прошли около них так близко, что можно было различить гусей, уток, длинноногих журавлей и цапель.

Местные жители - монголы ранее не охотились на птиц и не ловили рыбу. Да и теперь этим занимались лишь некоторые. Это объясняется изобилием мяса от развития скотоводства. Кроме того, по религиозным законам птица и рыба считалась здесь священными и неприкасаемыми. Особо священным считались турпаны, один из видов уток. По величине они несколько превосходят крякв и отличаются цветом оперения, напоминающим одежду монгольских священнослужителей - лам. Турпаны - оранжевые, как и верхняя одежда лам, лишь грудь и частично шея белые. Поэтому этих птиц монголы называли лам – шуу, что означает лама – птица.

По болоту, среди плавающих и пасущихся птиц, верхом на коне проехал местный житель – монгол, птицы вели себя совершенно спокойно, не обнаруживая ни малейших признаков испуга.

На этом двухнедельный поход по заповеднику, через гору Богда - Ула был закончен. Несмотря на короткий срок пребывания в заповеднике, полученные впечатления были неисчерпаемо интересны. Все виденное казалось сказочным, порою- не вполне вероятным, как бы специально подготовленным для обозрения.

По возвращении из маршрута, рассказам Раи и, особенно говорливого, Виктора не было конца. Впоследствии, рассказывали они о своих впечатлениях и в школе ученикам, которые не всему верили. Сомнения вызывали трагический случай с семейством лосей и стычка с медведем. Руслан с большим жаром уверял слушателей в полной правоте и достоверности. Многие ученики, конечно, верили и завидовали счастливым, затаив в душе стремление и надежду во что бы то ни стало побывать в удивительном уголке.

Новая экспедиция.

Подготовка экспедиции к выезду близилась к концу. В день возвращения отряда из похода в заповедник, завхоз Иван Абрамов доложил Михаилу Ивановичу, что все готово.

- А вот еще пополнение наших кадров,- сказал он.

- Дашан, студент Иркутского горно – металлургического института, прибыл на родину и направлен в Вашу экспедицию.

Михаил Иванович тепло пожал мускулистую руку молодого монгола.

Дашан оказался смышленным и трудолюбивым парнем. Он усердно взялся за изучение материалов и безвылазно сидел над ними. Однако времени в его распоряжении осталось лишь полтора дня, так как Михаил Иванович объявил:

- Завтра погрузка, а на следующий день выезд.

Все обрадовались!

В погрузке на автомашины снаряжения, приборов, инструментов и прочего груза, необходимого для полевых работ, участвовал весь персонал экспедиции, кроме Дашана. Погрузкой руководил сам Михаил Иванович вместе с завхозом Абрамовым. Она протекала интенсивно, все работали слаженно, с большим подъемом, заранее предвкушая предстоящие прелести экзотических приключений. Особенно тщательно собирала Анастасия Алексеевна свои склянки с реактивами, колбы, пробирки, приборы, предназначенные для полевого изучения шлиховых проб, образцов различных руд и горных пород. Она следила за осторожностью обращения, мягкостью их укладки во время погрузки.

Только к концу дня вся работа была закончена. Все облегченно вздохнули и оправились на отдых, положенный перед предстоящим продолжительным рейсом.

Ранним утром колонна груженых автомашин, во главе с легковым вездеходом, тронулась в путь.

К реке Орхон от Улан-Батора проложено две дороги. Одна из них ведет по правому берегу реки Толы; зимой по ней проезжал поисковый отряд. Экспедиция же направилась, в данном случае, по второй дороге. Она вначале проходит по левому берегу реки Толы и подводит к намеченным местам с южных подходов. Расстояние до места экспедиции по обеим дорогам примерно одинаковое, а которая из них красивее и лучше - сказать трудно. Каждая имеет свои прелести, достоинства и недостатки.

Из города колонна автомашин выехала по широкой асфальтированной дороге, обсаженной по сторонам тополями и лиственницей. Автомшины катились плавно и слышны были лишь выхлопы газов, работающих моторов и шуршание шин по асфальту, посыпанному гранитной дресвой.

Миновав мост, перекинутый через реку Толу, машины строились на обочине. Справа бурлила многоводная Тола. Ее мутные весенние воды, с шумом ударяясь, разрезались на широкие бурливые ленты, затем вновь соединялись в мощный серый поток.

Слева от дороги красовались свежие, зеленеющие склоны горы Бог-до-ула.

Проверка колонны была непродолжительной. Оказалось, что все люди на указанных местах, автомашины и груз были в установленном порядке, моторы работали нормально.

Самый малый пассажир-пятилетний Шурик-успел покинуть свое место и бросить несколько камешков в пучину бурливой реки, однако команду отца: «По местам!» - выполнил

Ваш покорный слуга - Шурик фото 1950 года.

беспрекословно и бойко. Усевшись рядом с матерью, он живо и с большим интересом успевал наблюдать и за движением автомашин, и за бурным течением реки, и за всем окружающим пейзажем. Вот и его взор, и внимание всего отряда приковало множество раскрашенных в яркие различные цвета небольших домиков, киосков, будок, горбатых эстрад.

- Это летний городок. Здесь мы празднуем самый большой наш праздник-Надом, день Народной революции в стране, – разъяснил шофер Бадма. Скоро, в июле месяце, со всех концов обширной республики сюда съедется масса народа и целую неделю будет длиться празднование. Состоится большая торговля множеством разнообразных товаров, будут выступления артистических групп, концерты, всевозможные игры, монгольская борьба, скачки на лошадях. В многообразных выступлениях и играх определятся самые одаренные, сильные, выносливые, они и получают премии, награды.

Домики и киоски в городке были выстроены длинными, стройными кра-

сочными рядами. Перед эстрадами стояли скамейки для зрителей. На огромном поле красовался амфитеатр, рассчитанный на несколько тысяч зрителей для наблюдений за традиционной национальной борьбой, играми, скачками на конях.

День обещал быть погожим. Слева из-за гор засветили первые лучи восходящего солнца, в голубом небе не было ни единого пятнышка, отчего оно казалось беспредельно глубоким. Стала отступать сырость, и прохлада. Места среди кустарниковых зарослей, в излучинах реки, становились приятными, уютными, манящими своими прелестями на зеленеющий луговой ковер, но автомашины не сбавляли хода, мчались и мчались одна за другой все дальше и дальше.

В плену красоты.

Красочные прибрежные места вскоре остались справа, колонна отклонилась влево, к югу, и путь продолжался по совершенно безлесым всхолмленным степным просторам. В них лишь изредка виднелись юрты скотоводов и большими группами пестрел пасущийся скот.

Монотонный пейзаж, равномерное покачивание автомашин и свежий воздух действовали убаюкивающее. Повалившись на колени матери, Шурик спал, дремали и другие пассажиры. Водители, чтобы разогнать сон, напевали свои национальные мотивы, или русские песни, переложенные на монгольский язык.

Водитель Бадма ехал молча. Михаил Иванович приоткрыл глаза, и убедившись, что водитель не дремлет, вновь погрузился в дремоту, но уснуть ему не удалось. Бадма, потрогал его за руку.

- Дарга! Дарга, смотри зерены.

Михаил Иванович встрепенулся и, протерев глаза, стал всматриваться вперед. Пробудилась и Анна Алексеевна.

В двухстах метрах, через дорогу переходила большая стая серых длинноногих зерен. Они шагали не торопясь, грациозно поворачивая рогатые головы. Когда Бадма просигналил, они испугались и побежали, и тут же бег превратился в стремительный полет. Их белые зады замелькали как платки в порывах ветра. Зерны скрылись за зеленеющими буграми.

- Бадма! - почему спугнул? - обратился Михаил Иванович. – Нужно было подстрелить хоть одного зерена.

- У них мясо плохое ! - ответил Бадма. – За зиму они отощали, к, осени нагуляют жир.

- Скоро, - продолжал Бадма,- будет равнина, в ней имеется худук,- родник значит. Вода в нем холодая, вкусная. Там мы остановимся, пополним радиаторы и сами освежимся. Вблизи родника обычно разгуливают большие птицы. Я забыл, как их называют, но русские на них охотятся и кушают их мясо.

- Дрофы? - подсказал Михаил Иванович.

- Да, да! - подтвердил Бадма.

Через несколько минут, действительно, показалась обширная равнина. На ней, вблизи дороги, у подошвы небольшого холма, бил мощный родник. Устье его было аккуратно выложено камнями, а струя воды с помощью каменного желоба выведена наружу. Она падала с большой высоты в дощатое корытце. Избыток воды стекал по маленькому руслу, которое обозначилось густой зеленью травы,

резко выделяющейся на общем фоне.

Утолив жажду, мужчины расположились рядом на лугу, задымили трубками и папиросами. Шурик, резвясь, бегал по луговому простору, кувыркался, смеялся, то и дело тормоша мать. Забежав далеко в луг, он стремглав возвратился, испуганного крича:

- Папа, Папа! Там какие-то большие птицы! Они кусаются! Многие вскочили на ноги и стали всматриваться в сторону, откуда прибежал Шурик. И действительно, из - за ближайшего небольшого холмика спокойно вышагивала группа огромных птиц.

- Дрофы¹⁷! - вскрикнул Бадма и быстро уселся за руль своего вездехода. Михаил Иванович, Олег и Володя разом вооружились ружьями.

Вездеход медленно и плавно покатился по равнине не прямо к птицам, а как бы по касательной, чтобы не спугнуть их своим наездом. Охотники сблизилась с целью, а когда подъехали на расстояние ружейного выстрела, встали за холмик и изготовились к стрельбе. Вездеход проскользнул дальше, и мишени оказались перед ними. Грянули один за другим шесть выстрелов. Четыре птицы остались на месте, остальные, взмахнув огромными крыльями, грузно поднялись и улетели в степную даль.

Трофеи были немалые: каждая из птиц весила не менее шести килограммов, а вес одной из них достигал восьми килограммов. Бадма уверял, что это еще не самые крупные. По его словам, вес некоторых дроф подстать доброму барану.

Разделали добычу тут же, у родника. Четыре тушки мяса, присыпанные солью, пополнили съестные припасы.

Розовато - белый пух и нарядное перо составили мягкую подушку, на которой неутомимый Шурик, под монотонный гул мотора и убаюкивающее покачивание кузова, крепко заснул.

За перевалом, справа от дороги заблестело большое озеро Тухумын - Нур, на нем пестрела масса перелетной птицы. Сердца охотников учащенно застучали, но времени для охоты не было.

Миновав озеро, в сопровождении своры длинношерстных собак, колонна миновала небольшой населенный пункт Мурен. На окраине поселка колонну веселым криками провожала орава черноглазых смуглых ребят, резвившихся на зеленом лугу.

Далее путь продолжался по той же безлесной степи с мелкими сопками,

¹⁷ Дрофа́, или дуда́к (лат.*Otis tarda*) - крупная птица семейства дрофиных – дикая курица.

начинающей зеленеть свежим весенним травяным покровом. Проскочив несколько десятков километров, колонна оказалась как бы среди развалин огромного города, где не уцелело ни единого здания.

Возле скал валялась масса отделившихся и свалившихся глыб. Это были граниты, слагающие огромное поле батолита. Они под непрерывным и весьма продолжительным воздействием солнечных лучей, ветра, мороза и дождя разрушались. Сохранились причудливые скалы, а отделившиеся от них осколки и отдельные кристаллы минералов составляли накопления, порой напоминающие вороха и россыпи кукурузных зерен и шоколадных конфет. Среди них выделялись розовые и серые крупные призматические кристаллы полевых шпатов, серые и белые зерна кварца. Мелкие же листочки черной слюды золотистой чешуей переливались в лучах яркого весеннего солнца, которое уже приближалось к полуденной точке стояния.

Травяной покров среди гранитов был убогим, а лесная растительность по-прежнему совершенно отсутствовала. Значительно гуще зеленела трава у колодца, расположенного в долине, около которого, высоко задрав длинную «шею», на подкосившейся тонкой «ноге» стоял колодезный журавль. Вода самоизливалась через край и образовывала крохотный ручеек. Он давал живительную влагу для скудной травяной растительности и каким-то образом, сохранившимся здесь корявым карликовым одиноким деревцам.

В долине разгуливали четыре рыжих двугорбых верблюда, облинявшие и исхудавшие за зиму. Несмотря на убогость и худобу, они сохранили свой необыкновенный гонор. Услышав шум автомашин, верблюды величаво и многозначительно покачивая головами, посаженными на длинные облезшие шеи, медленно и важно, как бы ничего не замечая, зашагали по долине, вглубь каменистой степи.

Монотонный скучный ландшафт и плавное покачивание автомашин, ныряющих по извилистым путям каменных развалин, вновь вызвали в пассажирах дремоту.

Привал и новые знакомства.

Автомашины сбавили скорость, а затем, выстроившись в полукруг около какого-то дома, остановились.

- Ну вот и Делгер - Хан, а вот и гуанз. Теперь уж «подзаправимся» – высказался шофер Бадма. Здесь была хорошая столовая.

Да, это был пункт для обеда, назначенный по маршруту.

Завхоз Абрамов сразу же в кухне столовой заказал суп из мяса дроф. Шоферы приступили к профилактическому осмотру автомашин, заправке их горючим, смазочным маслом; кроме того, были проверены тормоза и такелаж груза. Пассажиры организовали массовое умывание после пыльной дороги.

Делгер-Хан- небольшое монгольское селение; в нем расположен соманный совет, школа начального обучения с пансионатом для детей, прибывших на учебу из кочевых скотоводческих аратских объединений. Имелись тут также два магазина с большим ассортиментом промышленных и продовольственных товаров. Люди в селении жили в домах и в юртах; занимаясь исключительно скотоводством.

Некоторые пассажиры проявили любопытство и, получив разрешение, посетили одну из ближайших юрт. Снаружи она была аккуратно обвязана белым парусиновым полотном и волосяными веревками. Возле юрты было идеально чисто и на ровной поверхности выбивалась нежно – зеленая трава. Распахнулась широкая дверь, узорчато окрашенная в многообразные яркие цвета.

Первым в юрту вошел переводчик экспедиции – монгол.

- Цайн – байну! Поприветствовал он хозяев. Тоже самое сделали и все вошедшие за ним.

- Цайн – байна – ответили хозяин и хозяйка. Затем жестами и словами приветливо пригласили всех вошедших пройти вперед и сесть.

Переводчик не замедлил принять приглашение и тут же по - турецки уселся на узорчатый коврик у миниатюрного столика. Вслед за ним последовали и остальные, но никому не удалось сделать этого, кроме маленького Шурика. Он, после некоторых усилий, сложил ножки так же, как и переводчик, а остальные, особенно мать Шурика Анна Алексеевна, никак не смогли сесть, чем только вызвали общий веселый смех. Но, так или иначе, каждый по-своему приспособился, и все разместились на коврике полукругом.

Хозяин, заговорив с переводчиком, уселся рядом с ним, из-за пазухи своего коверкотового дели извлек миниатюрную медную трубку, старательно набил та-

баком, прикурил от спички и, обтерев платком прикус мундштука, и передал её своему собеседнику. В дальнейшем мы узнали, что это по национальному обычаю делается в знак уважения и дружелюбия к желанному гостю.

Хозяйка извлекла из небольшого узорчатого шкафчика фарфоровые пиалы, протерла их полотенцем и, наполняя чаем, стала подавать каждому гостю.

Михаил Иванович, заметив хлопоты хозяйки, обратился к переводчику и попросил его поблагодарить хозяев за гостеприимство и отказаться от чаепития, т.к. их ожидает обед, и предупредить, что сотрудники экспедиции пришли посмотреть, как обставлена юрта и как в ней живут. .

Хозяйка, выслушав слова переводчика, заулыбалась, приветливо кивая головой. Она была одета в голубое шелковое дели, переливающееся многообразием цветов радуги, туго опоясана широким ярко-оранжевым кушаком, и выглядела стройной. Длинные туго сплетенные косы лежали на ее плечах как две черные змеи, небольшие глаза в узких щелочках на круглом румянном лице блестели гатовыми бусинками, а два ряда белых прелестных зубов переливались перламутром, и каждый человек мог позавидовать их свежести.

В юрте было светло. Полуденные лучи солнца проникали через большое овальное окно, расположенное в центре крыши. Идеальный порядок гармонировал с подтянутостью и аккуратностью самой хозяйки. В центре юрты располагалась миниатюрная печурка с плитой, на которой стоял небольшой чугунный котел, предназначенный для варки пищи. В печурке тлел аргал, в котле, закрытом деревянным кружком, что-то варилось. Дым поднимался по жестяной трубе, выведенной наружу в отверстие крыши юрты. Две широких деревянных кровати, аккуратно убранные и застланные оранжевыми одеялами, стояли у стенки, крохотные подушечки на них были накрыты белым тюлем. На низеньком узорчатом комодке, расположенном между кроватями, стояло зеркало, духи, пудреница, будильник и репродуктор. На стене над комодом можно было увидеть портреты Ленина и Сухе - Батора. Над кроватями, на фоне кумачовых бархатных ковриков, висели два мелкокалиберных ружья и ножи в серебряных ножнах с узорчатой чеканкой.

У детской кроватки, на небольшом столике лежала кипа учебников, журналов и газет. Кухонька, в которой временами копошилась хозяйка, была отгорожена далимбовой занавеской.

На осмотр юрты и знакомство с ее хозяевами было затрачено не более двадцати минут, как в юрту заглянул Абрамов, приглашая обедать.

Мастерство поваров столовой ощущалось уже при входе в нее. Суп, разлитый в тарелки, распространял чудесный аромат мяса дроф и восточных специй.

Шоферы и рабочие уже сидели за столами и расправлялись с содержимым своих тарелок, а пожилой повар - китаец в белом халате, довольный расхаживал между столов.

- Ну как? – хорошо суп? – спрашивал он. Я давно птица – мясо не готовил. Раньше ресторане работал, хорошо готовил.

Все щедро нахваливали и кушали суп с большим удовольствием. Повар, окрыленный, чувствовал себя на седьмом небе и обещал, что второе блюдо будет не менее вкусно, чем первое.

Вслед за супом были поданы хушоры¹⁸. Для их приготовления необходимо пресное тесто раскатать в тонкую лепешку; на которую раскладывается слой крупно- рубленого фарша из бараньего мяса, заправленного луком, перцем и немного свежей капустой. Фарш покрывается второй лепешкой. Далее хушоры пекутся (или верится) в кипящем животном жиру на сковороде.

В завершение непревзойденной трапезы всем было предложен натуральный кофе или стакан душистого зеленого чая.

За Делгер-Ханом дорога оказалась увлажненной недавно выпавшим обильным дождем. Местами на ней скопились значительные лужи, но грязи почти не было, так как дорога по-прежнему была усеяна либо гранитной дресвой, либо щебенкой разнообразных горных пород.

Воздух, несмотря на установившийся зной, был, как сказал поэт: «..чист и свеж как поцелуй ребенка...», насыщен озоном, дышалось легко.

Автомашины мчались, как будто значительно быстрее прежнего. Вскоре перед колонной предстала многоводная широкая река Онглы. Пассажиры с большим любопытством устремили свои взоры на бурные, мутные воды, бушующие в каменистых степных просторах. Не верилось, что такая многоводность реки может быть в степных условиях, что к югу эти степи переходят в полупустыни.

Река Онгин берет начало в лесистых горах и, извиваясь среди скал, течет в юго-восточном направлении. В Гобийской полупустыне на карте она показана пересыхающей, полностью теряющейся в широких полях песчаных отложений. Трудно себе представить, чтобы такая масса воды терялась на пути и не имела никакого поверхностного накопительного водоема, но это факт.

За деревянным мостом, переброшенным через реку, ступенчато возвышались несколько речных террас, наклонные плоскости которых, простираясь вдоль реки, образовывали долину, на которой возвышались утесы и скальные камени-

¹⁸ Хушоры - это национальное монголо – китайское блюдо.

стые горы, переходящие в высокие горные цепи.

На зеленых террасах долины крупными глыбами выстроились многочисленные скальные выходы гранитов. Они и по величине, а некоторые и по форме напоминали танки, готовившиеся к штурму крупного населенного пункта Архангай, который раскинулся на обширной третьей террасе. В центре его возвышались здания аймачного совета, школы, больницы, отделения связи, а так же магазины и жилые дома. На окраине белели аккуратно подтянутые юрты. По улицам села то и дело пробегали легковые и грузовые автомашины, деловито в разных направлениях сновали люди, одетые в цветастые дели.

На окраине, на ровном лугу бегали за мячом статные парни, видимо, играли в футбол. Команда игроков в голубых майках пользовалась явным перевесом в игре, так как они непрерывно владели мячом, посылая его к воротам противника, но искусная игра защитника в красной майке и отважные прыжки вратаря спасали команду от неминуемых голов.

Зрителей было мало, но число их увеличивалось новыми группами болельщиков прибывающих из селения.

Прибывающие усаживались на зеленом луговом ковре футбольного поля, образуя цветастое кольцо. Михаил Иванович намеревался заехать в село с визитом к местным районным руководителям, но взглянув на циферблат ручных часов, произнес:

- Поздно! В учреждениях, конечно, уже никого нет.

- Что же не заедем в Архангай? - обратился Бадма к Михаилу Ивановичу.

- Нет! Поедем дальше и, возможно, еще доберемся до курорта Худжирте.

- Едва ли? - возразил Бадма, - я полагаю, что мы не переедем через реку Онгин. Моста там нет. Здесь же ее брод, т.к. воды в ней обычно мало, а сейчас- видишь что твориться. Вброд реку не переехать.

- Ну, все равно поедем. Ведь нам в селении размещаться с таким количеством людей, с автомашинами, с грузом не с руки. В случае чего, расположимся в поле у реки.

Так и сделали: не сбавляя хода, свернули вправо и по столбовой дороге последовали на север. Солнце, бросившее предзакатные косые лучи в лобовое стекло, теперь оказалась слева и согревало слабо. Надвигалась весенняя прохлада.

Непреодолимая преграда.

Через десяток километров от селения Архангай, колонна оказалась перед непреодолимой преградой. Как и предупреждал Бадма, моста через реку не было. Переезд вброд был немислим. Река разлилась по широкой долине и, образовав несколько рукавов, неистово бурлила, гремела перекатываемыми камнями, несла бревна, сучья, вывороченные с корнями деревья. В одной из протоков стояла затонувшая по кузов грузовая автомашина. Ее шофер и два пассажира беспомощно сидели на зеленом лугу на противоположном берегу, раскуривая трубки.

Михаил Иванович, недолго размышляя, выбрал ровную площадку и распорядился:

- Разбить лагерь для ночлега. Приступить к приготовлению ужина!

Пассажиры и водители, утомленные продолжительной ездой, были рады остановке. Вскоре на зеленой площадке были установлены юрта и большая брезентовая палатка; перед ними ярко запылал костер.

Безмерно ликовал самый маленький член геологической экспедиции- Шурик. Он бегал вокруг костра, возле юрты и палатки, заходил в них, убежал к берегу бушующей реки и вновь возвращался к лагерю. Диковинным зрелищем для него были оседланные кони, на которых к лагерю подскакали несколько монгольских мальчиков и девочек. Они совершенно свободно и ловко сидели в седлах. Их черные, любопытные глаза блестели в лучах пылающего костра. Дети, переговариваясь меж собой, смеялись, при этом белые, как жемчуг, ряды зубов резко выделялись на фоне смуглых лиц. Беспokoйные, разгоряченные, резвые кони грызли железные удила и, поматывая головами, разбрасывали клочья белой пены.

Коней на таком близком расстоянии Шурик видел впервые. Они ему казались забавными, но небезопасными. Прячась за спину отца, он с завистью поглядывал на детей, сидящих верхом на лошадях. Всадники что-то говорили ему на своем языке. Он ничего не понимал и прятался, а они весело хохотали.

К детям на лошадях подошел шофер Дамба, поговорил и затем одному из них вручил эмалированный бидончик. Мальчик проворно развернул коня, прищепил его тяжелыми стремянами и с гиканьем умчался вдаль. Тут же вслед за ним поскакали и остальные. Шурик долго стоял с широко раскрытыми глазами.

- Папа! - обратился он к отцу, - вот здорово! И не боятся, что упадут!

- Они, деточка, привычные к седлу и к езде на конях. Их приучают родители с самого раннего возраста. А ведь этим детям уже больше восьми – двенадцати лет каждому. Они считают себя взрослыми и верхом на конях пасут коров, овец и

верблюдов. В седле чувствуют себя лучше, чем на земле.

Не успели отец с сыном закончить своей интересной беседы, как из вечерних сумерек вынырнули один за другим те же всадники. Они привезли парного молока, творогу и корзины с аргалом. Так называют сухой конский и коровий помет, используемый в степных условиях как топливо.

Ужинали у костра, на берегу бушующей реки. Все были словоохотливыми, веселыми, особенно монголы. Они уже успели побывать в гостях у сородичей в ближайших юртах.

В темно – голубом небе загорелись одна за другой звезды. Они мигали и, казалось, лагерь представлял собой корабль, плывущий по необъятному океану. Неудержимо-яростно шумела река, иногда слышалась перекличка перелетных журавлей, гусей да гиканье скачущих по степи пастухов.

Шурик, утомленный впечатлениями длинного дня, уснул тут же за ужином. Вскоре разошлись по своим походным постелям и все остальные.

В гостях у председателя аймачного совета.

После ужина все разбрелись на отдых. У костра остался лишь один сторожевой. Он покурил медную трубку и негромко выводил мотивы то унылых, то веселых песен. Короткая майская ночь пролетала быстро, и вот уже на востоке загорелась заря. Первым в лагере проснулся начальник экспедиции.

Поднявшись с постели, он направился к реке. Она продолжала бушевать, но ему удалось получить утешительные данные. Еще с вечера на берегу, непосредственно у кромки воды, он в трех точках забил колышки. Теперь они оказалась на суше, выше уровня воды более чем на пол метра. Да, течение реки значительно успокоилось, в ее потоке не было ни вывороченных деревьев, ни бревен. Возле грузовой автомашины, застрявшей вчера в воде, уже возились два человека с лопатами, а шофер уткнулся под открытый капот. Вскоре мотор зарокотал, машина тронулась и скрылась за сопками. Но преодолеть реку вброд еще было рановато. Следовало повременить, т.к. в главном русле реки поток неистово ревел и был еще серьезно опасен.

Во время вынужденной остановки Михаил Иванович решил познакомиться с представителями местных властей. Председатель аймачного совета оказался весьма культурным и гостеприимным. Он почти весь рабочий день провел в беседах с геологами; расспрашивал их о задании экспедиции, об организации работ, о снабжении, о транспорте и предложил обеспечение экспедиции мясными и молочными продуктами непосредственно на месте через местные торговые точки, и аратские объединения. Для передвижений по таежным и горным просторам предложил неограниченное число коней. Все предложения и великодушная помощь, конечно, были приняты с большой благодарностью.

К концу дня посетили местный краеведческий музей. Он оказался небольшим, но несколько экспонатов в нем для геологов были очень ценными. Они представляли охры различных металлов и окаменелости ископаемой фауны и флоры. Эти экспонаты проливают свет на совершенно неизведанные участки обширного района. В заключении дня в квартире председателя состоялся обед, который затянулся на длительное время. Только к закату солнца геологи возвращались в свой лагерь, где их ждали с большим нетерпением. Уровень воды в реке за день снизился незначительно, видимо в верховьях вновь прошел дождь, который пополнил дебит¹⁹ реки. По дороге за весь день не появлялось ни одной автомашины. Мест-

¹⁹ Дебит -расход воды, объем воды, протекающий в единицу времени (секунду) через выбранное поперечное сечение потока. Дебит воды выражается поэтому в куб. метр в сек.или в л в сек.

ные шоферы знали об отсутствии моста в этом месте и не рисковали выезжать при разливе реки.

Проверка бродов верхом на конях показала, что переезжать реку на автомашинах еще рискованно, глубина на стрежне продолжала оставаться около метра, а скорость течения такая, что сбивала с ног коня с седоком. Пришлось остаться на месте, по крайней мере, до следующего утра.

На следующее утро.

Свежеокрашенные дома красочно пестрели среди белых юрт. Оживающая растительность опоясывала их. Небольшая горная речушка, разделяющая городок на две половины, украшала и оживляла его.

За ночь уровень воды в реке снизился, паводок захлебнулся, но переход через нее не обошелся без хлопот. Мотор первого вездехода заглох - свечи двигателя залило водой, и машина встала в бурлившем мутном потоке. С помощью длинного буксира – троса ее вытащили из реки. Брод проверили еще раз и, сняв с мотора вентиляторные ремни, благополучно преодолели реку и ее протоки. Через час пути прибыли в небольшой курортный городок Худжирте.

Городок только что просыпался. Выплывающее из – за высоких гор солнце бросало на него приятно согревающие лучи. Рабочий люд суетился, а отдыхающие, разодетые в нарядные дели, разгуливали по тротуарам и по зеленеющему лугу у берега бурлящей реки.

Возле одноэтажного большого здания, на котором висела какая-то вывеска с надписью на монгольском языке, хлопотливо сновали люди в белых халатах.

- Здесь лечебные минеральные ванны и грязи – перевел с монгольского шофер Вадма опередив разъяснения Михаила Ивановича. Сюда приезжают люди, с трудом передвигающиеся на костылях, и уезжают совершенно здоровыми.

- Обязательно расскажу об этой минеральной воде и лечебных грязях при первом удобном случае, – отвечал Михаил Иванович. - А сейчас задерживаться не будем.

Автомашины, замедлив ход, булькая в воде колесами, пересекли наиболее бурную, одноименную с курортом, речку Худжирте, и поползли вверх подъему.

С седловины, на которую поднялись автомашины, открылся вид на обширную долину. В ней справа и слева от дороги блестели два озера, между собой узкой, весьма извилистой блестящей лентой.

- Папа, Папа! Какие большие зеркала,- воскликнул проснувшийся Шурик. Колонна автомашин, с большой скоростью скатилась вниз по склону и оказалась в широкой долине возле озера. Вода в нем была прозрачная, а поверхность спокойная зеркально – гладкая, лишь из камышей исходила мелкая рябь, но, не достигнув и середины, постепенно уменьшаясь, как бы угасала. Оказывается, в прибрежных камышах были кряквы, нырки, чирки, а из гусей- и серые, и белые крупные длинношеи, и черноклювые, и желтоклювые, и горбоносые. Среди них особо выделялась пара белых лебедей. Они проявили заметное беспокойство. Медленно

работая золотистыми лапами, лебеди выплывали на середину озера, широко взмахнули огромными крыльями, полетели вверх по долине и, сделав небольшой круг, сели на следующем озере. Вслед за лебедями шумно поднялись и остальные водоплавающие птицы. Вода в озере была холодная, видимо, поступала из холодных источников. Экспедиция продолжала свой путь. Еще один небольшой подъем- и перед взором открылась обширная долина. Она казалась идеально ровной, покрытой нежной весенней травой. Лишь кое-где блестели серые и желтые поляны галечников. Ровную поверхность долины пересекал извилистый проран реки Орхон. На далеком противоположном борту ее начинались высокие скалистые горы, покрытые леса ми.

Слева от дороги также возвышались горы, на склонах которых зеленела трава и серели скалистые обнажения горных пород. Вдалеке чернел, еще не одевшийся листвою лес. Колонна спускалась в долину и продолжала двигаться к верховьям реки, придерживаясь к правому берегу. На слабоукатанной неблагоустроенной дороге стали попадаться черные глыбы ноздрястых базальтов, поэтому колонна автомашин замедлила ход и уже двигалась с предосторожностями.

Справа на фоне галечниковой глади, обрывистыми пятидесятиметровыми скалами возвышалось окончание застывшего базальтового покрова, который в дальнейшем прослеживался по долине на протяжении всего пути. На поверхности покрова на образовавшемся почвенном слое зеленела трава, местами рос кустарник и деревья лиственных пород.

Слева от дороги к долине примыкала еще одна довольно обширная долина Баратуин, в которой журчал маловодный правый приток реки Охона. В долине стояли до десятка белых юрт, пасся крупный рогатый скот, лошади, верблюды и овцы. Лошади и овцы. За продолжительную холодную зиму животные отошались, шерсть на них топорщилась, облезла и висела большими клочьями. Холи медленно, уныло, едва передвигая ноги. Резвее вели себя кони и овцы. Они уже могли щипать молодую траву и набирали новые силы. Крошечные красивые ягнята, пригретые теплом утреннего солнца, резво скакали и, уткнувшись в вымя матерей, дергали за соски, непрерывно дрыгая хвостиками.

Гурьба детей разноголосыми криками встретила и проводила медленно удаляющуюся колонну автомашин. Более всего они интересовались первой автомашиной, из которой выглядывал их одноклассник - Шурик.

Более шумно встречала и провожала колонну свора лохматых овчарок. Собаки неустанно лаяли и, оскалив зубы, забегали к передкам автомашин.

И снова работа.

Наконец, все стихло, продолжался лишь гул моторов и неугомонный шум реки, бушевавшей в каньоне, прорезанном в базальтовом покрове. Но вот, на одном из участков, река, прижимаясь к правому берегу, оказалась у скал гранитов и метаморфических сланцев, отложила мощные наносы песчано-галечного материала, образовав из них две террасы. Ровная площадка первой террасы, полукругом окаймленная возвышением второй и скалами, напоминала уцелевшую половину цирка. Она зеленела луговыми растениями и была надежно защищена от ветров.

Вблизи, посредине бушующей реки, красовался небольшой островок, покрытый густыми зарослями тальника, лиственницы, осины, тополя. Деревья и кустарники, еще не одетые листвой, выглядели скучновато, но набухающие на них почки и травяная растительность на земле наполняли воздух каким-то особенным запахом и создавали своеобразный уют. Яркие лучи высоко поднявшегося солнца приятно согревали, располагая к отдыху, а прохлада, исходящая от реки, освежала, вызывая бодрость и рабочее настроение. Этот уголок понравился всем и без единого возражения был избран под основной лагерь экспедиции.

Засуетился народ, разгружая с автомашин привезенное снаряжение. Работали энергично, в умелых руках выросли одна юрта за другой, и вскоре на площадке вырос городок. На окраине его выстроились автомашины с опустевшими кузовами. Рабочий люд копошился уже в самих юртах и палатках, расставляя походные кровати, столы, стулья и размещая всевозможные грузы. Заработала электростанция, и даже радиоузел.

Анастасия Алексеевна хлопотала в юрте, отведенной для ее лаборатории. С волнением она извлекала из ящиков приборы, химической посуду и реактивы. Оказалось, все было в полной сохранности. Она успокоилась, расставила их на столы и полки.

Возвратилась автомашина, посланная в зимний поисковый отряд. Прибыли повар Фу – Ми – Цо и Николай Савин. Их встретили криком «Ура», а Колю еще и качали на руках, как первого пионера экспедиции.

Повар Фу – Ми – Цо засуетился, заботясь о будущей своей кухне. В отведенной под кухню юрте, на некотором отдалении от общего ряда, уже дымилась плита, закипали кастрюли, чайники, шипели сковороды, распространяя щекощущие запахи разной снеди.

Николай уже успел извлечь из многочисленных вещей спиннинг с катушкой

и вместе с Шуриком отправился к перекату реки, шумевшему рядом с лагерем.

- К обеду будет рыбка, будет и икорка! - пообещал Николай.

- А ты захвати из бочки селедки, а икорка из банка, что мы привезли, подшутил Олег.

- Мы любим свеженькую! - ответил Николай.

Вскоре послышался радостный крик Шурика:

- Рыба! Рыба!....

Из – за поворота показались и сами рыбаки. Они торопливо шагали вдоль реки, держа бамбуковый спиннинг, от которого тянулась белая жилка. Из пучины воды огромная рыбина, встряхивая яростно головой, пыталась освободиться от блесны, била хвостом по воде, старалась оборвать, но не добиваясь результата, погружалась. Николай умело и быстро лавировал жилкой с катушки и изнурял рыбу трещеткой. Он то предельно натягивал жилку, то ослаблял ее.

Шурик держался за спиннинг и кричал:

- Папа, папа – смотри какую рыбу поймали.

При каждом прыжке рыбы, Шурик боязливо вздрагивал, но не отпускал спиннинга.

Все, бросив работу, собрались у берега и с любопытством наблюдали за борьбой спиннингиста с хищной рыбой, давали советы: одни рекомендовали подтянуть рыбу к берегу, уверяя, что жилка не порвется, другие настаивали, что жилку следует ослабить, третьи уже взяли мелкокалиберные винтовки и вознамеривались подстрелить беснующую махину.

Но Николай сам в совершенстве владел мастерством спиннингиста. Ведя рыбу на натянутой жилке, он удерживал ее голову над водой. Шурик крутил трещотку, методически выматывая ее силы. Наконец рыба, обессилев, всплыла на поверхность воды. Николай подтянул ее к берегу так, что голова оказалась на плоском камне, тут же под жабры вонзил острый крюк и извлек на берег.

Трофей из семейства лососевых оказался внушительным, длина составляла больше метра, а вес около десяти килограммов. Из ее живота извлекли почти два килограмма красной крупнозернистой икры, которую тут же была засолена и к вечеру уже представляла собой лакомую закуску. Рыба, изрезанная на ломтики, зашипела на горячих сковородах, и пока люди расправлялись с первым блюдом долгожданного обеда, уже было готово второе.

По радиотрансляции было передано поздравление начальника Михаила Ивановича по случаю главного события дня - разбивки лагеря геологической поисковой партии. На наряду с этим сообщением, был озвучен график текущих ра-

бот, а затем- поздравления в адрес Николая по случаю удачной и необычной рыбалки. В заключение были исполнены песни по заявкам геологов, сотрудников и рабочих партии.

Николай был на высоте положения, несмотря на то, что Олег и Володя то и дело пускали в его адрес сатирические колкости; он оставался невозмутимым, чувствуя, что это происходит только от зависти.

Больше всех радовался Шурик.

- Мы закинули спиннинг раз, два – ничего! - горячо рассказывал он.- А на третий, как схватит! Чуть не утащила спиннинг из рук. А как она выпрыгивала из воды. А какой у нее рот большой зубастый...Ах страшно! Мама, а ведь она может человека проглотить!

Шумный веселый обед закончился лишь с закатом солнца. Наступила вечерняя прохлада. Люди разбрелись по юртам и палаткам на ночной покой.

Только повар Фу – Ми - Цо еще долго гремел посудой.

В лагере все спали. Неугомонно бурлила река. На темно – голубом небе мерцали звезды, и сияла серебристая луна. Временами пролетали быстрые летучие мыши и совы. Изредка откуда – то слышался лай сторожевых собак и мычание встревоженных коров.

Утро в геологическом лагере.

Утро в лагере начиналось с рассветом; но восточный небосклон был огражден барьером высоких гор, и утреннее солнце могло заглянуть не ранее как через час или даже через два часа после восхода.

Было уже по - дневному светло, а люди продолжали спать крепким сном. Только местная радиотрансляция, по указанию Михаила Ивановича, разбудила всех. Молодежь сразу приступила к утренней зарядке под веселую музыку радиотрансляции, а люди повзрослее с полотенцами на плечах направились к реке для умывания. Свежий, чистый, к тому же прохладный воздух, а в завершение всего - холодная, мягкая вода горной реки, как эликсиры, несли и бодрость, и силу, и жизнерадостность для наступающего трудового дня.

Дашан, Олег и Володя после завтрака приступили к подготовке в маршруты по геологической съемке. Николай с промывальщиком Семёном - к отбору и промывке поисковых шлиховых проб. Анастосия Алексеевна стала готовить приборы, инструменты и реактивы для анализов.

Михаилу Ивановичу и завхозу предстояло связаться с местными руководителями. С председателем ближайшего аратского объединения была достигнута договоренность в отношении коней, а также о поставке для экспедиции мяса, молока, творога и даже кумыса. Для повседневного ухода за лошадьми он выделил своего человека. Его звали Сампел.

К геологическому лагерю экспедиции подогнали многочисленный табун разномастных коней. Вид их, после тяжелой зимовки, был весьма неприглядным: клочьями облезла зимняя шерсть, длинные хвосты волочились по земле. Вольготные выпасы с обилием старой травы, покрытой уже зеленеющим покровом новой, уже позволяли им заполнить желудки до отказа. Туго набитые животы казались бочонками, поставленными на четыре коротких мохнатых ножки. Кони были дикими. На человека смотрели сверкающими глазами, храпели, фыркали и, шарахаясь, опрометью убегали. Маленькие, коренастые, несмотря на разнообразие в возрасте, они мало чем отличались друг от друга. Лишь по заметным старым потертям спин и по губам, поврежденным удилами, выделялись обьеженные кони. Большинство же, в возрасте от пяти до десяти лет, еще не бывали ни под седлом, ни в упряжке.

Михаил Иванович попросил отобрать коней обьеженных, выносливых, но не резвых, так как они предназначались не для скачек и быстрых переездов, а для медленных и длительных передвижений под седоками или под вьюками по горам и

в тайге. Основным исполнителем отбора коней оказался Сампел. Он с этого момента уже становился ответственным за их сохранность, а также за своевременное кормление, упитанность и работоспособность.

Сампел, вооружившись монгольским лассо, уселся на своего скакуна и тут же лихо помчался, преследуя коренастого коня. Саврасый²⁰ хотел было затеряться в табуне, но не успел этого сделать – преследователь оказался перед ним. Ему оставалось лишь скакать по простору широкой долины и меж холмов прибрежных склонов. Конь седока, привычный к своим обязанностям, стремительно преследовал саврасого. Разрыв между ними быстро сокращался. Вот еще один стремительный бросок, и они оказались бы на одной линии, но саврасый неожиданно круто развернулся и помчался в обратном направлении.

То же самое сделал конь преследователя, но тяжелая ноша все же задержала его, и этот же трюк был проделан несколько медленнее, поэтому он значительно отстал. Выправившись, конь вытянул шею, оскалил зубы, и как бы со злостью, молниеносно вновь настиг саврасого, а Сампел привычным движением длинного шеста набросил петлю лассо. Саврасый захрапел, сбавил скорость и вынужден был остановиться. Тут же на его голове оказалась наброшенной уздечка, а в рот втиснуты железные удила. Саврасый брыкался и, пятясь назад, намеривался вырваться, грива его трепетала, выкатившие из орбит глаза дико блестели, из раздувшихся ноздрей вылетали струи горячего воздуха. Сампел умело, без особых усилий сдерживал саврасого, а затем, отпустив на длинный повод, стал усиленно погонять, похлестывая ремнем, прикрепленным на длинном шесте. Саврасый вихрем кружился вокруг Сампела, вспотел, а закружившись и обессилев, стал спотыкаться. В этот момент Сампел подтянул к себе замученного Саврасого, набросил на его спину седло и туго затянул подпруги. Конь извивался, прыгал, храпел, пытаясь сбросить седло, но оно было закреплено крепче обычного.

Оседланного саврасого Сампел вновь отпустил на длинный повод и, погоняя шестом, еще закружил вокруг себя, а затем, натянув поводья, всунул левую ногу в стремя, сделал стремительный мягкий прыжок и мигом оказался в седле. Не давая опомниться, не отпуская повода и нахлестывая плетью по бокам, он помчался вверх по долине, выжимая из коня все силы. Через многие километры саврасый стад заметно ослабевать, покрылся потом до ушей и сбавил скорость. Сампел, управляя поводьями, сделал плавный разворот и, приближаясь к лагерю экспе-

²⁰ Саврасый – это «дикая масть». Такой окрас имеют лошади Прыжевальского. Туловище бледно – рыжее, живот часто светлее основного окраса. Также хвост, грива и нижняя часть ног могут быть с примесью черного.

диции, уже ехал мелкой принужденной рысцой. Конь был весь мокрым, с него клочьями падала белая пена, ноги заплетались и уже не было в нем ни резвости, ни дикости, ни попыток неповиновения.

Саврасый был из числа коней, объезженных в прошлые годы, но уже вновь одичавших за зиму. Необъезженные же кони были дикими и опасными для малоопытных седоков.

Самвел с помощью двух товарищей отобрал еще около двух десятков коней и погнал их в сторону лагеря.

В последующие дни он объезжал коней поочередно. Вечерами помогали ему и другие рабочие монголы.

В первые дни, геологам пришлось изучать ближайшие к лагерю участки, выхаживая их пешком. Эти маршруты при мелкомасштабной работе в столь резкопересеченном высокогорном районе были трудными. Один Дашан, привычный к обращению с любыми лошадьми, как и всякий монгол, с первого же дня оседлал для себя и для Михаила Ивановича коней. Уверил начальника в их послушании, и оба они верхом отправлялись в маршрут. Несколько дней они передвигались спаренно, Михаил Иванович обучал Дашана, давал ему многочисленные указания, советы, наставления.

Вечерами коллектив геологов совещался, делился наблюдениями, впечатлениями, и положил начало составлению требуемого комплекса карт.

Необходимая потребность.

На пятый день был назначен законченный объезд и выбор коней для постоянного пользования. День выдался удачный. Тучи, затянувшие небо, не пропускали солнечных лучей, весенняя прохлада, сменившая знойную погоду, ободряла, но дождя не было. Зеленый луг речной долины, выбранный для манежа, был сухим и ровным, без камней.

Кони стояли в пади под лиственницами, то и дело помахивая длинными хвостами, гоняли появившихся назойливых мух. На спинах коней были закреплены кавалерийские седла. Болтающиеся стремяна щекотали бока лошадей, звенели, ударяясь о стремяна соседнего седла, и это уже их несколько не беспокоило.

Осматривая коней всесторонне, каждый выбрал себе одного. У Олега, Володи и Коли была еще ребячья удаль. Они, конечно, старались взять покрасивее. Анне Алексеевне, по роду ее лабораторной работы, не предвиделась верховая езда, но возможны были одиночные выезды для ознакомления с рудопроявлениями, а поэтому и она выбрала смирную кобылицу. Ее ярко белая шерсть пятнами чередовалась с черной. На белой мордочке брови и длинные ресницы были черные, как у девушки. Сампел лично на каждом коне делал несколько кругов, затем владельцу давал наставления, усаживал и с переживаниями наблюдал за процессом езды.

Каждый геолог экспедиции был знаком с верховой ездой, а поэтому, несмотря на то, что с монгольскими полудикими лошадьми имели дело впервые, все происходило хорошо, без эксцессов. Но вот дошла очередь до Анны Алексеевны. Она ранее так же отлично ездил на достаточно резвых лошадях, но с монгольскими встретилась впервые. Пегашка²¹, которую облюбовала она себе, выглядела смирной, объезженной. Сампел даже похвалил Анну Алексеевну за удачный выбор.

При посадке пегашка не проявила ни беспокойства, ни дикости. Не смутила ее и приличная тяжесть седока. С места она тронулась тихим крупным шагом, затем, по велению наездницы, перешла на красивую рысь. Но вдруг за ее длинный хвост зацепилась сухая хворостина, подскочила и ударила по задним ногам, еще и еще раз. Кобылица взлягнула, при этом от волочившейся хворостинки получила несколько ответных ударов- и вдруг понесла что есть силы. Анастосия Алексеевна цепко держалась за седло.

- Парпал, парпал! Му - байна! - шептал побледневший Сампел. Он инстинктивно руками и ногами делал движения, видимо, те которые следовало делать

²¹ Пегашка -разг. пегая лошадь.

седоку для укрощения взбесившейся кобылицы.

Все зрители так же застыли в порыве. Их пристальные взоры, полные страха и ужаса, были устремлены к одному лицу: не мигая, запечатлели они каждое движение всадника и коня, но помочь никто практически не мог. А в это время, Анастасия Алексеевна продолжала стремительно удаляться вверх по долине, затем направилась на склон к холмам, где и исчезла из вида.

Сампел вскочил на своего коня, и помчался, усиленно работая ногами и хлыстом, но не успел сделать и полкилометра, как из - за холмов показалась пегуха – лошадь с Анной Алексеевной. Наездница еще продолжала цепко держаться. Вероятно, благополучно возвратилась бы и к месту, если бы не споткнулась пегуха. Анастасия Алексеевна резко покачнулась влево и тут же упала на землю. Левая нога ее застряла в стремях, и, лошадь продолжала некоторое время тянуть ее по земле. На счастье, это уже была ровная, без камней долина, покрытая луговой травой. Лошадь несколько раз наступила на упавший повод уздечки, закружилась и остановилась, уставившись на лежащую перед ней наездницу.

Это продолжалось мгновение. К месту падения Анны Алексеевны подскочил Сампел. Он ухватился за длинный повод, поймал пегуху. Без посторонней помощи встала и Анна Алексеевна. Ушибы у нее, конечно, были, но она их не чувствовала и, улыбаясь, вместе с Сампелом шагала навстречу товарищам.

На этом этапе, «тренировочная верховая езда» в этот день закончилась, участники её последовали к геологическому лагерю. Ехала и Анна Алексеевна. Ее лошадь Сампел для предосторожности придерживал на длинном поводу, но эта мера была уже излишней. Уставшая лошадь - петуха едва успевала за группой, не обнаруживала никаких признаков резвости и неповиновения. Она, вообще-то была самой смирной из всей группы отобранных коней, и едва ли случился бы описанный эпизод, если б не случайная хворостинка.

Михаил Иванович, учитывая пережитые неприятности, распорядился постричь хвосты лошадям, но сильно укорачивать их было преступно. Наступающая пора обилия назойливого гнуса, комаров и оводов, против которых хвост лошади являлся единственным незаменимым опахалом – спасителем.

Коням был дан овес, но, как ни странно, ни один к нему не притронулся. Это объяснялось тем, что никогда в своей жизни монгольские лошади овса не пробовали и не знали его вкуса. Не стали они есть и печеного хлеба. Таким образом, кони, предназначенные для маршрутов, оказались весьма «нетрудолюбивыми». Геологические маршруты, конечно, несравнимы с обычной верховой ездой. Они выполняются только в условиях бездорожья по водоразделам, около скальных

выходов горных пород, по труднопроходимым речным долинам и по высотам горных хребтов. В этих условиях от человека и от лошади требуется сила, цепкость, выносливость.

В первых маршрутах кони с грузом на спине повиновались неохотно. При подъемах на горы старались шагать по горизонтали или предпочитали пологие спуски. Неохотно они приближались к скалистым участкам, к каменным осыпям и вообще к обнажениям горных пород. Предпочитали просторные тропы и участки, покрытые густой травой. Это объяснялось тем, что на каменистых участках острые осколки камней вызывали боль в некованных ногах. Копыта на каменистых участках быстро изнашивались, обламывались, а поэтому коней, во избежание полного выхода из строя, приходилось чередовать. Ковка лошадей в Монголии не практикуется, так как монголы располагают множеством коней и часто их сменяют. Эта мера предохраняет от износа копыта, а также бережет животных от утомления и истощения, что весьма важно при круглогодичным питанием подножным кормом.

Тяжесть работы – радость ее результата.

Итак, геологи экспедиции приступили к ежедневным тяжелым утомительным выходам на маршруты, а Николай с промывальщиком Семеном и с подсобными рабочими стал заниматься промывкой шлиховых проб из отвалов шурфов, пробитых в зимние месяцы в долинах рек.

Громкие мелодичные звуки трансляции ежедневно нарушали утреннюю тишину лагеря. Повар Фу – Ми – Цо, обычно, выкрикивал по микрофону:

- Вставай пришел! Кушайла надо!

В юртах и палатках начиналась возня, разговоры, смех. В период утреннего туалета и завтрака, как правило, появлялся конюх Сампел уже со своими подопечными, загонял их в загон и, одевая уздечки, выстраивал у коновязи. Затем, тщательно осматривая ноги, спины, аккуратно оседлывал, туго подтягивал ремненные подпруги.

К концу завтрака кони были уже в походном положении.

Дашан, Олег, Володя и Николай, увешанные приборами, сумками, усаживаясь в седла, наказывали повару:

- Уж ты Миша, позаботься к вечерку насчет пельмешков, да кислого холодненького квасочка.

- Хорошо! Ладно! – отвечал повар, провожая веселую молодежь.

Михаил Иванович, отдавая распоряжения, нередко задерживался и выезжал в маршрут последним, лишь удостоверившись, что всем задано дело, и каждый приступил к исполнению своих обязанностей. Его нередко провожал проснувшийся сын Шурик. Он с помощью Сампела забирался на переднюю луку седла к отцу и, проехав около сотни метров, радостно, вприпрыжку возвращался к матери, которая занималась анализом шлихов, ежедневно подвозимых Колей.

В очередное июньское утро, как и в предыдущие, Анастосия Алексеевна уже приступила к делу, но сегодня она работала с особым интересом, т.к. при делении шлихов тяжелыми жидкостями видела, что они весьма интересны и могут принести что-то радостное. Она даже не заметила возвращения сынишки и не ответила на его обращение. Глаза Анны Алексеевны пристально смотрели в две тонкие трубки бинокулярной лупы²² объектива, направленного на белый стеклянный столик, на котором был рассыпан темно – серый песочек. Тонкий шпатель, похожий на иглу, в ее руках скользил по стеклу, отбирая одно за другим желтые блестящие зерна. В одном шлихе было отобрано более десятка, в другом- до трех

²² Бинокулярная лупа –длиннофокусный микроскоп

десятков микрочастиц, а во многих других – содержание доходило до весовых количеств. Наконец, стали попадаться пластины, видимые невооруженным глазом и даже величиной с булавочную головку и больше. Это было золото, настоящее золото, причем в нескольких шлиховых пробах.

Отобранные и взвешенные фракции всевозможных минералов каждого шлиха Анастосия Алексеевна ссыпала в отдельные миниатюрные кулечки с драгоценными золотинами, зная как все отрабатывается.

- Мама! Какую песню ты поешь? – спросил Шурик, обращаясь к матери. Анастосия Алексеевна несколько смутилась. Она только заметила, что действительно поет, но какую же именно песню? – сообразила не сразу. Прислушавшись к себе, она поняла, что это просто набор слов из разных песен, и тут же громко запела любимую, а Шурик помог ей своим детским голосом:

... кто ищет,
                                тот всегда
                                найдет!

Аккуратно уложив в ящичек пакетики изученных шлихов, Анастосия Алексеевна посмотрела на часы и убедилась, что уже первый час, и тут же направилась с Шуриком в столовую, где их уже ожидал повар. Он подавал на стол вкусную русскую окрошку, обильно заправленную небогатым набором зелени. Фу – Ми – Цо заметил приподнятое веселое настроение Анны Алексеевны, но промолчал. Окрошка была холодной, даже ледяной. Квас, как и все скоропортящиеся продукты, хранился в прекрасном естественном холодильнике – в небольшом гроте, в вечно – мерзлом грунте. В этом гроте, температура воздуха не поднималась выше двух – шести градусов, и поэтому любые продукты продолжительное время сохранялись без признаков порчи.

Кампания обедающих была невелика. Она состояла лишь из пяти человек: Анны Алексеевны, Шурика, завхоза Абрамова, конюха Сампела и повара Фу - Ми – Цо. Остальные члены экспедиции находились на геологических маршрутах и на горных работах и возвращались в лагерь только к вечеру. Разговоров за обедом было мало, но приподнятое настроение единственной женщины сказалось на всех положительно. Обед завершился холодным компотом, во время которого повар высказал несколько шуточных присказок, которые вызвали у всех веселый смех.

Возвращаясь в лабораторию, Анастосия Алексеевна воспроизводила в памяти наказ Михаила Ивановича, оставленный утром, но так всего и не вспомнила, пока не прочитала своих записей в памятной книжке. Из всего наказа оставались не просмотренными только шлихи из безымянного лога. К работе над ними она тут

же и приступила. Фракция тяжелых минералов в этих шлихах оказалась особенно большой. Остроугольные черные и темно-бурые зерна, величиною от мельчайших песчинок до горошины, составляли большие весовые количества.

- Вольфрамит и касситерит! - даже не используя оптического прибора, определила Анна Алексеевна. Биноклярная же лупа подтвердила данное невооруженным глазом определение. Оставалось только закрепить это определение капельно-химическим способом. В правоте своих определений она уже не сомневалась, но для большей убедительности выполнила и капельно-химические реакции. Для этого взяла небольшую цинковую пластинку, положила на нее несколько анализируемых зерен темно-бурого минерала и капнула раствором соляной кислоты. Кислота запузырилась, зашипела, а зернышки минералов из темно-бурых превратились в оловянно - металлические, они покрылись пленкой олова восстановившегося касситерита. Затем Анастосия Алексеевна растерла несколько зерен черного минерала в порошок, всыпала его в пробирку, влила туда же соляной кислоты и бросила несколько крупинок металлического олова. При подогревании на пламени спиртовки содержимое пробирки закипело и окрасилось в синий цвет.

Обе реакции удались хорошо. Первая подтвердила, что темно-бурые зерна шлиха являются касситеритом²³. Вторая же является характерной реакцией для вольфрамовой кислоты. Таким образом, у Анны Алексеевны уже не оставалось никаких сомнений и в отношении черного минерала, что это вольфрамит²⁴!

- Ура! - на радостях вскричала она и, выбежав из юрты, схватила на руки опешившего Шурика, подбросила его высоко, подхватила и вихрем закружилась на ровной площадке у реки.

Послеобеденное время у Анны Алексеевны пролетело молниеносно. Не успела она выпустить из рук брыкающегося и разыгравшегося Шурика, как из-за ближайшей горки показались два всадника - Володя и Олег, а затем возвратились Дашан, Николай, Михаил Иванович и рабочие.

Анастосия Алексеевна не хотела было сразу выкладывать всех новостей, хотела помедлить, но Михаил Иванович с первого взгляда понял, что жена имеет какой то сюрприз.

- Что-то есть новое?! Так ли, дорогая!?- обратился к ней Михаил Иванович.

Анастосия Алексеевна не вытерпела и, как только муж зашел в юрту, тут же его расцеловала.

²³ Касситерит – руда олова

²⁴ Вольфрамит - вольфрамовая руда

- Да! Дорогой Мишенька, новость! Да какая радостная! - тут же, схватив Михаила Ивановича за руку, бегом повлекла его в лабораторию, в которой на столе в развернутых белых кульках красовались приготовленные «сюрпризы».

В лабораторию сбежались все геологи и рабочие, преподнесенные Анной Алексеевной сюрпризы вызвали радостную улыбку на лице каждого. Это были плоды их общей работы, кропотливых исканий. И мог ли кто-либо оставаться безучастным?

Прибежали даже повар Фу – Ми - Цо и конюх Сампел. На них особенное впечатление произвели пластинки блестящего золота, а геологи большее внимание уделяли касситериту и вольфрамиту, так как для промышленности Монгольской республики значительную ценность представляли именно они.

За ужином в этот вечер сидели в столовой при более ярком свете электрических лампочек, играла музыка. Михаил Иванович всех поздравил с трудовой победой. По случаю, начальник экспедиции разрешил завхозу Абрамову выдать всем «наркомовские» 100 грамм. Ужин протекал в оживленных разговорах, шутках и затянулся до поздней ночи. После ужина до поздней ночи все лепили традиционные сибирские пельмени и слушали на заказ небольшой выбор пластинок по радиотрансляции. Все разошлись на ночлег, но и многие долго не могли уснуть. Как ни странно, хмель никто даже не почувствовал.

Победа поиска в безымянном логу.

В это утро в лагере наступило оживление раньше обычного. Когда радиотрансляция дала сигнал подъема, все уже были на ногах. Михаил Иванович работал над картами и еще раз просматривал драгоценные шлихи, определял их местоположение, изучал по имеющимся данным геоморфологическую и геологическую ситуацию, намечал маршруты и методы дальнейших поисков рудных залежей.

В этот день все внимание было уделено безымянному логу. Геологи и рабочие направились туда верхом на лошадях, Анастосия Алексеевна ехала на своей уже хорошо обьезженной «пегухе». Ей было особенно приятно и весело вырваться из лаборатории на просторы природы.

Безымянный лог находился в десяти километрах от лагеря. По утренней прохладе кони быстро преодолели это расстояние.

Геологи Дашан, Олег и Володя отправились в пешие маршруты по боковым склонам лога. Рабочие приступили к закладке мелких «закопушек»²⁵, к отбору небольших шлиховых проб из рыхлых накоплений горных пород. «Закопушки» делали в местах, указанных Михаилом Ивановичам. Эти места он точками отмечал на схеме, вычерченной на большом листе ватманской бумаги. Пробы, отбираемые из «закопушек», нумеровал и тут же на вьюках отправлял для промывки к речке, протекающей не более как в одном километре.

У речки также кипела работа. Семен, ловко орудуя старательским ложком, быстро промывал пробу за пробой. Николай на угольках костра в жестяных кружках подсушивал шлихи. Анастосия Алексеевна отдувала из шляхов песок, приближенно определяла наличие и количество в них касситерита и вольфрамита. Ведомости с результатами грубых определений немедленно доставлялись Михаилу Ивановичу. Он, получая их, переносил двухцветным карандашом на схему все данные. Синие точки на схеме обозначали отсутствие касситерита и вольфрамита, а красные наличие их.

Вначале на схеме оказалось много синих точек, они непрерывно тянулись и по правому и по левому склонам лога. Наконец, после долгих исканий, на правом склоне появилась красная точка, на левом же по – прежнему непрерывно про-

²⁵ Закопушка – ямообразная горная выработка, которая служит для вскрытия коренных пород, залегающих непосредственно под растительным слоем, почвой и рыхлыми наносами мощн. до 0,5 м. Широко практикуют на всех этапах поиско - геологоразведочных работ, а также для взятия шлиховых проб.

должали накапливаться синие. Последующие пробы позволили на правом склоне увеличить число красных точек, и еще, и еще, а затем вокруг них Михаил Иванович стал ставить кружочки, потом и два кружочка, что обозначало много и очень много касситерита и вольфрамита.

Цепочки красных точек внезапно оборвалась, К верховье лога пробы оказалась пустыми - не содержащими ни касситерита, ни вольфрамита.

Таким образом, стало вполне ясным, что коренной источник вольфрамо - касситеритовой россыпи находится где - то на правом водоразделе безымянного лога.

Михаил Иванович вызвал к себе Дашана, Олега и Володю, показал им свою схему и указал направление, где следует ожидать обнаружение рудных тел в коренном залегании. В указанном направлении они и двинулись.

Склон водораздела был пологим, ни кустарника, ни леса на нем не было. Росла лишь луговая трава, среди которой серели небольшие глыбы и коренные выходы метаморфических сланцев. На них изредка обнаруживались мелкие кусочки белого кварца. Каждый обнаруженный кусочек кварца поисковики поднимали, разбивали молотком, рассматривали под лупой, но ничего хорошего обнаружить им не удавалось. Наконец, Олег поднял кусочек кварца с крошечным кристалликом черного вольфрамита. Затем был поднят кусочек серого гранита, обильно насыщенным чешуйками белой слюды и кварцем. Эти находки ободрили геологов - поисковиков.

Красные же точки и кружочки шлиховых проб на схеме Михаила Ивановича образовывали треугольник, основание которого совпадало с частью тальвега безымянной балки, а не вырисовавшаяся вершина была обращена к участку, который яростно штурмовали геологи.

Как видим, наши искатели уже были близки к цели, это их ободряло, но сумерки вынудили прервать работу на самом интересном месте и возвратиться в лагерь на отдых.

Ехали не спеша. В каждом чувствовалась не полная удовлетворенность, вызванная вынужденным переносом поисков, затягивавшим выявление рудного тела и определение его ценности. Разговоры были сосредоточены вокруг одного вопроса. Каждый высказывал свои предположения о местоположении рудного тела, его характере, размерах и необходимом времени для обнаружения.

Большинство считало, что на выявление рудного участка потребуется не более одного дня, для выяснения же промышленной ценности потребуется весьма продолжительный срок. Но для последнего положения были найдены облегчаю-

щие обстоятельства. Во – первых, от экспедиции, выполняющую геологическую съемку, требовалось лишь краткое описание выявленных рудопроявлений и сугубо предварительная оценка, что в незаселенной местности, при хорошей обнаженности горных пород и небольших наносах рыхлых отложений нашли возможным выполнить достаточно быстро.

На этом разговор прервался. Дашан, Олег и Володя прищипорили коней, с гиканьем и веселым молодым задором помчались к костру, пылающему в вечерних сумерках лагеря экспедиции. Вслед же ними последовали и остальные.

Следующий день принес полный успех, была выявлена рудная залежь. Оказалась, что на обнаженном склоне водораздела, в обширном поле метаморфических сланцев залегает массив серых биотитовых гранитов, пересеченный серией мелких кварцевых прожилков. На пологой ровной площадке гранитов, очищенной ветром от продуктов разрушения, извивающиеся, разветвляющиеся и вновь соединяющиеся квадратные прожилки тянулись бледно - синими лентами. Черные и темно - бурые кристаллики вольфрамита и касситерита в них выделялись причудливыми рисунками. Обесцвеченные чешуйки слюды в гранитах, радужно играя в лучах солнца, напоминали снежинки, и казалось, они вот-вот растают и бесследно исчезнут. Сланцы, возле гранитов, были уплотненными, как бы обожженными. Кварцевые прожилки в них местами продолжали прослеживаться, но чаще теряли свои контуры и прерывались.

Еще несколько дней упорного труда на месторождении позволили обогатить материалы графикой, описаниями, пробами и хорошими образцами руды. Для более глубокого изучения месторождения экспедиция не располагала временем, и вынуждена была перераспределить силы и перебросить людей на продолжение маршрутов.

Индивидуальный высокогорный маршрут.

Для дальнейших поисков и исследований остались участки, значительно удаленные от лагеря, расположенные в высокогорной области и покрытые труднопроходимыми лесами. От геологов требовалось большое напряжение, выносливость и много времени.

В маршруты стали выезжать на два - пять дней в сопровождении одного, иногда двух рабочих, с запасами продовольствия. Михаилу Ивановичу в напарники приглянулся Сампел. В нем сочеталось трудолюбие, заботливость и неутомимость.

Важно было и то, что он отлично знал, даже чувствовал местность, хорошо ориентировался в лесу, знал повадки местных зверей, прекрасно стерег коней при ночлеге. На привалах умело и быстро укладывал вещи, хорошо выбирал места для стоянок и неплохо готовил пищу. К тому же, Сампел свободно говорил на русском языке, быстро общался со всеми встречными людьми - монголами и китайцами.

Эти качества Сампела Михаил Иванович заметил с первых же дней. В однодневных и, наконец, длительных маршрутах с Михаилом Ивановичем он окончательно закрепил свою репутацию и стал неразлучным спутником. И недаром, однажды встретившись с председателем аратского объединения, Михаил Иванович высказал слова благодарности за направление в экспедицию такого драгоценного человека, как Сампел.

- Товарищ! – пожимая руку Михаила Ивановича, в свою очередь благодарил председатель, - ведь Вы делаете важное дело для нас! И как же я не помогу Вам всем возможным, чем могу, и самым лучшим?

- На днях мы должны пройти по этим горам, - указывая на горные вершины, достигающие трех тысяч пятисот метров, беседовал Михаил Иванович с председателем аратского объединения, - и в этих маршрутах Сампел будет сопровождать меня. И все тяжести и невзгоды нам придется перенести с ним вместе.

Многодневный маршрут состоялся вскоре. К нему Михаил Иванович и Сампел начали готовиться с вечера, а утром с рассветом четыре коня уже были готовы к выходу. К седлам двух из них были аккуратно, а главное надежно навьючены палатки, инструмент, постель и провизия, а на двух других уселись Михаил Иванович и Сампел.

Конь Михаила Ивановича крупно зашагал первым, за ним тронулись кони со вьюками и, наконец, замыкающим последовал Сампел. Он, сидя в седле, самодовольно улыбнулся, снял полинявшую фетровую шляпу, кивнул смолено - черной

головой повару Фу – Ми - Цо - и крикнул:

- Байрте!

- Баирла! – ответил ему, раскланиваясь Фу – Ми – Цо.

За небольшим караваном Михаила Ивановича на траве, обильно покрытой серебристыми каплями утренней росы, осталась густо-зеленая извилистая полоса. Она тянулась от лагеря вглубь соседней долины, пролегая возле каменных утесов берегового склона. Около обнажения горных пород Михаил Иванович останавливал коня, слезал, отбирал образцы, просматривал их под карманной лупой. С помощью горного компаса и каких-то сложных приборов выполняя ряд замеров. Точку отмечал на карте, делал длинные записи в полевой книжке. Отколотые образцы помещал в белые нумерованные мешочки, укладывал их в рюкзак и продолжал дальнейшее движение.

Сампел в этих случаях был предусмотрительным, помогал разбивать камни, и давал их на просмотр Михаилу Ивановичу. Одним словом, он принимал деятельное участие в работе на маршруте и не просто помогал, а, можно сказать, вникал в работу с большим желанием.

Так продолжалось и повторялось на протяжении всех дней на маршруте. Кони привыкали к своим обязанностям и уже сами взбирались к ближайшему обнажению горных пород, оставаясь около него, выжидали, когда слезет седок.

«Караван», петляя по склону, забирался все выше и выше и, наконец, оказался на водораздельном гребне, который был покрыт лишь луговой растительностью. Стали попадаться одинокие лиственницы, группы осин, березовые рощи, кустарник. Луга напоминали беспредельно большой зеленый ковер, украшенный множеством разнообразных многокрасочных цветов с опьяняющим комплексным ароматом, в котором трудно было уловить тонкости какого – либо одного запаха. Лишь на солнцепеке, возле береговых рощ, преобладал сладкий, вызывающий аппетит запах земляники, краснеющей точками среди зеленых лапчатых листьев. Местами ее было так много, что, казалось, ее кто-то рассыпал; но стоило только наклониться и присмотреться, то становилось ясным: каждая ягодка находилась на тонкой плодоножке, своей тяжестью изгибала ее и грузно свисала над самой землей.

Время бежало неудержимо быстро.

В тяжелой, но интересной работе в сказочно-красивом уголке природы время бежало неудержимо быстро. Уже перевалило за двенадцать. Уставшим людям и животным необходим был хотя бы непродолжительный отдых.

- Здесь есть хорошая вода, - объявил Сампел, показывая рукоятью геологического молотка в сторону зеленой рощи.

- В таком случае, обеденный перерыв! – объявил Михаил Иванович.

Сампел моментально расседлал коней и поставил на пригорке, под сенью растущих деревьев, где их обдувало ветром.

Михаил Иванович, занятый описанием очередного обнажения горных пород, не заметил, как Сампел разжег костер, на горячих углях поджарил пару увесистых порций шашлыка и вскипятил чайник прозрачной ключевой воды.

- Кушать надо, начальник! - крикнул Сампел.

- Хорошо! Сию минуту, - ответил Михаил Иванович, но задержался. Он набрал почти полную шляпу душистой земляники и только тогда подошел к месту привала.

Березовая роща, ледяно– холодная вода, горячий шашлык из свежей баранины и чай с душистой земляничкой- чего прелестней можно было желать для людей, утомленных работой и палящим зноем летнего дня? Все это было в их распоряжении.

- Фу - фр! - фыркали Михаил Иванович и Сампел, обливаясь ключевой водой, а после этого принялись за шашлыки и горячий чай.

Ни Михаил Иванович, ни Сампел не страдали отсутствием аппетита. Все приготовленное они съели с удовольствием. Оставшиеся тридцать минут они решили использовать в отдыхе, но заметили диких коз, приближающихся к роднику. Их было пять: два рослых самца, самка и два малых детеныша. Самец с большими ветвистыми рогами то и дело вращал головой на длинной шее, озирался по сторонам, осторожно выкидывал вперед стройные длинные ноги. За ним следовал, по-видимому, сын (большой молодой олень годовичного возраста). На его голове небольшие рожки имели лишь одно ответвление. Он приучался к обязанностям вожака и усердно озирался по сторонам. Людей и коней они не замечали - их скрывала высокая трава и кустарник. К тому же ветерок был попутный и удалял от них запахи в противоположную сторону, т.е. люди находились с подветренной стороны. К тому же, козы, вероятно, никогда не были напуганы человеком, запахи людей и коней их не смущали. Для них были, по – видимому, страшны хищники:

волки, лисы, рыси, от которых они бдительно охраняли детенышей.

Два игривых козленка, подскакивая на длинных тонких ножках, непослушно следовали за самцами. Они то и дело игриво стучались безрогими лбами. Беспокойная мать, шагавшая позади, суетливо забегала в стороны от тропы за шаловливыми козлятами. Семейство коз приблизилось к наблюдателям так, что можно было рассмотреть все их детали. Тут Михаил Иванович попытался заснять коз на фотопленку, но для этого следовало действовать бесшумно и незаметно. Это ему, пожалуй, и удалось бы сделать, но высокая трава заслоняла объектив фотоаппарата. Он вынужден был приподняться. При этом сухая ветка, попавшая под его колено, громко хрустнула. Козы встrepенулись, и тут же удалялись в обратном направлении, показывая то длинные рыжие спины, то белые, как салфетки, зады.

На этом обеденный привал закончился. Условия маршрута резко изменились, позади осталась область гор, покрытая лугами, где с отдельных вершин хорошо обозревалась местность и просматривались дали. Отряд оказался в безлюдной труднопроходимой тайге, в которой при дуновении ветра слышны были только скрип высоких многовековых лиственниц и неугомонный шелест осиновых и березовых листьев. Толстенные полусгнившие колодины, вывороты корней деревьев и густые поросли молодняка стали серьезнейшими препятствиями в продвижении, в обозрении и ориентировке. В таком рельефе трудно стало увидеть обнажения горных пород, а обнаруженные часто оказывались недоступными из-за больших нагромождений каменных глыб, составлявших местами почти непреодолимые участки. Иногда каменные россыпи занимали целые поля, состоящие из крупных глыб гранитов, роговиков и других горных пород. На преодоление препятствий затрачивалось непроизводительно много времени. У людей, как и у лошадей, выматывались силы. Кони, вспотевшие, усталые, с пораненными ногами в изнеможении вставали, отказываясь двигаться дальше.

И что удивительно, по этим же каменистым россыпям шустро и молниеносно, быстрее, чем по степной глади, бегали серые кабарошки. Они то тут, то там то неожиданно появлялись, то бесследно исчезали меж глыб, как невидимки. Для людей и коней эти россыпи были препятствиями, а для кабарошек - излюбленным местечком.

Вот уже солнце приближалось к закату, а отряд Михаила Ивановича, преодолевая одно из очередных препятствий, никак не мог его осилить. Вдруг один конь со вьюком оступился и глубоко увяз задними ногами меж корнями деревьев и огромными каменными глыбами. Пришлось срочно сбрасывать вьюки и выручать животное. Ноги его оказались изрядно поцарапанными и травмированными. Конь,

приседая на левую заднюю ногу, едва стоял на месте.

Наконец, россыпь закончилась и среди густых лесных зарослей предстала зеленая поляна. На ней тотчас выросла палатка и ярко запылал костер.

Кони, освобожденные от тяжелого груза, стали валяться и жевать сочную траву. Густое облако белого дыма от дымокуров, разложенных Сампелом, отгоняло назойливый гнус.

Михаил Иванович закончил последние строчки записей, вложил все принадлежности в полевую сумку и, вымыв руки холодной водой, принялся за ужин.

Волшебная природа.

Короткая летняя ночь пролетела незаметно- и отряд снова в пути. Пострадавшая лошадь слегка прихрамывала, поэтому несла небольшой груз.

Лиственный лес сменился сосновым. Кустарника почти не стало, и продвижение значительно облегчалось.

Да и воздух оказался менее теплым, более насыщенным скипидаром- дышалось легче. Лес казался оживленнее: по сучьям сосен скакали белки. Они грызли шишки, разбрасывая по сторонам шелуху, над вершинами деревьев то и дело летали серые птицы. Видимость также значительно улучшилась, между серых и желтых стволов сосен просматривалось пространство до пятидесяти и даже сотен метров. На этих расстояниях, из поля зрения уже не ускользали обнажения горных пород и глыбы. Количество точек для наблюдений увеличилось, облегчилось составление необходимого комплекса карт, улучшилось и возможности для поисков полезных ископаемых.

Но вот погода начала изменяться, небо постепенно заволакивало тучами, воздух становился каким-то спертым, дышать стало тяжелее. Полосатые бурундуки тихо свистели.

- Скоро будет дождь, сказал Сампел. Однако палатку надо ставить!

- Не стоит беспокоиться, - ответил Михаил Иванович, проявляя больше заботы о работе, чем о себе. Но грозные тучи неумолимо надвигались. Подул прохладный ветерок и стали падать первые крупные капли дождя. Отряд приблизился к большому скальному остатку гранитов. Его плоская вершина соединялась с гребнем водораздела и выпирала к склону, образуя большой плоский козырек. Под ним свободно разместились и кони, и люди. Струи хлынувшего дождя падали далеко от козырька.

До конца дня оставалось еще много времени, а дождь обещал быть затяжным. Черные тучи заволокли небо со всех сторон до самого горизонта и никаких проблесков на прояснение не намечалось. Пришлось развьючить и расседлать лошадей, но корма вблизи было мало. Всюду росли сосны и кедры, под ними лежал толстый слой старой хвои. Лишь возле скального обнажения гранита на небольших участках зеленел высокий пырей.

Михаил Иванович, по обыкновению, не теряя времени, стал заносить записи в книжку. Неожиданно с пятнадцатиметровой высоты козырька что - то рухнуло. И кони, и люди вздрогнули и устремили удивленные взоры в сторону упавшего предмета. Снов рухнуло, затем что - то еще и еще. Каждый упавший предмет почти

на метр подпрыгивал от земли, становился на ноги и тут же скрывался в гуще леса. Только в последнем Сампел и Михаил Иванович опознали огромного барана. У него на голове красовались необыкновенно большие, скрученные в спираль, рога.

- Архары! - воскликнул Сампел и тут же взялся за мелкокалиберную винтовку. Ждать пришлось недолго. С того же козырька один за другим грузно упали еще четыре силуэта и с диким воплем стали кататься на траве.

Раздалось несколько выстрелов, которыми были прикончены четыре матерых серых волка. Только они в такую непогоду могли заставить архаров подняться из своего теплого логова.

- Архары здесь,- разъяснил Сампел, - редкие животные, охотиться на них запрещено. Браконьерство преследуется законом.

Когда-то архары водились в больших количествах и паслись стадами. Истребляли их и люди, и хищники. У архаров очень вкусное мясо и теплый мех. От хищников они спасаются бегством и прыжками с отвесных скал. Прыгая, ударяясь о землю огромными пружинящими рогами и становятся на ноги, хищники в яростной погоне падают с обрыва и разбиваются. Так получилось и в этот раз.

- Я знал, - продолжал Сампел, - что со скалы упадут хищники, и чтобы добить их, запасся винтовкой. Как видите, не ошибся.

Ливень продолжался. Бушевал ветер. С козырька скалы большими струями стекала вода. Качаясь, шумели вековые сосны и кедрачи.

Продолжать маршрут было невозможно, пришлось переждать непогоду и обосноваться на ночлег.

Сампел набрал изрядный запас сухих смоляных сосновых сучьев и разжег небольшой костер. Ведро, подставленное под струю воды, стекающую с козырька скалы, вскоре наполнилось. Создались все возможности для приготовления горячей пищи и чая, кушать было еще рановато. Сампел принялся за снятие шкур с подбитых хищников. Трёх волков он нашел на месте, а четвертого не оказалось. Волк, видимо еще был в силах отползти в сторону и скрылся в чаще леса.

Шкуры с серым мехом, умелыми руками Сампела, вскоре были отделаны от от вонючих жирных туш.

Кони, чуя запах хищников, топтались на месте, храпели и все время озирались. Они успокоились лишь, когда Сампел затащил волчьи туши далеко в гущу леса, а шкуры, натянутые на рогатины, запрятал в соседнюю нишу.

К сумеркам дождь и ветер стали затихать и, наконец, прекратились совершенно. Установилось полное безветрие, а небо по-прежнему осталось затянутым черными тучами. Ночью забрызгал мелкий ситный дождь.

Коней Сампел отпустил на имевшиеся около скалы участки пырея, а сам, как и Михаил Иванович, улегся в спальный мешок. Спать спокойно ему **не** пришлось, - беспокоили кони. Они из-за бескормицы могли покинуть становище и затеряться в лесу, но видимо, волчий запах запугивал их. Ощипав поблизости участки травы, кони забрались под козырек и простояли так до утра.

Бесконечная работа.

Ранее утро была таким же мокрым, как ночь, но дождь вскоре прекратился. С гор потянул ветерок, и в черном небе начали появляться просветы. Двигаться дальше было еще невозможно, и все же отряд стал, не спеша, собираться; когда тронулись в путь, деревья уже просохли. Травы и кустарника в хвойном лесу почти не было и, таким образом, под ногами чувствовалась только сырость, сохранившаяся в старой хвое, покрывающей землю.

Однажды отряд почти вплотную приблизился к сходу кабанов, пасущихся под кедрочами и, может быть, подошел бы еще ближе, если бы Сампел не свистнул. Видимо, он заранее наметил себе объект- и выстрелил в поросенка.

Мелкокалиберная пуля угодила животному в висок и он упал, не испустив ни малейшего звука. Поросенка выпотрошили, тут же приторочили тушку к седлу.

- Почему ты свистнул, Сампел, и только потом выстрелил? - спросил Михаил Иванович.

- Стрелять по кабанам при такой вооруженности нельзя! Они могут расшвирипеть и наброситься, - ответил Сампел. А когда их спугнешь- если и выстрелишь, то уже не возвратятся, а будут убегать еще быстрее.

И действительно, в распоряжении геологов была лишь одна мелкокалиберная винтовка, против стада кабанов с нею, конечно, не устоять. Разъяренные кабаны, по словам Сампела, способны растерзать и людей и лошадей.

Кедровый лес продолжался на протяжении многих километров и едва ли когда-либо сюда доходил человек для сбора орехов. На деревьях, наряду с множеством созревших новых шишек, местами еще продолжали держаться старые, почерневшие. Поверхность земли была усыпана ими всюду, но большинство были вылущены белками, бурундуками и кабанями.

В редколесье наблюдались зеленые участки брусничника, на которых уже красовались ягодки величиной с горошину. Их было так много, что трудно было определить, что преобладало- листья или ягоды, они мелькали то тут, то там. Возможно, это те же кедровки, которые, наряду с белками и бурундуками, ловко и шумно расправлялись и с кедровыми шишками.

Небольшие обнажения горных пород в кедровом лесу наблюдались часто, но они были прикрыты слоем кедровой хвои, и все же Михаил Иванович простукивал почти каждый обнаруженный камень, время от времени останавливался и делал записи в книжке.

Только во второй половине дня дремучий высокорослый кедроч постепенно

сменился густым труднопроходимым молодняком.

- Скоро лес закончится, - заметил Сампел.

И действительно, минут через тридцать трудного изнурительного пути по чаще молодого колючего кедрача, отряд оказался на окраине леса. Перед ним, высоко вздымаясь, стояли угрюмые, но величавые безлесные скалистые горные вершины, цепочкой вытянувшиеся с юго-запада на северо-восток.

Отряд направлялся на одну не ближайших горных вершин. Ее склон был не крутым, - не более тридцати градусов, - но и по прямой линии подниматься было невозможно. Подъем совершался по ломаной зигзагообразной линии. Чувствовалась и высота, которая уже составляла больше трех тысяч метров над уровнем моря. Воздух был разреженным, дышалось нелегко. Сампел периодически останавливал коней для того, чтобы набраться сил, успокоить сердцебиение и уравновесить дыхание, а затем вновь продолжать подъем на вершину.

Михаил Иванович оторвался от отряда. Он совершал подъем пешим ходом, производя наблюдения на обнажениях горных пород.

Но вот и вершина, с которой просматривались глубокие дали. К юго-востоку бесконечно далеко простирались гористые и всхолмленные степи. В них не было видно ни одного населенного пункта, они скрывались за горами и холмами. В ближайших же широких долинах видны были юрты аратских скотоводческих хозяйств. Вокруг них большими стадами разгуливал скот, на большом расстоянии казавшийся небольшими точками. Белые юрты были неподвижными, а разноцветные точки скота передвигались как букашки.

К северо-западу простиралась обширная горная область, большая часть которой была покрыта зелеными лесами.

Здесь, на сплошном зеленом фоне, причудливо выделяясь, красовались оголенные горные вершины, скалы и утесы, состоящие из разноцветных горных пород. В этом горнолесном царстве нельзя было высмотреть ни населенных пунктов, ни животных, ни людей, не просматривались даже реки, протекающие по многочисленным долинам. Все скрывалось в лесах и в каньонах.

Горная высота, на которой находился отряд, состояла из крепкого серого песчано-глинистого метаморфического сланца, в котором тонкими полосками белели прожилки кварца. По трещинам и в пустотах бриллиантами переливались изумительно красивые крошечные кристаллики прозрачного горного хрусталя и кальцита.

-Что это такое? - обратился Сампел к Михаил Ивановичу, подавая кусок сланца, на плоскости которого щеткой торчали мельчайше призматические кри-

сталлики. Пирамидальные водянисто-прозрачные вершины их радужно переливались в солнечных лучах.

–Это горный хрусталь, - ответил Михаил Иванович. Большие прозрачные кристаллы горного хрусталя весьма ценны. Они используются в радиотехнике, электротехнике. Мелкие же, что мы видим в данном образце, пока никакой ценности не представляют, так как нигде в народном хозяйстве не используются. А вот месторождения крупных кристаллов горного хрусталя следует искать.

Закончив объяснение, Михаил Иванович углубился в рассмотрение топографической карты, а затем, подозвав Сампела, указал на местности маршрут, по которому отряд должен двигаться дальше.

Михаил Иванович поехал на коне, взбираясь на каждую высоту водораздельного хребта, а Сампел, выполняя полученные указания, последовал более легким путем.

На склонах гор почвенный покров изобиловал множеством мелкой сланцевой щебенки, которая не благоприятствовала развитию растительности. Склоны были покрыты очень редким травяным покровом, зато в седловинах, и особенно в многочисленных логах, трава была высокая, сочная, и росла густо. В этих благодатных кормовых угодьях, то большими группами, то семейками паслись длинноногие рыжие горные козы. Рогатые самцы стояли на страже, остальные пощипывали сочную траву или же спокойно отдыхали. Солнце их пригревало, а прохладный ветер освежал и отгонял назойливых мух. Как ни странно, мухи водятся и на этих высотах.

Встреча путников в глухих безлюдных местах.

В логу, которым начинается большая речная долина, Сампел пересек торную горную тропу; она поднималась к седловине, расположенной между двух больших горных высот и, минуя ее, продолжалась на противоположной стороне. Ему тропа была хорошо известна. В летние дни немало людей проезжали здесь. И на этот раз по тропе, в сторону реки Орхона, следовали два всадника. Поравнявшись с Сампелом, они одновременно приветливо воскликнули:

- Цайн байну?

- Цайн! Цайн байна? - ответил Сампел.

Затем всадники спешили, поздоровались, пожимая широкие ладони рук и дружно помогли Сампелу развьючить и расседлать коней.

Приятна и многоречива встреча путников в глухих безлюдных местах. В этих случаях совершенно незнакомый человек становится близким, дорогим.

Много ли или мало побеседовали новые друзья, но к приходу Михаила Ивановича они раздобыли и воды, и дров, развели костер и приступили к приготовлению ужина. Встретившиеся путники приняли приглашение Сампела отвезти свежего кабаньего мяса и заночевать вместе с ними на этом месте.

Михаил Иванович с радостью воспринял весть об увеличении численности компании и порекомендовал Сампелу приготовить из кабанятины шашлык, а не варить ее, так как мясо здесь едва ли сварится: большая высота, вода будет кипеть при температуре значительно ниже ста градусов. И действительно, когда Михаил Иванович погрузил походный термометр в котелок кипящего чая, то он показал всего около девяноста градусов.

Шашлык из кабаньего мяса с черемшой и диким чесноком оказался превосходным. К нему присоединились монголы, поставили две бутылки крепкого архи своего производства. Шумные разговоры за ужином затянулись до поздней ночи. Монголы рассказали Михаилу Ивановичу о многих красивых скалах, о камнях, о чудесных долинах и целебных источниках минеральных вод.

В разговорах выяснилось, что они едут в долину Змей (к долину Могой-ама) на горячие целебные источники минеральных вод для лечения больных суставов. По их словам, эти воды чудодейственные, после принятия ванн в течение одного месяца люди излечиваются от многих недугов.

Михаил Иванович намеревался по своему маршруту посетить эту долину, но двигаться к ней хотел не по дороге, проложенной к источникам от устья долины, а наметил спуститься с хребта по нехоженным и неизведанным местам.

Монголы , узнав маршрут Михаила Ивановича, посоветовали в верховьях Долины Змей найти большой камень – шаман - скалу, в которой есть свинец, залегающий жилой.

Сампел подтвердил, что этот камень знает, но свинца в нем не видел. Это указание Михаил Иванович занес в записную книжку и решил обязательно посетить скалу.

Прощаясь с монголами, едущими в долину Змей, Михаил Иванович вручил им небольшую записку. Попросил заехать в лагерь экспедиции, передать ее находящейся там женщине - Анна Алексеевне.

«Дорогая Аня! – писал он, - как видишь, и в глухой тайге Монголии тоже работает почта. Податели настоящей записки повстречались с нами на перевале хребта, на высоте свыше трех тысяч метров над уровнем моря. Они едут в Долину Змей на горячие минеральные источники, которые мы также хотим посетить в ближайшие дни. Эти добросердечные люди составили нам приятную компанию за ужином и в ночлеге. Как видишь, мы живы и здоровы.

Прошу, определили минерал в пересылаемом образце, он обведен синим карандашом. Мне кажется, что это шеелит?!

С приветом! Поцелуй за меня Шурика. Миша – папа.»

В долину Змей.

Переход по хребту и по его отрогам длился несколько суток. За этот период было пройдено много километров, обследована большая площадь и получены многочисленные интересные новые данные по геологии, минералогии. Наконец, намеченный ценный маршрут стал подходить к концу, да и запасы продуктов были на исходе. Количество образцов горных пород так возросло, что чувствовалась крайняя необходимость в облегчения вьюков, перевозимых на спинах весьма заметно подуставших коней.

- Коней нужно менять! - то и дело стал твердить Сампел, - Ноги худо, спина худо ....

И действительно, у коней были сильно потертые спины, поранены ноги, подносились копыта. К тому же они похудели и несомненно нуждались и длительном отдыхе, но маршрут еще не был закончен, оставалось не менее двух-трех дней пути и упорной работы.

Михаил Иванович сориентировался по карте и отдал распоряжение на спуск в Долину Змей. Отряд из просторов безлесных горных вершин вклинился в кедровую тайгу, которая вначале изобиловала приземистым низкорослым труднопроходимым молодняком, а затем сменилась рослыми, вековыми ширококронными деревьями. На земле лежал толстый слой хвои и мха, в котором ноги коней утопали, порой до колен. Нередко путь преграждали огромные полусгнившие валежины, подернутые мхом. Их приходилось обходить, то и дело петляя по звериным тропам. Иногда спуск становился крутым и весьма трудным, особенно для нагруженных коней. Нередко кони буквально съезжали по крутым склонам, заросшим мхом, глубоко бороздя землю копытами.

При столь шумном и хлопотливом спуске были спугнуты несколько табунов кабанов, пасшихся на кедровых орехах, поднята небоязливая семейка спесивых лосей и много кабарошек. Густая тайга все продолжалась и продолжалась, казалось, она бесконечна и непреодолима. Но вот, наконец, в густых зарослях кедрача и лиственниц показался проблеск. Это была циркообразная полянка, которая своей плоскостью была обращена к западу. Предзакатные лучи солнца освещали её, а пышный, зеленый ковер пырея был очень кстати для изнуренных животных. Тут же был и водопой- блестящая струя ручейка, берущего начало от таяния вечной мерзлоты, монотонно бежала меж камней.

Здесь отряд расположился на ночлег.

Сидя у костра, Сампел наполнил Михаилу Ивановичу:

-Теперь, однако, близко шаман - скала!

Он указал рукою влево на мысообразный выступ, который еще можно было различить в вечерних сумерках, но саму шаман-скалу рассмотреть было уже невозможно.

К источникам минеральных вод.

На следующее день отряд вышел на широкую тропу, на ней были видны бесчисленные следы конских копыт. Направившись по этой тропе, не более чем через час геологи оказались у высоченной скалы. Вековые лиственницы перед ней казались малышами. Серая острая макушка пиковидной башней возвышалась над всей тайгой и одиноко маячила, как минарет мусульманской мечети.

Скала состояла из серого весьма плотного крепкого гранит – порфира и представляла собой монолитный мелкокристаллический агрегат серого кварца и розовато-серых мелких кристалликов полевых шпатов. Темноцветные минералы в породе присутствовали в незначительных количествах, - мелкие зерна роговой обманки и таблитчатые кристаллики биотита чернели едва заметными точками. Отдельные же крупные овальные кристаллы серого полевого шпата, резко выделяющиеся на фоне всей мелкозернистой массы, обуславливали порфиристую структуру породы. Отвесные стены скалы многолетней деятельностью ветра, солнца и дождя были прекрасно, словно искусными руками человека, отшлифованы. На конической ее поверхности выделялись три плотных темных пятна ксенолитов горных пород. Два из них имели линзовидную форму, сидели на одном уровне, под тупым углом были вытянуты в разных направлениях и неподражаемо напоминали два слегка раскосых глаза огромного человекоподобного охамевшего чудовища. Третий темно-серый ксенолит с расплывчатыми контурами, более крупного размера, кляксой висел в промежутке между первыми и напоминал по форме нос.

После осмотра стала ясна причина обожествления скалы. Сама природа создала её человекоподобной, а местоположение поблизости целебных минеральных источников усугубила эту причину.

По словам Сампела, люди, приезжающие на минеральные источники, поднимаются к этой скале, молятся, приносят какую-либо дань в жертву и только тогда приступают к лечению. Деревья, кусты и расселины скалы были увешаны разноцветными валковыми и хлопчато - бумажными лентами, на глыбах разложены бронзовые, глиняные и фарфоровые статуэтки богов, чаши с жидкостями, многочисленные медные и серебряные монеты.

В двух небольших трещинах скалы серо- стальной змейкой блеснул свинец. Было ясно видно, что он вбит в трещины рукою человека и ничего похожего во творение природы здесь не было.

-Это, действительно, свинец! - объяснил Михаил Иванович Сампелу, но он набит а трещину скалы рукою человека. К тому же, дорогой Сампел, свинец в

природе в самородном состоянии не встречается. Он находится в соединениях с другими элементами, большей частью, с серой в виде красивого блестящего минерала галенита. Галенит может залегать в этой породе в виде таких же прожилков и если бы это был он, то представил бы для экспедиции ценную находку. Но к сожалению, это не так.

На этом осмотр Шаман-скалы был закончен, и отряд двинулся далее по той же тропинке - к источникам минеральных вод.

С отрядом повстречались несколько всадников - мужчин и женщин, по - видимому, следовавших к Шаман - скале на богомолье.

Широкая тропа местами разветвлялась на две или даже несколько менее широких, менее проторенных троп, проложенных между рустов и деревьев многовековой тайги. Угловатые камни и извилистые толстые корни деревьев, выступавшие из почвы, размешанной в липкую тягучую грязь, стояли барьерами на пути. Они затрудняли продвижение, но кони чувствовали близость становища и шагали вперед с удвоенной энергией.

Вдруг каурый конь Михаила Ивановича, шагавший в головной части отряда, внезапно остановился, как вкопанный, и стал сосредоточенно смотреть на что-то большими выкатившимися глазами. Он захрапел, зафыркал и даже попятился назад. Взоры Михаила Ивановича и Сампела невольно устремились в ту же точку, куда пристально и тревожно смотрел испуганный конь.

Через тропу, по корням деревьев, выступавшим из липкой грязи, торопливо извиваясь и шипя, переползала вереница змей. Их черные, как смоль, спины многокрасочными переливами блестели в лучах солнца, пробившихся сквозь гущу таежной листвы и хвои. На высоко поднятых головах змей золотом блестели узорчатые ожерелья, из раскрытых пастей черными вилками торчали длинные острые языки и слышалось исходящее от них многоголосое:

- Ш – Ш – Ш.....

- Долина Змей,- невольно произнес Михаил Иванович. Название долины оправдывается действительностью.

Змеи, переползши тропу, тут же исчезли в пухлом покрове старой хвои и листвы. Конь Михаила Ивановича облегченно вздохнул и, озираясь по сторонам, медленно зашагал.

Недалеко от тропы показались скальные выходы горных пород, к которым и направился Михаил Иванович, а Сампел с навьюченными конями последовал к минеральным источникам, для организации обеда и отдыха.

Встреча с Циренпилоном.

Увлеченный наблюдениями и изучением интересных геологических объектов, Михаил Иванович задержался в маршруте. Пробираясь через густые заросли кустарника, лишь поздно вечером он выбрался в редколесье, а затем на небольшую поляну, не которой в наступившей вечерней прохладе во многих местах белыми столбами поднимался пар.

«Горячие минеральные источники», - решил Михаил Иванович.

Вблизи минеральных источников стояло много юрт и несколько палаток. В некотором отдалении от них легко было распознать небольшую палатку геологов. Возле нее пылал большой костёр, а вокруг, шумно разговаривая, толпился народ.

- Цайн байну, дарга? Цайн байну! – в несколько голосов приветствовали подъехавшего Михаила Ивановича люди, которые находились у костра.

- Цайн! Цайн! – последовал ответ.

Среди присутствовавших были и те товарищи, что встретились ранее, на перевале хребта. Они побывали в лагере геологической экспедиция и уже устроились здесь для лечения. Эти товарищи встречались с Михаилом Ивановичем, как старые друзья. Остальные, подражая им, приветствовали не менее тепло и приглашали в свои юрты на ужин, выпить кумыса и собственной архи.

Михаил Иванович великодушно поблагодарил за гостеприимство, но от приглашения отказался, сослался на усталость и неотложные дела. Он освободился от инструментов, приборов, сбросил с себя одежду и поспешил освежиться. В нескольких метрах от палатки протекала бурливая речушка. В неё тут же впадал большой поток горячей воды, выбрасываемой минеральными источниками. Михаил Иванович с большим удовольствием тщательно обмылся в горячей воде, затем в талой и холодной. Одним словом, сразу используя природный дар для купания, он почувствовал исключительную бодрость, прилив сил и хороший аппетит.

Горячий ужин был уже готов. К столу присоединились знакомые: два монгола и один разговорчивый, хорошо владеющий русским языком местный старец. Его звала Циренпилон, а в народе - самородком, якобы за его незаурядную находчивость, смекалку и прозорливый ум.

По словам старика, ему было около девяноста лет, но он был еще стройным, шустрым и обладал прекрасной памятью. Седые длинные волосы на голове и реденькая белая клиновидная бородка скрадывали худобу плоского скуластого круглого лица, придавали ему солидность и серьезность.

Михаил Иванович заинтересовался Циренпилоном и, отложив работу на

завтра, вступил с ним в оживленную беседу.

-А давно ли народу известны вот эти горячие целебные воды? - обращаясь к Циренпилону, Михаил Иванович сменил обывательскую тему разговора на тему, интересовавшую его.

- Э, давно! Давно Дарга²⁶! - ответил он,- Ещё мой прадед много рассказывал о чудодейственных свойствах этих вод и говорил, что в них лечились и его предки. А это получается, что горячие воды в долине Могой - Ама известны были еще более двухсот, а может быть, и более тысячи лет тому назад! Мой прадед знал весьма забавную историю об этих горячих источниках. Он рассказывал ее так, – начал Циренпилон.

²⁶ Дарга – по монг. начальник, командир.

Рассказ Циренпилона.

Давным-давно, ещё в бытность наших далеких предков, когда в этих местах леса были еще дремучее, деревья в них еще выше и страшнее, на лугах трава была еще гуще и сочнее, а в долине реки Орхона не было этих черных зловещих камней, когда в лесах водилось бесчисленное множество различных зверей и птиц, когда на сочных травах необъятных лугов паслись несчитанные стада овец, коров, и табуны лошадей, в этих местах жил богатейший в Монголии человек. Имя этого человека, а также имена его жены и детей уже померкли во времени, а слава о их богатстве, о их алчности, кощунстве над людьми сохраняется в веках. Все земли этой местности, все леса, все луга с сочными травами и весь несущийся на них многочисленный скот принадлежали этому богатому человеку. Он не знал счета своему скоту и только едва пересчитывал пастухов, охранявших его многочисленные стада. А пастухов было много, очень много - и старых и малых, и мужчин, и женщин.

Говорят, денег, золота и драгоценных камней у него было неоценимо и неисчислимо, а жадности и алчности на богатство еще больше.

Вот в этом богатстве, раздолье жила и росла его единственная любимая дочь. Она была стройна, красива, мила и к тому же умна: уже в ранние молодые годы верхом на коне объезжала владения отца, учитывала скот, давала многочисленные распоряжения и указания. Отец, смотря на нее, любовался, радовался деловитости, распорядительности и жил, наслаждаясь жизнью.

Замечал отец, что его дочь особенно часто посещает табуны коней, где она выбирала для себя резвых, сама вылавливала с помощью лассо и сама же их объезжала. Но чаще всех она посещала один табун, где табунщиком был молодой, высокий, стройный и красивый паренек.

Отец считал, что дочь развлекается выбором и объезжанием коней, которые в этом табуне были лучшими, и не замечал, что она увлечена молодым пастухом. Девушка незаметно помогала пастуху собирать разбежавшихся по полю коней, загоняла кобылиц в загон для очередного доения, иногда даже брала деревянный подойник и помогала выдаивать молоко.

От молодого пастуха девушка возвращалась всегда веселой, жизнерадостной, с песнями, шутками.

Привык к красивой девушке паренек-красавец, он с самого утра то и дело посматривал в ту сторону, откуда обычно появлялось резвая черноглазая смуглянка. Это повторилось почти ежедневно. Когда ее не бывало, пастух тосковал,

теряя аппетит и сон, и с нетерпением ждал наступления следующего дня.

Девушка, когда не видела своего милого, также скучала. Она окольными путями, как стрела мчалась к нему, на своих то и дело подменяемых резвых конях. Однажды, девица задержалась на три дня, просидела у постели приболевшего отца, а на четвертый день раним утром стремглав примчалась и тут же, ловко соскочив с коня, крепко обняла молодого пастуха и поцеловала его в щеку.

Этот поцелуй красивой богатой девушки для пастуха был первым и неожиданным, он словно ожег не только щеку, но и сердце, и всё существо. Ошеломленный, стоял паренек некоторое время в оцепенении, но опомнился и тут же, заключив девушку в объятия, осыпал многочисленными пылкими поцелуями, вихрем закружил и в опьянении упал вместе с ней на зеленый бархат густой луговой травы. Так вот безмолвно, но пылко, душевно и с чувствами от всего сердца между молодыми голубками состоялось объяснение в искренней, горячей, взаимной любви. До позднего вечера в этот день они были вместе. Упоенные сладостью любви, не заметили, как, словно на крыльях, пролетело время, и солнце склонилось к закату. Клятвой верности и неразлучности закончилось это свидание.

С горящими от поцелуев губами и разругавшимися щеками прискакала девушка в этот поздний вечер домой. Ее уже ожидал взволнованный отец, раскрасневшийся от выпитых спиртных напитков и обилия съеденной жирной пищи.

С грозными выкриками набросился на девушку отец - богач, но умная находчивая дочь тут же урезонила его рассказами новостей по необъятному хозяйству.

- Умна и хитра - созрела девушка! Пора замуж, нужно подыскать жениха, - решил отец, слушая рассказы дочери.

С этого дня в обращениях с дочерью богач стал более требовательным, строгим и всё же она почти ежедневно умудрялась видеться со своим возлюбленным пастухом.

К богачу зачастили гости и заговаривали о сватовстве дочери, но все неизменно получали отказ, так как они были бедны и нежелательны отцу.

В радостях отказов проходили встречи молодых влюбленных, но сердце пастуха обливало кровью, так как он знал, что ему, бедняку, также откажет отец - богач, не выдаст свою дочь за него.

Долго не решались влюбленные пойти к богачу с челобитной и, наконец, выбрав момент, когда он был в хорошем настроении, после удачной продажи скота, упали перед ним на колени с просьбой дать согласие на их бракосочетание.

Богач, ошеломленный неожиданностью, покраснел, надулся, странно выта-

рашил глаза и со сжатыми кулаками яростно накинулся на молодых. Он, как коршун вцепился в черный чуб пастуха, вышвырнул из юрты и приказал слугам высечь до полусмертей.

С горькими слезами на глазах дочь ползала у ног отца, целовала его руки, умоляя не трогать ее любимого и дать согласие на их женитьбу. Но ни мольбы, ни горькие слезы не сломили упрямства толстого злодея-отца. Он с еще большим остервенением требовал от слуг безжалостного наказания.

Пастух со связанными руками и ногами лежал на земле, ременная плеть палача, со свистом разрезая воздух черной змеею, падала на его смуглую мускулистую спину, оставляла на ней кровавые полосы, вновь взвиваясь ввысь и вновь с силой падала.

Девушка пыталась защитить молодца от плетей своим телом, заключая в объятия. Палачи, по приказу хозяина, оттащили ее и занесли в юрту. Продолжая истязать пастуха до полного изнеможения и наконец, окровавленного, почти бездыханного, уволокли и бросили в кусты.

Только повседневной заботой и тайной помощью девушка едва выходила своего возлюбленного. Вскоре он окреп и вновь стал статным, казалось еще более красивым, но грустным и оскорбленным.

Любовь молодых после этого не только не погасла, а наоборот, окрепла еще более.

Слежка, организованная отцом- толстяком за дочерью, сократила их свидания. Время при каждой встрече пролетало, как мгновение. Оно было полно самых сладких, нежных невинных чувств, клятв любви и непоколебимой верности.

А горе ходило по пятам влюбленных. Однажды вечером в юрту богатея, в сопровождении большой свиты слуг, пожаловал не менее богатый гость, у которого в долина реке Селенги на обширных луговых угодьях паслись неисчислимые стада все возможного скота.

Зная этого богатея, отец девушки знал, что у него имеется сын и ждал со сватами только его. Чтобы заманить богатея с сыном к себе, отец девушки засылал в Селенгинскую долину глашатаев и наконец, желанные гости прибыли.

Вместе с богатым гостем в юрту пожаловал сутуловатый, щупленький, разряженный в цветастые шелка жених. Он, следуя за отцом, бесцеремонно уселся на почетном месте на расшитых узорчатых коврах в тут же задымил трубкой. Белый мундштук трубки, сделанный китайскими умельцами из опала, достигал полуметровой длины, что являлось признаком незаурядного богатства владельца.

Гости терялись в таинственном полумраке наступивших сумерек, а когда зажгли сальные светильники, то дочь хозяина невольно взглянула в лицо жениха. Оно было обезображено перенесенной болезнью и вызвало в милой девушке неопишное отвращение и страх. Лицо было землистым, неживым, вывернутые глазницы язвенное краснели и слезились. Вместо носа зияли два черных отверстия прокопченных табачным дымом, а из незакрывающегося широкого рта торчали крупные желтые зубы. Ошеломленная неожиданным страшным виденьем, при мысли – что это- ее жених, девушка потеряла сознание и тут же упала на пол. Подоспевшие слуги спешно унесли её в соседнюю юрту.

Какие церемонии произошли в этот вечер и в последующее день? - девушка не видела. В полдень не третий день усадили её в двухколёсную кибитку и повезли в неведомом направлении.

Девушка убивалась и слезно плакала, а когда образумилась, затаила злобу на отца и уroda - жениха, стала неотрывно наблюдать в щель за дорогой и примечать ее. На привале, когда все уснули, украдкой села на коня и умчалась в обратном направлении. Она скакала всю ночь, распознавая дорогу, и только к полудню усталый конь, волоча ноги, принес ее в родные края. Не заехала девушка ни к знакомым, не зашла и в юрту отца, а прямо помчалась в заветное местечко к своему милому пастуху.

Наконец, после продолжительного нудного пути, миновав дремучие леса, девушка выехала на широкую поляну, на которой тут и там разгуливали знакомые ей кони. Милого пастуха при них не оказалось. Подскакала к вековым ширококронным лиственницам, под которыми обычно проводили счастливые минуты, но не было его и там. Тогда осталось, а одно, - мчаться в гору, в глубокую тайгу к высокой заветной скале.

Трудноват был подъем для коня, потратившего энергию на столь продолжительный путь, но пылкое девичье сердце, почуяв недоброе, учащенно стучало в груди и рвалось вперед, вперед. Девушка выжимала из коня последние силы. И вот уже ближе, и ближе, яснее и яснее стали вырисовываться контуры заветной скалы, но взмыленный конь споткнулся, бессильно заковылял ногами и рухнул на землю. Помутневшие глаза его, как бы сожалеющие девушку смотрели умиленно, и казалось губы шептали: - торопись дорогая, торопись, беги вперед!

И она побежала! Но уже было поздно! На остром уступе заветной скалы, как флаг, развевался алый клоч кумача, оторвавшийся от полы дели. У подножья скалы бездыханно лежал разбившийся молодой пастух. На его смуглых щеках еще

играл свежей румянец, черные открытые глаза как бы улыбалась долгожданной любимой, алые, аккуратно сложенные губы, казалось, ждали её горячего поцелуя.

Запыхавшаяся дедушка с жадностью прильнула к губам пастуха, но испуганная холодом тут же отпрянула назад и, стоя в стороне долго, пристально наблюдала за неподвижным телом, а затем с безумным ревом, роня горячие слезы, упала на него. Не отходя от тела любимого, многие дни и ночи она в одиночестве горько плакала.

Её мольбу и слезы услышал лишь бог любви. Он разгневался на коварного отца – богача, посмеявшегося и поглумившегося над нежной любовью молодых, и в сговоре с богом гор, вызвал чудовищное явление. Заколыхались и потрескались горы, посыпались камни, а в верховьях долины Орхона высокая сопка, которая задышала огненными парами, отрыгнула из себя раскаленные и расплавленные камни, которые растекались по долине Орхона, сожгли леса, все стада коров, и овец, и табуны коней.

В пекле огня, судорожно корчась, бесследно сгорел и сам богач.

Много, много времени протекло с тех пор. На землях Орхона вновь выросли и леса, и луга, размножился и скот. От прошлых времен остались горячие девичьи слезы, они неиссякаемо текут горячими ручьями. Люди, приезжая сюда, купаются в них и исцеляются от многих недугов. Эти слезы до сих пор оберегаются богом любви. Лик его воплощен в скале, с которой упал насмерть молодой пастух. И стоит она одиноко в тайге, возвышаясь над вершинами многовековых деревьев...

Ужин на этом закончился, и все разошлись по своим юртам на ночной отдых. Михаил Иванович поблагодарил Циренпилона за рассказ легенды, лег на свою походную кровать и заснул крепким сном.

Изучение минеральных источников.

Утренняя прохлада разбудила Михаила Ивановича, когда часовая стрелка уже приближалась к девяти, а поднявшееся солнце ярко освещало вершины гор, возвышавшиеся перед палаткой. Над горячими источниками продолжал клубиться пар.

Заботливые птички уже накормили птенцов и, сидя на сучьях, выводили утренние трели. Пробудившиеся люди со скрипом открывали двери юрт и спешили на утренние минеральные ванны. Для этого возле источников сделали углубления, соорудили над ними небольшие срубы и крыши.

Беседа с больными, Михаил Иванович узнал, что они лечатся без надзора врачей от всевозможных болезней, по своему усмотрению, при разных режимах. Конечно, большинство из них обостряли свои болезни, нарушали сердечную деятельность и с разочарованием покидали источники. Некоторые же получали улучшение здоровья и даже полное выздоровление.

«Дебит» минеральных историков оказался исключительно большим: температура воды в большинстве грифонов достигала девяноста пяти градусов. Вода выделяла сероводород и углекислоту.

Для определения минерального состава солей, содержащихся в растворе этих вод, Михаил Иванович отобрал пробы для химических анализов.

Местечко было исключительно живописным, уютным; невольно у Михаила Ивановича возникла мысль о возможности и целесообразности организации здесь государственного курорта. В конце подробных описаний горячих источников минеральных вод он сильным нажимом карандаша сделал приписку и подчеркнул:

«Источники горячих минеральных вод в долине Могой – ама заслуживают изучения бальнеологических свойств и срочной организации на них гидрогеологических наблюдений. Природные условия для организации курорта чудесные. На месте имеются строительные материалы и изобилие топлива. К тому же жилые помещения могут обогреваться и естественным горячими водами. Воздух прекрасный, долина солнечная».

Оставшуюся часть маршрута Михаил Иванович и Сампел без приключений завершили на следующий день. В лагере к их приезду собрались все отряды и среди людей царил оживленное настроение. Каждый делился выявленными новинками и пережитыми приключениями.

К маршрутам- по заданному водоразделу.

На дооформление собранных материалов было отведено три дня, за которые каждый из геологов старался сделать все возможное. Одновременно проходила энергичная подготовка к следующему, последнему, интересному групповому маршруту по высокогорным, труднодоступным, диким, необитаемым местам в истоках реки Орхона и его верхних притоков. К этому маршруту готовили всех имеющихся в экспедиции коней, вьючные и кавалерийские седла, походные палатки, продукты, геологический инструмент и даже надувную резиновую лодку.

Николай усиленно начищал двустволку. Спиннингами запаслись многие, так как рыбная ловля предвиделась в продолжение всей второй половины маршрута.

В прохладное утро второй половины августа, от лагеря экспедиции медленно отделился длинный караван. В лагере остались лишь завхоз, лаборант Анастосия Алексеевна и малыш Шурик.

В первый день караван двигался вверх в долине реки Орхона. Движение протекало без особых приключений и происшествий. На лугах обширной долины пасся различный скот. Местами возле нагромождений черных лавовых пород группировались серые юрты аратов. Участники экспедиции, забегаая в эти юрты, пили кумыс и горький чай.

К вечеру караван расположился на ночлег, а на следующее утро разделился на отряды. Каждый отряд выбрал свой вариант маршрута- по заданному водоразделу или же по долине. Местом сбора было назначено верховье реки Орхона, где справа в него впадает первый безымянный приток. Это точка у каждого геолога была отмечена на карте красным кружочком.

Михаил Иванович в свой отряд включил геолога Дашана и конюха Сампела. Маршрут был намечен по правобережью реки Герельдже, являющейся крупным верхним притоком Орхона.

Вначале отряд продвигался по долине возле русла, изучая состав валунно – галечникового материала. По осмотренной гальке и валунам было установлено, что бурная горная река Герельджа проложила себе путь в древних осадочно - метаморфических песчано-глинистых сланцах и черных, ноздреватых, очень крепких базальтах. Галька, а также и валуны представлены были именно этими породами. Очень редко наблюдалась мелкая очень хорошо окатанная галька серых биотитовых гранитов. Судя по количеству, величине, а также по хорошей целокатанности, Михаил Иванович и Дашан решили, что граниты залегают где-то далеко в верховьях реки.

Таким образом, в самом же начале участники маршрута в общих чертах ознакомились с породами, слагающими горы в бассейне реки Герельджи, которые на протяжении многих столетий размываются ее бурным потоком.

Продвижение отряда сильно затрудняли густые кустарники, валуны и глыбы камней; особенно мешали многочисленные, покрытые мхом, огромные валежины и колодины, бессистемно валявшиеся между толстых стволов лиственниц.

Приходилось отыскивать звериные тропы и использовать их, но с вьюками на спинах лошадей и в этих случаях продвигались крайне медленно.

Но вот предстала совершенно непроходимая чаща леса, и отряд вынужденно приступил к подъему по крутому склону на гребень водораздела. Звериная тропа, которую использовали для продвижения извивалась зигзагом, но и она вплотную приблизилась к высоченному утесу темно - серого песчано - глинистого метаморфического сланца, и проезд под ней стал весьма рискованным. Удар вьюка о стенку скалы мог вывести из равновесия завьюченного коня, и свалить его в бездну. Этот участок пришлось преодолевать с большими предосторожностями, сопровождая каждого коня поочередно. Все обошлось благополучно, если не считать ушиб ноги Дашана об острый край скалы.

Поморщился Дашан, смазал ушибленное место раствором йода и сел на своего коня. У геологов с такими ушибами не считаются, они заживают на ходу в процессе работы. Так получилось и в этот раз. К вечеру боли в ноге Дашана утихли, а на следующее утро он уже чувствовал себя совершенно здоровым.

Ночлег состоялся на миниатюрной поляне. Подножного корма на ней было очень мало. Кони в поисках пищи то и дело порывались углубиться в лес. Сампелу пришлось всю ночь охранять, а утром чуть свет продолжать маршрут.

Не более одного-двух километров- и караван вышел на обширную поляну. На ней беспечно токовала большая группа косачей и тетеревов. С появлением людей они грузно, один за другим поднялись и углубились в чащу тайги, лишь некоторые сели на сучья ближайшей лиственницы. Дашан отвязал от вьюка мелкокалиберную винтовку и тут же сбил двух косачей. Испуганные внезапными выстрелами, вскочили не ноги отдыхающие в траве козы и большими скачками углубились в кусты.

Поляна изобиловала высокой сочной травой. Голодные кони жадно хватили ее и, проворно пережевывая, глотали. Сампел предложил сделать часовой привал, чтобы накормить изголодавшихся коней, заодно позавтракать и самим. Конечно, привал был не вполне желательным, рабочий день только еще начался, но с предложением пришлось согласиться- иначе голодные кони в столь трудном пути

могли обессилеть.

Подстреленные косачи спешно были разделаны и тут же сварены. Бульон оказался на редкость вкусным, а мясо, конечно, было выше всяческих похвал. Его оказалось так много, что сразу съели лишь небольшую долю, а остальное пошло на пополнение продовольственного запаса.

Кони, заправившись сочной травой, зашагали бодрее. Продвижению по прежнему препятствовал густой валежник, а так же толстый покров мха и старой хвои. Особенно много хвои было под кедрами, которых становилось все больше, а количество лиственниц одновременно уменьшалось. Наконец отряд оказался в сплошном кедровнике. Это уже было на высоте свыше двух тысяч пятисот метров над уровнем моря. Здесь, под густыми кронами деревьев, царил полумрак, пахло сыростью. Всюду валялись полусъеденные старые шишки. По деревьям сновали белки. Они с треском грызли уже созревшие свежие орехи.

Михаил Иванович, находясь в головной части отряда верхом на коне, спугнул бурых полосатых поросят и огромную самку. Они с хрюканьем стремглав разбежались в разные стороны. Встреча с кабанами в этот раз была первой, но не последней. Вскоре отряд еще повстречался с большим стадом, пасущимся под кедрочами. Кабаны жадно чавкали, разгрызая шишки, переполненные орехами и, привыкшие к спокойной жизни, долго не замечали приближения людей; но когда Сампел, заложил пальцы за щеки, пронзительно свистнул, они молниеносно исчезли.

Небольшие обнажения и глыбы горных пород в этих местах были едва заметны; для того чтобы отбить от них образчик, приходилось снимать слой хвои и мха. Крупные обнажения горных пород наблюдались редко.

Неожиданно перед отрядом оказалась беспредельно широкая каменная россыпь, состоящая из огромных глыб ороговикованных песчаников и песчано-глинистых сланцев. Роговики в отдельных глыбах были обогащены черными листочками биотита. Иногда в них наблюдались кубики вишнево – красного граната. Чувствовалось контактное влияние магматических пород, но ни гранитов, ни других магматических пород в россыпи не обнаруживалась.

Отряд попытался обойти россыпь, но и справа, и слева наткнулся на нее. Наконец, слева, выше по водоразделу, был найден наиболее краткий и более удобный проход. По нему и двинулся отряд. Кони храпели, переступали осторожно и все равно падали, поднимались с помощью людей и двигались дальше. Но вот беда: один самый сильный и выносливый конь с завьюченной на него резиновой надувной лодкой споткнулся и грузно упал. При этом пошевельнувшаяся

огромная каменная глыб повалилась на заднюю левую ногу и с хрустом ее переломила.

Вьюк и седло ту же были сброшены, конь не в состоянии был подняться и, истекая кровью, тяжело дышал. Помочь было невозможно, а поэтому, чтобы сократить мучения животного, было решено пристрелить его.

После этого случая всем пришлось спешиться и весь груз, распределив, навьючить на остальных коней.

За пределами каменной россыпи отряд вступил в полосу развития гранитов, которые обнажались в виде высоких причудливых скал, напоминающих древние кавказские сторожевые башни. Были здесь и глыбовые каменные скалы, но они занимали небольшие площади, их свободно удавалось обходить.

На гранитовых скалах ловко скакали небольшие серые кабарошки и трудно было представить, - как они туда забирались?

Попытки Дашана и Михаила Ивановича взобраться на одну из этих скал не увенчались успехом, кабарошки же на них взбегали свободно, казалось, вот-вот они упадут и разобьются. Когда пугнули их камнем, они с уступа на уступ оставили скалу и скрылись между нагромождений каменных скал.

Граниты сменились ороговикованными сланцами, и подъем стал еще круче. Кони, зигзагами петляли по склону и лавируя между деревьев, то и дело приостанавливались для отдыха. Молодой низкорослый кедрач между вековых предков местами образовывал трудно проходимые заросли. Это уже было признаком трехкилометровой высоты над уровнем моря.

Так и есть, вскоре отряд с трудом преодолел густые заросли молодого кедрача и предстал перед горным хребтом, лишенным лесной растительности. Его склоны были покрыты лишь травой, поблекшей от наступивших осенних заморозков.

Навьюченных коней решили не затруднять. На вершину хребта пешим ходом последовали только Михаил Иванович и Дашан. Они, простукивая геологическими молотками горные породы, поднялись на самую вершину.

Склоны хребта и вершины были сглажены, лишь на северных подступах наблюдались серпообразные карры²⁷ с отвесными высокими стенками, в которых

²⁷ Карры - одна из форм поверхностного карста. Являются собой сеткой борозд и гребешков, шипов и лунок, образовавшуюся на поверхности растворимой водой породы, чаще всего известняка, под действием атмосферных осадков. По глубине карры могут составлять от нескольких миллиметров до метров. По внешнему виду карры классифицируются: на желобковые, лунковые, трещинные.

обнажались черные песчано-глинистые метаморфические сланцы. В углублениях карр белел, не растаявший на протяжении всего лета, оледеневший снег, похожий на фирн²⁸. К северу и к западу от высоты зеленела необъятная тайга, в которой местами желтела осенняя позолота.

На южном склоне таежные массивы чередовались с безлесными участками, а затем начиналась холмистая степь и продолжалась до далекого горизонта. Оголенные вершины хребта, возвышаясь над таежными массивами, цепочкой прослеживались в северо-восточном и юго-западном направлениях.

К северо-западу, в верховье долины, покрытой порослями кустарника, зеркальной гладью в предзакатных лучах солнца блестело небольшое озеро. К нему геологи направились, подав знак Сампелу двигаться туда же.

Верховье долины изобиловало множеством морен²⁹. Озеро, подпряженное ими, было переполнено разнообразной водоплавающей птицей.

Отряд разбил свой лагерь вблизи лесного массива. Он располагался на возвышении, у скалы, прикрывающей от ветра. От него хорошо просматривалось озеро и широкая долина.

Михаил Иванович и Дашан, маскируясь кустарником, приблизились к самому озеру. В этот момент на его поверхность, разноголосно перекликаясь, села еще одна большая стая гусей. Озеро наполнилось и выглядело живым. У самых глаз запрятавшихся наблюдателей плавали гуси, утки и даже лебеди. Одни пили воду, купались, погружаясь вниз головой, что-то доставали с глубин; другие, запрятав клювы под крылья, дремали плавая на воде, а некоторые отдыхали, выбравшись на берег. Это были перелетные птицы, приземлившиеся для очередного ночного отдыха.

Солнце, постепенно погружаясь, исчезло за горизонтом. Быстро стало темнеть. Продрогшие от наступающей прохлады наблюдатели вынуждены были покинуть свой пост. Они решили выйти из укрытия наваленными и оставить птиц в полном спокойствии. Это пришлось им делать с теми же предосторожностями, что и при подходе к озеру. Была красивая ночь. Лежа в теплом спальном мешке, Михаил Иванович смотрел в темный небосвод, в котором то и дело появлялись все новые и новые звезды. Со стороны озера то и дело доносился крик, чем то встревоженных птиц. В лесу раздавалось уханье филина, а в периоды затишья

²⁸ Фирн (от нем. *firni* – прошлогодний, старый) – перекристаллизованный плотно слезившийся многолетний зернистый снег, т.е. промежуточная форма между снегом и глетчерным льдом.

²⁹ Морена – геологическое тело, сложенное ледниковыми отложениями, включающее неоднородную смесь обломочного материала от гигантских глыб, достигающих до нескольких сот метров в поперечнике, до глинистого материала.

Михаил Иванович слышал даже хруст травы на зубах коней, пасущихся вблизи лагеря.

И вдруг в этой тишине, в непосредственной близости от лагеря, раздался громкий протяженный рев. Михаил Иванович от неожиданности вздрогнул. Это был рев пятнистого оленя. Он повторился; затем ему из глубокой тайги ответил другой голос, затем третьей.

Михаил Иванович незаметно заснул. Другие уже давно спали.

К истокам реки Орхона.

Оглушительный многоголосый шум гусей и уток разбудил геологов. Было раннее утро. Осенний мороз на высокогорье густой сединой покрыл деревья и траву, а на озере образовал забереги. Гуси и утки, группируясь в стаи, выстраивались в длинные и зигзагообразные цепочки, кружились. Их тревожные крики стали понятными лишь тогда, когда геологи увидели примерзших ко льду гусей и уток. Они хлопали оледеневшими крыльями и оставались на месте. Геологи отряда поспешили им на помощь. Палками и камнями они разрубали кромку льда. Птицы, перепуганные появлением людей, с еще большей силой порывались взлететь, многим удавалось оторваться и присоединиться к товарищам. Некоторые же, имея непосильный груз льда, падали, ударялись о камни и погибали. Вскоре все птицы были освобождены из оков льда. Они по одиночке, поднимаясь, удалялись в южном направлении вслед за своим караваном, а четыре гуся, которые разбились о камни, остались лежать на месте.

Участники геологического маршрута позавтракали и, навьючив коней, тронулись вначале по хребту, затем вниз по склону к месту сбора. Спуск вниз по склону несколько легче, чем подъем на гору, но в данном случае он оказался не легким. Дикая необитаемая тайга в этих местах была совершенно девственной, в ней не наблюдалось никаких следов пребывания человека, не обнаруживалось ни одного дерева, спиленного или срубленного рукой человека. Зато среди многовековых деревьев - кедровника и лиственниц - лежало множество огромных валежин с вывороченными корнями, напоминающими огромных спрутов. Все это усугублялось крутым склоном горы, многочисленными нагромождениями камней, покрытых толстым слоем старой хвои, мхом и растущими на нем зарослями кустарника.

Всюду были проложены звериные тропы. Следы пребывания кабанов наблюдались со всему массиву кедровника, но шумным поведением отряд спугивал зверей и почти не встречал в их дела. Лишь белки да бурундуки сновали всюду, нередко спугивали также глухарей да отдыхающих сов. Но вот, преодолевая заросли черной смородины, отряд внезапно спугнул лакомившихся медведей. Их было пять, - два матерых, огромных, годовалый пестун и две малышка. Пестун и малышки без оглядки помчались по валежинам и камням в соседний лог, а самец и самка отступали и том же направлении, но поочередно приостанавливались и озирались по сторонам. Медведи были сыты неограниченным обилием ягод и

никаких намерений нападать не проявили. Геологи, не имея при себе хорошего оружия для обороны, изрядно погрузстнели. Сампел изготовил мелкокалиберную винтовку, но не проявил желания выстрелить.

Когда медведи скрылись за горкой, люди переглянулись, а Михаил Иванович, обращаясь ко всем, спросил:

- Ну как?

- Да ничего! – ответил Дашан.

- И что ты, Сампел, упустил такую теплую шкуру?

- Хорошо, что сами целы, Дарга,- отвечал Сампел.

На этом разговор закончился, дальше шли молча.

Отряд приближался к истокам реки Орхона. На этом участке геологические наблюдения стали выполняться детальнее, так как маршрутом предусматривалось точное определение и нанесение на карту начальной границы базальтового покрова, занимающего долину реки Орхона.

И вот на пути появились первые глыбы черных базальтов. Решено было сделать остановку, но местечко с полянкой и подножным кормом для коней удалось найти не сразу. На поиски поляны для этого пришлось потратить не менее часа, и все же она была найдена. По ней протекал небольшой ручей, и выяснилось, и был одним из начал реки Орхона.

Поиски же начальной границы базальтового покрова оказались весьма сложными, и вследствие этого затянулись более предусмотренного срока. Густая девственная тайга, кустарник и моховой покров резко осложнили работу. Проводя наблюдения по небольшим выходам и глыбам, Михаилу Ивановичу и Даша ну пришлось подняться далеко вверх по склону. Надвинулась ночь, а задача все еще оставалась невыполненной. Возвращаться в лагерь в ночной тьме по тайге было немыслимо. Пришлось призадуматься о ночлеге.

Площадка обнажения сланцев оказалась хорошим для этого места. Возле отвесной скалы разложили костер, а когда она накалилась, костер перенесли на другое место. Затем на согревшейся местечке набросили сухого мха в хвои. Мягкая и теплая постель была готова. Раскалявшиеся камни согревали ее и снизу, и со стороны скалы.

Для ужина была использована часть неприкосновенного запаса, хранящегося у каждого в рюкзаках.

Спать было тепло. Ночь пролетела совершенно незаметно. Холод дал знать о себе лишь под утро, когда камни потеряли вложенную в них теплоту, но уже начинало светать и пора было торопиться на продолжение работы. После весьма

скудного завтрака геологи приступили к работе.

Лишь подуло, высоко на хребте удалось нащупать начальную границу базальтового покрова. Она вырисовывалась нечетко и была загромождена глыбами свалами горных пород. Вулканического кратера обнаружить не удалось. Он так же был завуалирован глыбами магматических горных пород, свалившимися с ближайших горных высот.

Занося последнее наблюдение в свою полевую книжку, Михаил Иванович невольно вспомнил легенду старика Циренпилона, рассказанную возле горячих минеральных источников Долине Змей.

- И как эта легенда правдоподобно воспроизводит явления природы, - подумал он.

Закончив записи и положив в рюкзак последний образчик горной породы, Михаил Иванович обратился к Дашану:

- Ну дружище! кажется, мы со спокойной совестью можем возвращаться в свой лагерь.

- Пожалуй, да! К тому же и пора. Ведь время уже перевалило за вторую половину дня, и мы только едва успеем засветло добраться до него, - ответил Дашан, завязывая свой рюкзак. Сохранившийся в нем запах пищи возбуждал аппетит, а есть было нечего.

Геологи подтянули ремни, взвалили за спины рюкзаки и направились вниз по склону. Миновав безлистую основу и оказавшись в тайге, они на первом же брусничном участке сделали кратковременную остановку, - подкрепиться ягодой.

Только в сумерках надвигающейся ночи им удалось добраться до ярко пылающего костра бивака. С чувством радости встретил их заждавшийся и приунывший Сампел. Он кинулся доха в объятия, а потом засуетился в подготовке пищи.

Вниз по Орхону в резиновой лодке.

В первой половине следующего дня отряд Михаила Ивановича без особых затруднений прибыл к назначенному месту сбора, где уже находились другие отряды не только в полном составе, но и в полном здравии. Оказалось, что и у других отрядов маршруты прошли так же не без приключений и не без происшествий. Неблагополучно прошел маршрут в отряде Олега. У него в ночное время на привале волки загрызли одного коня, а сам Олег при осмотре обнажения горных пород сорвался со скалы и зашиб правую руку. Она у него распухла и висела на косынке, перекинутой через шею. Дальнейшее участие Олега в маршрутах, и там более на лодке по горной мелководной порожистой бурной реке, конечно, было немислимо; ему предложено было следовать в центральный лагерь экспедиции вместе с караваном коней. С большим нежеланием принял Олег это предложение, но пришлось подчиниться.

Ранним утром в заводь реки Орхона была спущена достаточно вместительная резиновая лодка. В нее сели четверо – Михаил Иванович, Дашан, Володя и Николай. Груза у них было мало: два рюкзака с минимумом продуктов, полевые сумки с записными книгами и карты. У Володи за плечами висел фотоаппарат, у Коли ружье и, кроме этого, у каждого был спиннинг.

Река Орхон, а этом месте принимала равный себе приток. Водный поток ее становился внушительным, но, конечно, был далеко недостаточным для плавания на обычной деревянной лодке, а резиновая весьма незначительно погружается на глубину все же могла быть ограничено использована.

Люди, севшие в лодку, принялись управлять ей с помощью шестов. Лодка под влиянием силы течения, шурша дном о камни, поплыла вниз по течению. Движение ее было неравномерным, - то она быстро плыла, гонимая стремниной, то задерживались шурша дном о гравий, то останавливалась, уткнувшись в каменные глыбы.

Олег и рабочие, наблюдавшие с высокого берега, махали руками и что –то кричали, но голоса тонули в шуме бурлящей реки. Люди в лодке, увлеченные борьбой со стихией, не замечали их и делали свое дело.

Вскоре лодка скрылась за поворотом, а караван тронулся к центральному лагерю экспедиции.

Между геологами лодочного похода были сразу же распределены обязанности. Управление лодкой поручили Коле и Володе. Дашан и Михаил Иванович взялись за геологические наблюдения, которые впрочем не всегда удавалось выполнить на ходу, - требовалась остановки.

Наклон русла местами был настолько крутым, а течение бурным, что проезд становился небезопасным. Людям в этих случаях приходилось высаживаться и, с трудом преодолевая глыбы, переносить лодку на свои руках.

- Стой! - внезапно крикнул Михаил Иванович и замахал руками, требуя остановки. Его громкий крик затерялся в шуме реки, можно было лишь видеть по лицу, что он кричит, но невозможно было понять содержимое слов. Более понятными оказались жесты, сделанные руками.

Николай и Володя, орудуя шестами, остановили лодку у берега между огромных черных камней.

Русло реки в этом месте, углубившись в базальты, образовало узкий каньон. Ширина его не превышала пятнадцати метров и сужалась до десяти. Отвесные стены каньона возвышались над уровнем воды на пятнадцать – двадцать метров и казалось, что отряд находится в каменном мешке, из которого нет никаких возможностей спасения. Было шумно, жутко и как бы не хватало воздуха. Из дыр и зияющих трещин каменного мешка, покрытых плесенью, вылетали совы и летучие мыши.

Создавалось впечатление, что черным базальтам не было конца ни по простиранию, ни на глубину, но оказалось что Михаил Иванович на этом участке заметил что-то новое. В стенке каньона у самого уреза воды выступали темно-серые песчано - глинистые сланцы, на них пестрела пачка тонко переслаивающихся ярко окрашенных туфов, пепла и пемзы.

Туфовые образования и пемза в бассейне реки Орхона отмечены были впервые, они давали возможность предполагать, и даже утверждать о происшедших здесь когда-то активных вулканических извержениях, а не только относительно, а в спокойном излиянии огненно - жидких лав. Это обнажение геологи тщательно описали и зарисовали.

Михаил Иванович веред посадкой в лодку взглянул на часы. До заката солнца оставалось еще целых два часа, а в каньоне уже начинало темнеть.

- Нужно торопиться, товарищи!

Нам необходимо найти возможность выбраться из этого каменного мешка и заночевать на открытой местности.

- Каньон - опасная ловушка, особенно при выпадении дождя. Бурные потоки каньонов на своем пути уничтожают все, - предупредил Михаил Иванович.

Каждый из участников похода жаждал свежего воздуха и свободы.

И вот справа показалась обширная, ярко освещенная поляна. Здесь к реке присоединялся многоводный приток. В устьевой части он размыл большое поле

базальтового покрова и образовал обширную площадку, которая была покрыта луговой растительностью и кустарником. Поляну окружала лиственная тайга. Это чудесное местечко и было облюбовано для стоянки. До наступления дня оставалось еще более часа. Все взялись за спиннинги, чтобы развлечься рыбной ловлей.

На месте, где соединялись быстрые воды Орхона с водами нового притока, оказалось обилие рыбы. Она здесь, видимо, паслась в поисках пищи и сразу же хватала закидываемую блесну. За пол часа спиннингисты наловили среди камней много ленков и хариусов, что в дальнейшей ловле ее уже не было никакой необходимости. Улов покрыл более чем двухдневную потребность коллектива, запасы же на более продолжительное время были невозможны, да к тому же ее не было в этом и необходимости.

- Чистить рыбу весьма неприятное занятие, но с имеющимся уловом умело и быстро справлялся опытный в деле Николай. Остальные тем временем организовали костер, кипятили чай и варили уху. Уха получилась на славу, но ужинать пришлось при свете костра, так как солнце закатилось, и быстро надвинулась темная ночь.

В лесу протяжным ревом заголосили лоси, олени, таинственно и жутко заухали филины, но все это можно было услышать лишь углубившись в тайгу, а у костра царил непрерывный хаотический шум неистовой горной реки.

Геологи, утомленные тяжелым переходом, не замечая всего этого, расположились на куче сухой хвои и уснули крепким сном.

Орхон удивляет.

С наступлением рассвета участники лодочного похода пробудились. Утро было туманное, но значительно теплее, нежели на трехкилометровой высоте хребта. После кружки горячего чая возле костра, все согрелись и продолжили маршрут.

Орхон, приняв воды многоводного притока, стал солиднее, но несколько степеннее, количество перекатов и порогов в нем уменьшилось и все равно местами экипажу приходилось спешиваться, обходить опасные участки, переносить весь груз и лодку на руках.

К полудню лодка Доржа выплыла на первый плес, он был широк и глубок. Базальтовые борта каньона не превышали двух – пяти метров и отстояли один от другого метров на сорок-пятьдесят, так что просматривалась местность: - слева виднелась тайга, а справа простирались луга с зарослями мелкого кустарника.

За плесом последовал удивительно красивый водопад, где лодку вновь пришлось переносить на руках. Перед водопадом русло реки сужалось. Идеально выровненное и отполированное дно здесь состояло из тех же черных базальтов, которые с ювелирной точностью были обрезаны и вода пятиметровой высоты толстой просвечивающей лентой падала в огромный естественный бассейн.

Красоты водопада пополняла зелень лиственниц и кустарника, растущих на берегах каменистых обрывах. Вода, как в ленте водопада, так и в обширном бассейне, была окрашена в коричневый цвет, но сохраняла свою прозрачность.. Несмотря на большие глубины можно было видеть даже мелкие камни, лежащие на дне.

Николай, просматривавший бассейн, вдруг лихорадочно замахал руками, призывая к себе товарищей. Оказалось, что там буквально кишели косяками рыбы: на месте падения водной ленты толпились крупные, как обрезки бревен, черноспинные таймени и, отличающиеся от них меньшими размерами, полосатые, под цвет дна, увесистые ленки. Рыбы, пластично работая хвостами, держались на месте против течения или, вострепнувшись, одна за другой бросалась в пучину бурлящей воды где, извиваясь, как змеи, стремительно, как молнии, взлетали вверх по стеклянной струе водопада. И нельзя было понять, - гонялись ли они за добычей или просто резвилась в быстрине? Добычу, за которой они могли гоняться, увидеть не удалось. Возможно, она была мелкой неуловимой глазом !

Налюбовавшись редкостным зрелищем, Николай перед косяком тайменей забросил блесну, которую один из них тут же проглотил. Жилка спиннинга натя-

нулась и стада ползать по бассейну то туда, то сюда, бороздя его поверхность. Иногда таймень выпрыгивал и, разинув огромную зубастую пасть, мотал головою из стороны в сторону, стараясь освободиться от вонзившихся крючков и, не добившись желаемого результата, вновь погружался в глубину.

Михаил Иванович, экономя время, уже нервничал и торопился продолжать маршрут, а таймень не сдавался и задерживал отплытие.

Наконец, обессиливший громадина с разинутой пастью оказался на прибрежных камнях, и тут Володя, вцепившись в жабры, выволок его на берег.

После трудной геологической работы была такая рыбалка. (слева на право: моя сестра, отец - Михаил Иванович, геологи, моя Мама, повар Фу – Ми – Цо, геолог Николай)

Лодка с геологами не пришла по течению реки и одного километра, как перед геологами открылась новая грандиозная картина. Здесь впадала, равнозначная Орхону река Теральджа. Ее русло возвышалось над первым более чем на два десятка метров. С этой высоты зеркальной лентой низвергались ее воды. Лента реки, впадая на нагромождения огромных камней, с шумом разбивалась в мельчайшие брызги. Над огромным котлованом, на массе падения воды, стояло белое облако, в котором неугасимо во всех цветах красовалась радуга. Группа стройных высо-

ченных лиственниц и несколько ширококронных сосен на поляне, расположенной вблизи водопада, образовывали приятный зеленый уголок. Под кронами деревьев глыбы камней напоминали столы, а валуны вокруг них - табуреты, как бы небрежно разбросанные здесь компанией. Этот красивый уголок посещают любители – утверждал Дашан. Он вполне доступен проезду к нему возможен по обширной долине. Задерживаться у водопада геологи не располагали временем, и все же столь красивая картина приковывала их внимание. Высота водопада оказалась равной двадцати трем мерам, ширина ленты падающей струи- около десяти метров. За водяной лентой был обнаружен грот, в который свободно могли разместиться люди. Свет в него проникал сквозь стекляннопозрачную водяную завесу, прикрывающую западную сторону, откуда светило солнце. Его лучи, разлагаясь в прозрачной гигантской ленте, разрисовывали ее в многообразные беспрерывно.

Сменяющие цвета и оттенки. Казалось люди находятся в фантастическом дворце. Любовались геологи бесконечно, но прохлада и ограниченность во времени подгоняли их. Они оставили грот и поспешили в лодку. Еще долго, среди общего шума реки, выделялся грохот водопада, но по мере удаления затерялся. Лодка все плыла и плыла по извилистым стремнинам между отвесных безмолвных стен каньона. Миновав очередной пережат, она оказалась в затишье, где замедлившееся течение едва передвигало ее по своей глади. Река была многоводной, менее каменистой и казалась не опасной. Но это только казалось. На самом же деле судьба таила ряд роковых неожиданностей.

Владимир и Николай, утомленные длительной напряженной работой в бесконечных стремнинах реки, здесь беспечно сложили свои шесты и закурили.

Михаил Иванович и Дашан, используя спокойное движение, вели наблюдения за прибрежными скальными обнажениями горных пород. Лодку меж тем, подхваченную стремительным течением, резко повернуло вправо, понесло в какую-то узкую теснину, откуда слышался оглушительный и несмолкаемы гул. И справа, и слева от лодки стояли неприступные высоченные отвесные каменистые скалы, выпрыгнуть на берег не было никакой возможности. Николай и Володя бросились орудовать шестами, не могли найти никакой опоры: - глубина была необычная, не хватало длины места бортовые скалы отполированные водой, не имели никаких закраин, и шесты скользили со ним как по льду.

Вдруг лодка стукнулась о камень, выпирающий из воды, внезапно остановилась, так что экипаж, находившийся в ней, по инерции резко покачнулся вперед. Лодку, подхваченную стремниной, мгновенно, как мяч, бросило в сторону, людей ударило о стенду береговой скалы и их поглотила клокочущая бездна водопада.

Природа этой дивной страны в изобилии сказочными чудесными водопадами несмотря на то что это страна степей

Спасение.

Вечерело. По обширной долине реки Орхона, лавируя меж нагромождений огромных глыб черного базальта, мчался резвый приземистый коренастый вороной конь. Седок на нём, ловко восседая бедром правой ноги в седле, отчеканенном узорчатым серебром, громко распевал.

Эхо песни, переливаясь, откликалось далеко в скалах и в дебрях дремучей горной тайги.

Черные, как смоль, с переливами волосы на обнаженной голове седока, лоснилась в лучах предзакатного солнца. Длинные полы цветастого дели, развеваясь в вихре быстрого движения, похлопывали о голенища черных хромовых сапог. Длинный хвост коня вытянулся и, волнисто извиваясь, трепетал во встречных потоках воздуха.

Перед каньоном всадник осадил коня, и тихим шагом по извилистой тропе спустился к широкому каменистому перекату. Конь опустил голову и, фыркая широко раздутыми ноздрями, принялся было пить воду, но Опытный седок натянул поводья, ударил в бока стремями и последовал бродом через реку. Но вдруг конь остановился посредине брода, песня седока внезапно оборвалась, а взоры их остановились на черном предмете, дрейфующем между камней. Это была надувная резиновая лодка. Около нее никого не было. Подъехав к лодке, седок ухватился за тонкий бортовой канатик и выволок ее на прибрежную отмель.

Из - за поворота реки показался человек. Он бежал, размахивая руками, и, видимо, что-то кричал, но голос заглушали журчание реки и «стозвон» перекачиваемых камней.

На одной ноге человека был кирзовый сапог, другая была босая. Мокрые брюки, прилипнув к телу, облекали тощие бедра. Выше пояса тело было голым, правый бок поцарапан, из свежей раны каплями сбегала алая кровь.

- Сюда! - кричал он.

- Хорошо! Еду, еду! - ответил ему всадник, на достаточно чистом русском языке и пришпорив коня поскакал на встречу.

Николай Савин, из числа потерпевших крушение, первым был выброшен течением реки на берег. Оказавшись среди высоченных каменистых берегов, он увидел всадника опустившегося к реке. Это было его счастьем и счастьем всех остальных. К нему – то и побежал, прося помощи в поисках пострадавших товарищей. Не теряя времени в рассказях по поводу случившегося, Николай в нескольких словах объяснил повстречавшемуся монголу, что выше переката уто-

пают три его товарища. Их немедленно нужно найти и спасти. Всадник оказался толковым и отзывчивым. Он тут же поехал вверх по реке по одному берегу, а Николай пошел по другому. Перекат был длинным, широким и каменистым. Всадник, пользуясь привычкой лошади к воде, заезжал в стремнины, и тщательно просматривал все подозрительные места. Но, увы! Никого не обнаруживал.

Николай, прихрамывая на босую иссеченную о камни ногу, отстал, а всадник стремительно удалялся все дальше и дальше.

Наконец, за поворотом зеркальной гладью заблестел обширный плес, от него то и начинался этот длинный, казалось, бесконечный перекал.

Здесь вода стремительно набирала скорость, образовывала широченное полотно, которое тут же встречало ряд огромных каменных глыб, о них, как об острые ножи, разрезалось на ряд лент. Ленты, извиваясь, бурлили, перекачивали отшлифованные до блеска мелкие камни, вызывая множество различных звуков, которые сливались, образовывали своеобразные строй аккорды.

На одном из огромных камней, в бурунах водных стремнин покачивался какой-то темный предмет. К нему и поскакал всадник. Возле вывороченных корней дерева он резко осадил коня, ловко спрыгнул на гальку, устилавшую прибрежную косу, быстро привязал длинный повод уздечки и не раздумывая бросился в воду. Через мгновение он уже с большим трудом преодолевая могучую силу бурлящего потока, ловко лавируя меж камней, нес к берегу тяжелую ношу. Это был Михаил Иванович. На его левом виске алел свежий шрам, пальцы на руках кровоточили, а обессиленное тело грузно висело на плечах коренастого спасителя.

На прибрежной косе монгол положил тяжелую ношу и проделал несколько движений, чтобы размять свои уставшие руки.

Меж тем, Михаил Иванович, лежа на теплой гальке, согретой лучами солнца, очнулся, раскрыл помутневшие глаза. На помощь поспешил его спаситель-монгол, подоспел и Николай.

Из рта и носа Михаила Ивановича хлынула вода. Было ясно, что его состояние теперь вне опасности; тогда Николай побежал дальше вдоль реки на поиски остальных своих спутников. Оказалось, что они находились в непосредственной близости и лежали на груде камней. Боль в ушибленной ноге Володи не давала ему возможности двигаться, а Дашан только приходил в сознание.

На голове Дашана тоже кровоточила рана, которую Николай тут же перевязал. Помощь была своевременной. Тяжелых телесных повреждений ни у кого не

оказалось. Все же были в состоянии шока, но без посторонней помощи справлялись с ситуацией. Молодежь, шутя, быстро встала на ноги и направилась вниз по течению реки.

Каково же было удивление: Михаил Иванович уже был на ногах, в крепких объятиях сжимал монгола, целуя, называя его по имени.

- Пацур! - спаситель! Ты вырываешь меня у смерти в роковые минуты. Ведь через девять лет после нашей разлуки, ты вновь вырвал меня из объятий смерти! Спасибо! Мой дорогой Пацур!

Монгол так же крепко сжимал в объятиях Михаила Ивановича и со слезами радости на глазах целовал, приговаривая:

- Старшой! Дорогой наш старшой! В этот момент Михаил Иванович сразу вспомнил – так его звали солдаты его спецразведвзвода в далекие годы войны.

Разве можно умирать. Ведь нас не убили ни пули, ни снаряды немецких фашистов. Нам только жить, работать да радоваться! – Так говорил Пацур ефрейтер спецразведвзвода, в этот момент.

Сцена неподдельной радости Михаила Ивановича и незнакомого, случайно подвернувшегося монгола для Николая, Володи и Дашина была вполне понятной. Они чувствовали, что в их ликовании и радости было что-то еще, более глубокое...

Встреча с боевым товарищем.

В полосе неба, видневшегося из каньона, в лучах догорающего солнца атели мелкие клочья курчавых облаков. В каньон лучи не достигали, воздух в нем, насыщенный водяными парами, становился холодным и невольно заставил всех вернуться к действительности и призадуматься о плане дальнейших действий. Идти на ночлег в ближайшие юрты аратов, как это предложил Пацур, пострадавшие не соглашались, так как вид их был жалким, и они не хотели оглашать свою оплошность, показываясь на глаза людей. Да и путь в два-три километра некоторым в данный момент было бы тяжеловат.

Было решено - здесь же, в каньоне, разложить костер и заночевать. Пищу и чай обещал раздобыть Пацур. Его услуги, конечно, были как нельзя кстати. Он помог наломать изрядную грудку сухих лиственничных сучьев и разжечь большой костер.

Золотистое пламя жадно охватывало то и дело подбрасываемые сухие смолистые дрова. Каждая порция сучьев образовывала фейерверк искр, взлетающих высоко в ночную черную бездну ночного неба. Искры постепенно меркли, а затем угасали в узком каньоне, не долетев до уровня просторов обширной долины. Жар, исходящий от огромного костра, быстро нагревал отвесную каменную стену, на которой отражались четыре огромные смешные тени.

Мокрая одежда, развешанная вокруг костра на палках, выделяла пар, который подхватывало и уносило ввысь. Летучие мыши и совы, привлеченные светом и теплом, с шумом сновали в полосе, освещенной пламенем.

На порогах и перекатах своими водами, множеством переносимых камней шумно и неугомонно бурлил Орхон. Перед бивуаком он образовал большой глубокий плёсс, в зеркале которого отражались пляшущие длинные языки пламени и взлетающие искры.

Жар костра и тепло, отражающееся от согревшейся каменной стены, с другой создавали теплую уютную обстановку.

Возвратился Пацур. Звонкой, веселой песней он издали дал знать о своем приближении. Его веселое настроение было вестником успеха.

Пацур привез архи, трехлитровую флягу с молоком яко – бизонов, сухого творогу, лепешек и все необходимое для приготовления чаепития.

Архи изготавливают монгольские чабаны путем перегонки квашенного мо-

лока. «Первач» бывает прозрачен, как чистая вода, и крепок, как разведенный винный спирт. Вот этого то первача Пацур и преподнес каждому в пиалах, порекомендовал выпить и растереть тело. Первым пример показал сам. Он продрог не менее других.

В воду, кипящую над костром, Пацур вылил молоко, бросил горсть зеленого чая и соли. Молоко яко – бизонов густое, содержит много жира и сахара.

У костра распространялся приятный аромат готового напитка. Тут кто - то напомнил о продуктах, потонувших в пучине зловещего Орхона.

- Эх! Вот бы сейчас сюда продукты, что в нашем рюкзаке ...

Эти слова напомнили о случившемся. Пацур прервал грустные мысли приглашением к столу. У костра на камне уже были расставлены монгольские пиалы; а на клочьях газетной бумаги насыпан сухой творог и положены солидные ломти пресной лепешки.

Постелив на землю уже высохшую одежду, расположилась на чаепитие.

Сухой творог, пресные лепешки и горячий чай подкрепили силы каждого. Подмоченный табак и папиросы за время чаепития подсохли.

Задышал Михаила Иванович, взял в зубы неразлучную трубку «Мефистофель», Пацур- медную, с нефритовым мундштуком монгольскую трубку, а остальные- пожелтевшие папиросы. Задымили даже некурящие.

Несколько минут у костра царило молчание. Наконец Дашан, Владимир, и Николай нарушили его. Они стали упрашивать Михаила Ивановича и Пацура рассказать, где они так крепко подружились?

- Если сказать о истории нашей дружбы в нескольких словах, Вы не почувствуете, не поймете всего, да это и неинтересно. А если поведать с некоторыми подробностями, то на это потребуется много времени. Едва ли Вы наберетесь терпения и согласитесь выслушать меня ? - предупредил Михаил Иванович.

- Просим, просим! - в один голос просили все.

Михаил Иванович задумался, восстанавливая в памяти давно минувшее. Его лицо помрачнело, брови сдвинулись, а взгляд, устремленный в костер, как бы рассматривал что-то в углях.

Затем он выбил пепел из черепа «Мефистофеля», набил его новой порцией «золотого руна», прикурил от пылающего полена, выпустил облако дыма и приступил к рассказу.

- Вот уже несколько суток,- начал он,- мы не смыкали глаз, в составе моего подвижного спецподразделения мотомехазированной армии, где служил и Пацур, стремительно маневрировали по тылам гитлеровских полчищ, разрушая комму-

никации, уничтожая резервы, громя движущиеся к фронту подкрепления противника, выводя из строя...

Увлекательный рассказ затянулся на всю ночь и утро, а когда был завершен, яркое солнце поднялось уже так высоко, что заглянуло в конвой и стало вновь согревать остывшую за ночь гальку береговой косы.

Позавтракав, геологи занялись поисками своих вещей. В омуте, в непосредственной близости от места крушения на большой глубине, сквозь прозрачную воду удалось разглядеть ящики с дорогостоящим геологическими приборами, двуствольную «Тулку», фотоаппарат «Зоркий», палатку, два спальных мешка, спиннинг, полевую сумку. К сожалению, глубина была очень большой. Для извлечения их из глубины омута нужен был человек- профессионал, если не водолаз, то способный нырять на такую большую глубину. Это мог сделать только спаситель Пацур, как спецназовец- разведчик. Он, как оказалось, во время Великой Отечественной войны служил вместе с Михаилом Ивановичем во взводе разведки и выполнял и задания потруднее. По его словам, Пацур мог задерживать дыхание подводой на пять - шесть минут, как профессиональный ныряльщик - ловец жемчуга, хотя родился в степях. Естественно, что просьбу Михаила Ивановича о подъеме оборудования Пацур выполнил. Ему помогали Николай, Володя, Дашан и сам Михаил Гаврилович.

Все ящики с дорогостоящим геологическими приборами, вещи были осмотрены Пацуром и с помощью геологов извлечены из воды с большой глубины. Для просушки, приборы и вещи были разложены на согревшейся береговом гальке. От воды пострадали магнитометр, ручные часы, биноклярная лупа, фотоаппарат, патроны к «тулке», топографическая карта и записная книжка, спички. Бесследно исчезли только рюкзак с провиантом, кирзовый сапог и всякая мелочь.

В одиннадцатом часу дня отряд был уже готов к отправлению. С Пацуром, к сожалению, пришлось распрощаться. Он последовал на коне к своему семейству, но дал твердое слово, что в следующее же воскресенье посетит лагерь геологической экспедиции.

В дальнейшем маршрут продолжали с большими предосторожностями: на перекатах и порогах спешивались, лодку спускали по течению, придерживая с помощью веревки, и лишь на участках относительно спокойного течения и на плесах продвигались на лодке, управляя длинными шестами.

В борту одного обширнейшего плеса красовалась высеченная черная скала, контур которой на фоне голубого неба напоминал огромного льва. Лодку примчали к берегу скалу осмотрели тщательно.

Она состояла из черной ноздреватой стекловатой лавы. В некоторых участках ее весьма четко вырисовывались узловатые волокна застывших потоков.

В отдельных узлах красовались овальные, различной величины, вулканические бомбы. Они отличались от общей массы и по цвету, и по структуре. В пустотах лавы наблюдались белые, розовые и миндалины кварца и кальцита.

Утес представлял непоколебимый монолит, способный выдержать все стихии природы и выстоять многие тысячелетия.

В основании его залегали зеленовато – серые песчаники. В них нашли многочисленные окаменевшие остатки верхнеперемной флоры и фауны. Стало ясным- возраст этих пород верхнепермский.

Непосредственно под базальтами залегал двухметровый слой галечников, состоящих из пород, слагающих окружающие горы.

Возраст базальтов как видим определялся их положением.

Лодочным маршрутом по реке Орхон был освещен ряд геологических вопросов. Теперь уже было ясно, что обширная долина создана не только эрозийной силой реки Орхона, а первоначально заложена и оформлялась при неоднократных грандиозных перемещениях блоков земной коры, происходивших в древние и недавние времена. Образовавшаяся впадина на протяжении последующих эпох заполнялась обломочным материалом горных пород, приносимый волнами потоками с ближайших горных вершин. Разломы, ограничивающие грабен, неоднократно обновлялись, по ним происходили подвижки блоков земной коры. На месте же пересечения двух мощных разломов, - в верховьях реки Орхона, - образовался хребет, по которому в недавние времена четвертичного периода произошло извержение. Огненно- жидкие лавы, стекая под наклоном к земной поверхности, в долине Орхона образовали мощный базальтовый покров, в котором река прорезала глубокий каньон...

Тут Автор позволяет себе сделать маленькое отступление от времени повествования для того, что бы изложение геолого - исторических сведений по бассейну реки Орхона, пополнить совершенно новыми данными.

Река Орхон находится в сейсмической зоне. Там и в настоящее время периодически проявляются подземные толчки. Совсем недавно, - четвертого декабря тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года, - там произошло землетрясение. При этом на курорте Худжирте, аймачном центре Архагай и в других населенных пунктах пострадали здания и даже люди. В горах произошло обрушение некоторых слабоустойчивых скал, образовались зияющие трещины, отмечены и небольшие перемещения блоков земной коры...

Отдых после работы.

Итак, основные вопросы, поставленные перед отрядом в данном маршруте, были освещены. Участники его были довольны этим и решили в заключение часок-другой, перед прибытием в лагерь, уделить рыбной ловле. Здесь, на плесе, нашли один свой же спиннинг, принесенный течением реки от места катастрофы. Группа из четырех человек, уже располагала двумя спиннингами.

Место для ловли рыбы было хорошим; по всем признакам должна была водиться крупная рыба. Этому благоприятствовала большая ширина, глубина реки и прекрасное место для добычи пищи около переката.

Михаил Иванович и Николай рассредоточились на двух берегах реки. Они взмахнули свингами. Серебристые блесны, сверкнув в лучах солнца, взлетели ввысь, увлекая за собой длинные бесцветные жилки, -и булькнули в воду. Тут же закрутились барабаны катушек, накручивая жилки.

- Есть! - с веселым азартом вскрикнул Николай.

Жилка натянулась, бамбуковый спиннинг дугообразно изогнулся. Николай включил трещотку, стал изматывать силы хищной рыбы. Она яростно металась из стороны в сторону, плавала по глубинам реки, а затем, разъярившись, выпрыгивала на поверхность и вновь тяжело плюхаясь, погружалась.

В этот момент раздался еще один басовитый радостный возглас.

- Есть!

Это уже повезло Михаилу Ивановичу. После третьего броска он едва успел ухватиться за рукоять катушки, как жилка натянулась струной. Сила хищника была столь велика, что Михаил Иванович вынужден был только включить трещотку и, постепенно отпуская жилку бежать вдоль берега вслед за удаляющейся рыбой.

Человеку, не искушенному в ловле крупной хищной рыбы на блесну (беготня и суета на берегу реки!), она показалась бы весьма смешной и непонятной. Они же в поте лица, выполняли всё весьма серьезно, с большим увлечением.

В этих случаях у спиннингистов должно быть терпение, выработанная техника, быстрота действий, сноровка. При отсутствии этих качеств любую жилку рыба может оборвать и уйти восвояси.

Долго и с удовольствием трудились рыбаки и, наконец, Николаю удалось извлечь тайменя из воды на береговую гальку.

На помощь же Михаилу Ивановичу поспешил Владимир. И даже вдвоем более двадцати минут не могли осилить рыбу. Огромный таймень с широченной

пастью выпрыгивал высоко над поверхностью воды, мотал головою, стараясь освободиться от крючков блесны, но обессилев падал, погружался, стремительно плавая, то в одну, то в другую сторону. Рывки и стремительность порывов стали уменьшаться, силы хищника явно сдавали, и рыбакам удалось значительно укоротить жилку, смотав ее на барабан катушки, а затем вывести огромную тушу тайменя на береговую отмель.

Тут в тело хищника следовало вонзить острый железный багорик и выволочь его на берег, но багорика не оказалось. Он был потерян при крушении.

Володя, изловчившись, прыгнул на тайменя и, ухватившись за жабры хотел извлечь на берег, но огромный хищник, уже успел собраться с силами. Он пополз по скользкой гальке в воду увлекая за собой и седока. Владимир конечно оробел и бросив добычу выбежал на берег. Холодная вода струями сбегала с его одежды, а он ухал от холода и чертыхаясь отряхался.

- Ну и силища же! чертяга.....

Вот таких таймени водятся в реке Орхон!!!

Таймень оказался рекордным за весь сезон. Его длинна составляла пятьдесят три сантиметра, в вес равен двадцать четыре килограмма. Пасть была на столько широка, что через нее свободно проходил камень, величиной много более кулака.

Челюсти и жабры были усеяны острыми, как иглы зубами, слегка наклоненными вовнутрь. При этом, из живота хищника были извлечены две свежезаглоченные рыбы, весом до семисот грамм каждая.

Рыбалка с помощью спиннинга весьма увлекательное занятие: не заметили, как уже день приблизился к концу. Следовало торопиться, т.к. до лагеря оставалось еще более двух часов сложного пути, к тому же в желудке каждого начало урчать.

Когда рыбаки тронулись, на дне резиновой лодки вместе с двумя крупными тайменями красовались несколько полосатых линьков и до десятка серебристых хариусов. Николай и Дашан, хохоча до болей в животе, подтрунивали над Володей. Ай да Володя! Храбрец! На таймене задумал прокатиться. Окунулся в воду и струсил. А мог быстрее добраться до лагеря, чем вот на этом мяче.

Веселый заразительный смех был прерван Михаилом Ивановичем.

- Тихо! Тихо! - просил он показывая пальцем вперед.

За крутым поворотом реки показалась небольшая заводь, в которой за кустами тальника спокойно паслись утки.

Николай моментально переломил свою двуствольную «тулку» и вложил два патрона.

Слабый ветерок был встречным; шум и шорох уносил вверх по реке. Буквально через секунды лодка оставалась у кустов в нескольких метрах от большой стаи уток.

Николай прицелился и спустил курок. Какая же досада! Подмоченный патрон дал осечку. Утки разом вспорхнули, но тут из второго ствола раздался выстрел. Три кряквы одна за другой попадали в воду.

Маршрут близился к концу.

Солнце уже давно скрылось за береговые утесы каньона, и его последние лучи румянили облака, плывшие по голубому небу. В речную долину опускалась вечерняя прохлада.

Маршрут близился к концу. Уже показался островок с лесочком, разделяющим русло Орхона на два бурных рукава. Напротив этого острова, на плоской террасе, маячили верхушки юрт экспедиционного лагеря.

Геологи приближались к финишу, предвкушая радостную встречу, горячий ужин и отдых. Не в силах сдержать свою радость, Николай запел .

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

.....

Песню подхватили все, и звонкое эхо разнеслось далеко по ущелью. На высокой скале у лагеря показались два силуэта - Анны Алексеевны и Шурика.

- Папа! - кричал мальчик, приложив ко рту сложенные рупором ладони.

Эхо его крика, переливаясь по ущелью, сливалось с эхом песни людей, плывущих в лодке и, удаляясь, терялось в беспредельных таежных далях.

С криками «Ура!» путешественники высадились на берег. Шурик сразу же повис на шее отца. Целовал его щетинистые щеки, лоб, повизгивал и тут же задавал массу вопросов, на которые Михаил Иванович едва успевал отвечать.

Дашан, Николай и Володя выгрузили вещи и трофеи. Лодку вытянули на зеленую площадку речной террасы; в нее тут же уселся Шурик и стал усердно изображать работу гребца.

Повар Фу – Ми – Цо, при приближении лодки к лагерю, засуетился на кухне. В кастрюлях уже кипел бульон, на сковороде шипели котлеты, а на столе выросли стройные ряды «писаных» пельменей.

Не прошло и часа, как раздалась радиотрансляция и голос повара возвестил:
- Пельмени готовы, кушать надо!

Настроение людей было приподнятым. За столом сидели шумно. В открытых разговорах ужин затянулся бы до полуночи, но объявили, что будет кино и все сразу радостно стали выбираться из-за стола...

Трогательное расставание боевых друзей.

Маршрут по реке Орхону был последним. После этого геологи совершали выезды в отдельные участки района, уточняли неясные положения на карте, брали контрольные пробы и образцы горных пород. А осень, меж тем, усиленно наступала: сократились дни, солнце часто скрывалось за беспредельной пеленой серых туч, ночи становились холодными. По утрам не только на больших высотах, но повсюду на деревьях стал серебриться иней, луга и леса покрылись осенней позолотой и уже заканчивался перелет птиц в теплые края.

В один из хмурых дней, в конце сентября, в воздухе закружились первые крупные, пушистые, белые хлопья. К вечеру снегопад прекратился, небо очистилось от туч и темно-голубой свод его заблестал множеством ярких звезд. Утром и деревья, и травы переливались многочисленными бриллиантами инея. В заводях реки образовались пузырьчатые, тонкие, как стекло, забереги.

К лагерю экспедиции в этот день подкатила колонна пустых грузовых автомашин, которая в первой половине следующего дня уже была полностью загружена имуществом и материалами экспедиции. Мусор, собранный на месте бывшего лагеря, догорал в огромном костре, возле которого одиноко маячил со своим вороным конем сторож Пацур, приехавший на проводы друга.

Закончив распоряжения, Михаил Иванович подошел к Пацуру; друзья по-братски обнялись, пристально посмотрели друг на друга и нехотя разошлись. Пацур сел на своего вороного коня, а Михаил Иванович в открытый кузов легкового газика. По знаку Михаила Ивановича колонна медленно тронулась. Пацур, некоторое время сопровождая ее, запел песню, сочиненную геологами:

Орхон, наш Орхон

Горная река,

На порогах шумная,

В плесах глубока.

Твои воды бурные

С множеством камней,

С песнею бравурною

Мчатся всех сильнее.

На берегах твоих утесы

Грозны высоки,
В разливах наносы
Мощны, широки.

Ты резвишься на просторах
Быстрою волной.
Скачешь на порогах
Тонкою струей.

Бьешься ты о скалы,
Пенишь и кипишь,
И набрав буруны,
Снова ты бежишь.

С жизнями играешь,
Славно как в мячи.
Бездну их швыряешь
В грозные часы.

Орхон, наш Орхон,
Горная река,
На порогах шумная,
В плесах глубока.

Песню подхватили все, и пели ее, дружно помахивая шапками постепенно отстающему от колонны Пацуру...